

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

ISSN 0321-5075 (Print)
ISSN 2782-2389 (Online)

ASIA & AFRICA today

2023 № 10

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИНСТИТУТ АФРИКИ

АЗИЯ сегодня и АФРИКА

2023 № 10

Ежемесячный научный журнал

Выходит с июля 1957 года (до марта 1961 г. – «Современный Восток»).

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Главный редактор
академик РАН А.М. Васильев

Редакционная коллегия:

И.О. Абрамова (Институт Африки РАН, Москва, Россия),
Б.А. Акинтерина (Нигерия), В.Я. Белокреницкий (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), Х.Х.С. Вишванатан (Индия), Ян Гуан (КНР), А.Б. Давидсон (Институт
всеобщей истории РАН, Москва, Россия), А.В. Денисов (Москва, Россия),
Я.М. Ибн Джунейд (Саудовская Аравия), С.С. Кунанбаева (Казахстан), Москва, Россия),
В.А. Мельянцева (Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия),
Д.В. Мосяков, (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия), Ф.С. Муфаммади (ЮАР),
М. Наср аль-Гибали (Египет), У. Рено (США), С.В. Прохогина (Институт востоковедения РАН,
Москва, Россия), О.И. Тетерин (Москва, Россия), Л.Л. Фитуни (Институт Африки РАН,
Москва, Россия), Т.Л. Шаумян (Институт востоковедения РАН, Москва, Россия),
В.Г. Шубин (Институт Африки РАН, Москва, Россия)

Редакция:

О.И. Тетерин, первый зам. главного редактора
А.В. Денисов, ответственный секретарь
Л.Ю. Тенякова, редактор
Е.А. Львов, зав. редакцией
Г.М. Абишева, оформление и верстка

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES

ASIA today & AFRICA

2023 № 10

Scientific monthly journal

Published since July 1957 (until March 1961 has been issued under the title
“Sovremennyi Vostok” / “Contemporary East”). The journal is published under the supervision
of the Historical and Philological Department of the Russian Academy of Sciences (RAS)
ISSN 0321-5075 (Print); ISSN 2782-2389 (Online)

Editor-in-Chief

Academician of RAS A.M. Vasiliev

Editorial Board:

I.O. Abramova (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia),
B.A. Akinterinwa (Nigerian Institute of International Affairs, Nigeria), V.Ya.
Belokrenitsky (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), Ya.M. Bin Junaid (Center for
Research and Islamic Studies, Saudi Arabia), A.B. Davidson (Institute of World History, RAS,
Moscow, Russia), A.V. Denisov (Moscow, Russia), L.L. Fituni (Institute for African Studies, RAS,
Moscow, Russia), Y. Guang (Chinese Academy of Social Sciences, China), S.S. Kunanbayeva
(Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages, Kazakhstan),
V.A. Meliantsev (Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia), D.V. Mosyakov (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia),
F.S. Mufamadi (University of Johannesburg, South Africa), M. Nasr El-Gebaly (Ain Shams
University, Egypt), S.V. Prozhogina (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia), W. Reno
(Northwestern University, USA), T.L. Shaumyan (Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow),
V.G. Shubin (Institute for African Studies, RAS, Moscow, Russia), O.I. Teterin (Moscow, Russia),
H.H.S. Viswanathan (BRICS Think Tank Council, India)

Editorial Staff:

O.I. Teterin, First Deputy Editor-in-Chief
A.V. Denisov, Executive secretary; L.Yu. Tenyakova, Text editor
E.A. Lvov, Office manager; G.M. Abisheva, Designer

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Изотов Д.А. (Хабаровск). Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации	5
Бони Л.Д. Китай: стратегия модернизации сельского хозяйства	15
Старикова М.Н. Политика позитивной дискриминации в Индии: новые подходы к решению социально-экономических проблем	26
Васильев А.А. Саудовская Аравия сегодня. Размышление о прошлом и будущем	34
Мишин И.О. Альянс США, Японии, Филиппин: новый формат сдерживания КНР?	45
Файн Е.В. Феномен «куволюций» в странах Африки	53
Мязин Н.А. (Калуга). Пятидесятничество и социально-политические изменения в странах Тропической Африки	59
Андреева Л.А. Реализация возможностей как драйвер африканской экономической миграции в Европу	66

РЕЦЕНЗИИ

Львова Э.Л. Эфиопские мусульмане	74
Крылова Н.Л. «Французский язык – моя отчизна». (Габриэль Одизио). «Французский язык – моя чужбина» (Малек Хаддад)	78

© Российская академия наук, 2023
© Редколлегия журнала «Азия и Африка сегодня»
(составитель), 2023

Точка зрения авторов может не совпадать с точкой
зрения редакции.

**Журнал включен в список ВАК. Входит в Russian
Science Citation Index на платформе Web of Science
и EBSCO Publishing.**

Адрес редакции:

123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1

Тел.: **+7 495-697-95-66**

E-mail: **asaf-today@mail.ru**

Интернет: **www.asaf-today.ru**

CONTENTS

POLITICS, ECONOMICS

Izotov D.A. (Khabarovsk). Trade Interactions between China and Russia: Problems of Intensification	5
Boni L.D. China: Agricultural Modernization Strategy	15
Starikova M.N. Positive Discrimination in India: New Approaches to Socio-Economic Issues	26
Vasiliev A.M. Saudi Arabia Today. Thoughts about the Past and the Future	34
Mishin I.O. Alliance of the USA, Japan, Philippines: A New Format to Contain China?	45
Fain E.D. The Phenomenon of “Coupvolution” in Africa	53
Myazin N.A. (Kaluga). Pentecostalism and Social and Political Changes in Sub-Saharan Africa	59
Andreeva L.A. Realization of Opportunities as a Driver of African Economic Migration to Europe	61

BOOK REVIEW

Lvova E.L. Ethiopian Muslims	74
Krylova N.L. “The French language is my homeland” (Gabriel Audisio). “The French language is my foreign land” (Malek Haddad)	78

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Editorial board of «Asia & Africa today» (compiler), 2023

The authors opinions may not coincide with position
of the Editorial.

**Included in Russian Science Citation Index on WoS platform,
and EBSCO Publishing.**

Postal Address:

30/1 Spiridonovka Str.
123001, Moscow, Russian Federation
Tel.: **+7 495-697-95-66**
E-mail: **asaf-today@mail.ru**
Website: **www.asaf-today.ru**

Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации

© Изотов Д.А.^а, 2023

^а Институт экономических исследований
ДВО РАН, Хабаровск, Россия
ORCID: 0000-0001-9199-6226; izotov@ecrin.ru

Резюме. В условиях санкционной политики Запада в отношении России КНР становится для России важнейшим торговым партнером. Отталкиваясь от текущих условий, можно предположить, что в перспективе возможно изменение товарных потоков из КНР в Россию за счет возрастания роли китайских компаний регионального уровня и приграничных регионов, а также расширения сухопутных транспортных маршрутов. В свою очередь, поставки товаров из России на китайский рынок будут определяться расширением импорта российских товаров, притоком китайских инвестиций в совместные проекты на российской территории, увеличением доли расчетов в национальных валютах. На ближайшую перспективу один из способов для наращивания поставок России в КНР – активное освоение российским бизнесом китайского регионального рынка. Возможности российского включения в процесс торгово-экономического сближения с КНР могут быть увязаны с целями России по развитию Дальнего Востока.

Ключевые слова: КНР, Россия, пандемия, санкции, интеграция, регион, торговля

Для цитирования: Изотов Д.А. (Хабаровск). Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750028103-5

Trade Interactions between China and Russia: Problems of Intensification

© Dmitry A. Izotov^a, 2023

^a Economic Research Institute, Far Eastern Branch,
Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia
ORCID: 0000-0001-9199-6226; izotov@ecrin.ru

Abstract. China is becoming the most important trading partner for Russia, especially in the face of sanctions against the Russian economy. The article shows that, based on the current conditions, in the near future, it is possible to change the flow of goods from China to Russia due to the increasing role of Chinese companies at the regional level and border provinces, as well as the expansion of overland transport routes and the reduction of tariff barriers. In turn, the import of goods from Russia to China will be determined by the expansion of deliveries of Russian goods, the increasing of Chinese investments in joint projects on Russian territory, and an increase in the share of settlements in national currencies. One of the ways to increase Russian supplies to China is the active penetration of Russian firms into the markets of Chinese regions. The possibility of Russian involvement in the process of trade and economic cooperation with China can be linked to the goals of developing the economy of the Russian Far East.

Keywords: China, Russia, pandemic, sanctions, integration, region, trade

For citation: Izotov D.A. (Khabarovsk). Trade Interactions between China and Russia: Problems of Intensification. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 5–14. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028103-5

ВВЕДЕНИЕ

Стратегия интенсификации российской внешней политики на азиатско-тихоокеанском направлении получила название «поворот России на Восток» [1] и основывается на рациональной диверсификации экономических связей [2; 3], одним из главных направлений которых становится Китай. В свою оче-

редь, китайские компании рассматривают Россию как источник для диверсификации поставок сырьевой продукции и рынок для расширения сбыта своих товаров.

В последние годы расширение российско-китайских торгово-экономических взаимодействий сдерживалось ограничениями в период пандемии *COVID-19*. В условиях санкций против России со стороны Запада взаимодействие с Китаем становится все более значимым для поддержания российской экономики. По итогам 2022 г. Китай стал главным торговым партнером для России.

Потенциал дальнейшей интенсификации двусторонних взаимодействий определяется не только уровнем структурной взаимодополняемости экономик, но и расширением сотрудничества с КНР на региональном уровне.

Цель настоящего исследования (охватывает 2015–2022 гг.) – анализ динамики торговых взаимодействий китайских регионов с Россией, а также определение направлений для интенсификации двустороннего сотрудничества. Объектами для анализа являются регионы КНР, к которым относятся провинции, города центрального подчинения (ГЦП) и автономные районы (АР). Границы регионов КНР в целом довольно устойчивы [4], и сегодня в Китае насчитывается 31 регион (22 провинции, 5 АР¹ и 4 ГЦП²).

ТОРГОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КНР С РОССИЕЙ

По данным таможенной статистики КНР, динамика китайско-российского товарооборота была весьма впечатляющей: с 2015 по 2022 г. он увеличился в 2,8 раза (с \$68 млрд до \$190,3 млрд), в то время как торговля Китая с глобальной экономикой выросла только в 1,6 раза (с \$3810 млрд до \$6187 млрд). В 2018–2022 гг. товарооборот Китая с Россией характеризовался отрицательным сальдо торгового баланса, а видимое сокращение двусторонней торговли во время пандемии *COVID-19* было зафиксировано только в 2020 г. (см. *график*).

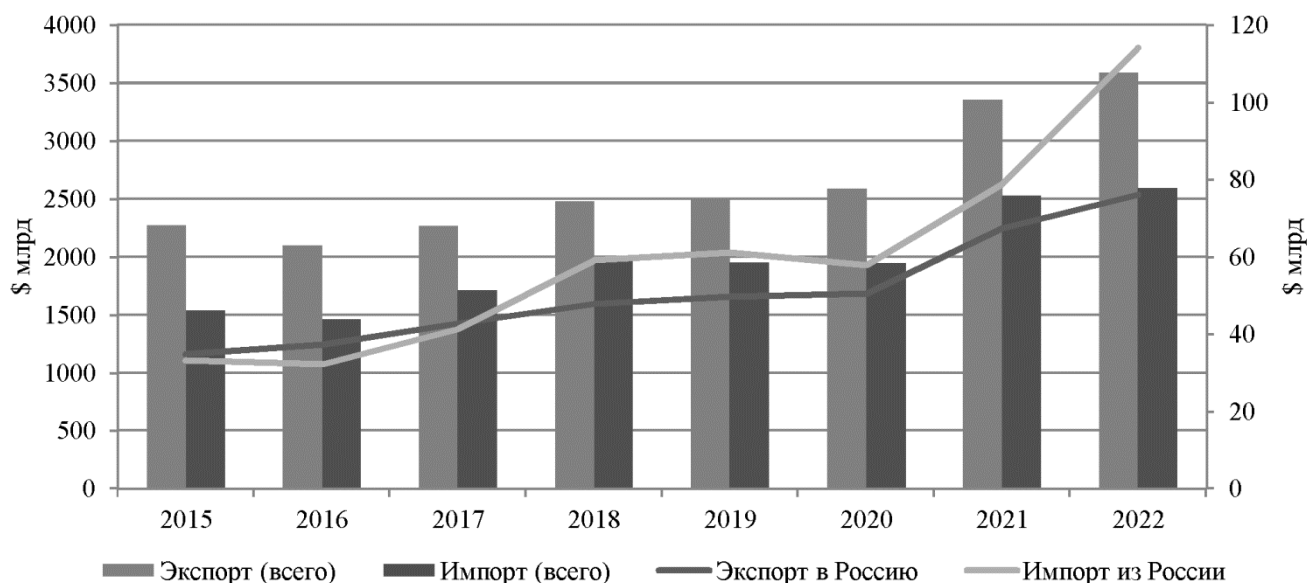

График. Торговля Китая с глобальным (левая ось) и российским (правая ось) рынками.

Graph. China's trade with the global market (left axis) and the Russian market (right axis).

Источник: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2023)

Доля России в товарообороте Китая с зарубежными странами увеличилась с 1,8% в 2015 г. до 3,1% в 2022 г. В результате по итогам 2022 г. Россия вошла в десятку крупнейших торговых партнеров КНР. Доля России в экспортных поставках Китая увеличилась с 1,8% в 2015 г. до 3,1% в 2022 г., в импортных потоках в КНР – с 2,2% до 4,4% соответственно.

¹ АР Внутренняя Монголия, Гуанси-Чжуанский АР, Тибетский АР, Нинся-Хуэйский АР, Синьцзян-Уйгурский АР.

² Города центрального подчинения (ГЦП) Китая: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай и Чунцин.

Экспорт из Китая в Россию, в соответствии с данными таможенной статистики КНР, увеличился в 2,2 раза – с \$34,8 млрд в 2015 г. до \$76,1 млрд в 2022 г. Динамика двусторонней торговли указывает на смещение экспортных поставок из КНР на российский рынок в сторону потребительских и инвестиционных товаров с высокой добавленной стоимостью³. Ограничения, связанные с реализацией политики «нулевой терпимости» к *COVID-19* и санкции, примененные западными странами к России, способствовали еще большему усилению данной тенденции.

С одной стороны, барьеры, связанные с пандемией, в целом не затрудняли поставку различного рода машин и оборудования из КНР на российский рынок, с другой – в 2022 г. стали в некоторой степени возмещать поставки товаров из развитых стран в Россию. В 2020–2021 гг., во время действия жестких ограничений в КНР, связанных с пандемией, структура китайского экспорта в Россию была довольно стабильной.

Ослабление политики «нулевой терпимости» к *COVID-19* в КНР совпало с введением санкций против российской экономики в 2022 г. По сравнению с 2021 г. в 2022 г. наблюдалось увеличение доли следующих товарных групп китайского экспорта на российский рынок: транспортные средства (в 2022 г. доля России в экспорте данной товарной группы достигла 3,7%); продукция химической промышленности (2,8%); пластмассы, каучук, резина (3%); изделия из древесины, бумага (2,2%). Анализ показал, что перечисленные товарные группы китайского экспорта способствовали некоторому замещению в России соответствующей продукции из стран ЕС, а также частичному восполнению снизившегося выпуска товаров в России.

Что касается импорта из России в КНР, данный показатель на рассматриваемом временном промежутке увеличился в 3,4 раза – с \$33,3 млрд в 2015 г. до \$114,1 млрд в 2022 г. соответственно. Главным источником роста импорта из России в Китай являлись поставки сырьевых товаров, доля которых к 2022 г. стала подавляющей – более 90%. Следует заметить, что за последние три десятилетия Китай стал одним из главных потребителей сырой нефти в мире [5]. Доля России в общем импорте топливно-энергетических товаров в Китай увеличилась с 10,2% в 2015 г. до 16% в 2022 г. Нарастивание ввоза из России на китайский рынок этих товаров осуществлялось как с использованием нефтяной и газовой трубопроводной инфраструктуры («Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО) и «Сила Сибири»), так и за счет поставок нефти, нефтепродуктов и угля морским и железнодорожным транспортом, а также сжиженного природного газа (СПГ), получаемого по проектам «Ямал-СПГ» и «Сахалин-2» [6].

В связи с увеличением цен на энергоносители на мировом рынке и увеличением физических объемов российских поставок на китайский рынок стоимостной объем импорта топливно-энергетических товаров в КНР из России в 2022 г. увеличился в 1,6 раза по сравнению с 2021 г., достигнув \$85,4 млрд. Основную долю в данной товарной подгруппе по состоянию на 2022 г. занимали нефть и нефтепродукты – 73%. Несмотря на увеличение поставок в Китай, общая ситуация для России усложнялась введением потолка цен на российскую нефть со стороны западных стран и отказом транспортных компаний перевозить из российских портов данную продукцию, в т.ч. нефть марки *ESPO* с Дальнего Востока России, которая в конце 2022 г. торговалась выше \$70 за барр. [7]. В Китай за 2022 г. российские компании экспортировали нефть в среднем за \$81,9 за барр., что было выше цен российской нефти, поставляемой в страны ЕС (\$69,8 за барр.), Индию (\$64) и Турцию (\$68,9) [8]. Ценовой потолок не распространялся на трубопроводные поставки нефти, и с их учетом Россия поставляла 1,6–1,8 млн барр. в день в 2022 г. [9] по дальневосточному направлению на рынок АТР, в т.ч. в КНР.

Стоимостной объем закупок Китаем российского трубопроводного газа и СПГ в 2022 г. увеличился на \$6,5 млрд, или в 2,5 раза, по сравнению с 2021 г., что является рекордным показателем за все время поставок газа из России в КНР. Поставки по газопроводу «Сила Сибири» в Китай в 2022 г. достигли рекордных 15,5 млрд куб. м⁴. Помимо этого, поставки СПГ с Сахалина и Ямала также ориентировались на рынок КНР. В 2022 г. Китай нарастил поставки электроэнергии из России по причине начала восстановительного роста экономики в связи со смягчением антиковидных ограничений.

Китай – крупнейший производитель и потребитель угля в мире, дефицит которого активно компенсируется за счет импорта, в т.ч. из России. В 2022 г. из России в КНР было поставлено угля на \$12,2 млрд⁵,

³ Основной укрупненной товарной позицией экспорта КНР в Россию являлись машины, оборудование и механизмы, а также электротехническое оборудование, доля которых составляла 29,7% в 2015 г. и 39,7% в 2022 г. (прим. авт.).

⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/5772587> (accessed 01.06.2023)

⁵ <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2023)

что в 1,7 раза больше по сравнению с 2021 г., поскольку потоки этой продукции спешно перенаправлялись российскими компаниями с европейского рынка.

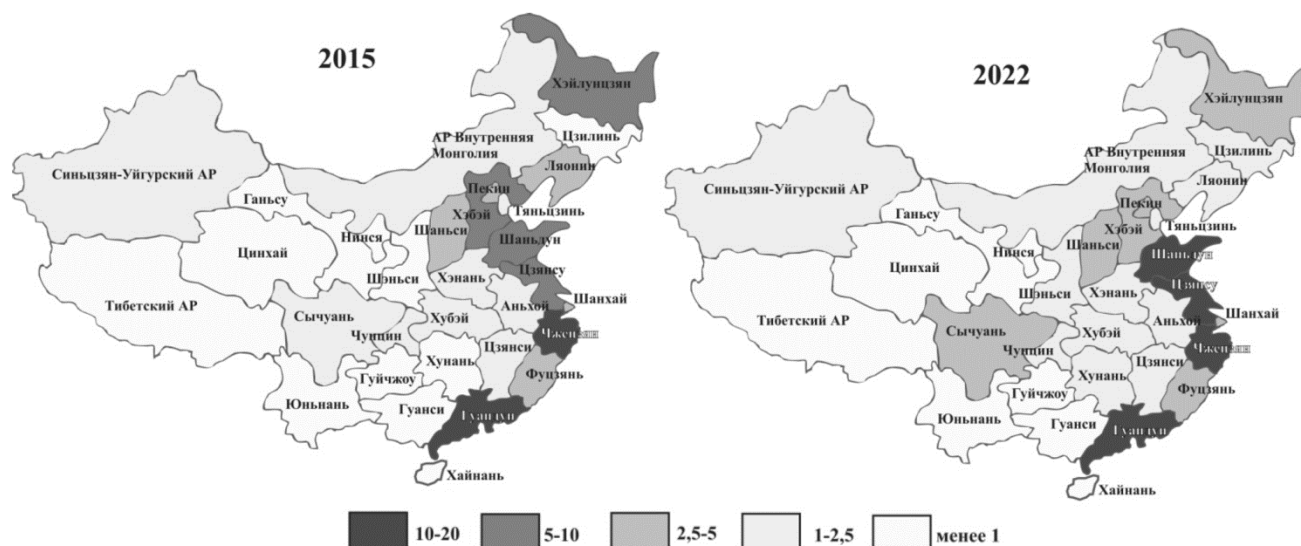
Также китайский рынок становится основным внешним рынком сбыта для рыбной отрасли Дальнего Востока России. Однако в период пандемии Китай часто закрывал свои порты для рыбной продукции⁶. По мере снятия таких ограничений стоимостные объемы поставок рыбной продукции в КНР из России стали возрастать, в частности, в 2022 г. по сравнению с 2021 г. они увеличились в 1,5 раза – до \$2,8 млрд.

В 2022 г. сократилась поставка из России в КНР минеральных продуктов, в основном включающих металлические руды, что, помимо снижения цен, связывалось с увеличением тарифов на перевозку данного вида грузов⁷. Иная ситуация сложилась с поставками древесины в КНР: в 2021 г. для стимулирования глубокой переработки леса в России была введена запретительная пошлина на вывоз необработанной древесины; сокращено число пунктов пропуска, через которые лес может быть вывезен в Китай⁸. В результате к 2022 г. экспорт товаров из древесины из России в КНР составил \$5,7 млрд, практически не изменившись к 2021 г.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РЕГИОНОВ КНР С РОССИЙСКИМ РЫНКОМ

Экспортные поставки в Россию из Китая главным образом осуществлялись из включенных в международные производственные связи приморских регионов КНР, продукция которых доставлялась до конечного потребителя преимущественно морскими маршрутами. Из 4 приморских провинций – Чжецзян, Гуандун, Цзянсу и Шаньдун – поступало более половины экспорта Китая в Россию (см. карту 1⁹), увеличившегося с \$18,1 млрд в 2015 г. до \$43,1 млрд в 2022 г., а основной рост поставок из них пришелся на время пандемии COVID-19.

В период жестких ограничений ительных мер во время пандемии – в 2020–2021 гг. – в КНР были созданы барьеры для перемещения товаров внутри страны, что снизило роль её регионов Северо-Востока [10] в китайском экспорте на российский рынок. Также в этот период были созданы барьеры для вывоза некоторых видов продукции из приграничных регионов Китая в Россию из-за соблюдения жестких карантинных мер. Это вызвало снижение их доли в экспорте Китая в Россию, которая не была восстановлена к 2022 г.

Карта 1. Распределение экспорта в Россию по регионам Китая в 2015 г. и в 2022 г., %.

Map 1. Distribution of exports to Russia by regions of China in 2015 and 2022, %.

Составлено по: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2023)

⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/5240312> (accessed 01.06.2023)

⁷ <https://www.kommersant.ru/doc/5652422> (accessed 01.06.2023)

⁸ <https://roslesinforg.ru/news/in-the-media/6784/> (accessed 01.06.2023)

⁹ Расчеты проводились на основе данных таможенной статистики регионов КНР, не включающих реэкспорт и торговлю с международными организациями. Суммарный экспорт из регионов КНР в Россию равен 100% (прим. авт.).

Доля приграничных с Россией китайских регионов в суммарном экспорте КНР на российский рынок сократилась с 11,6% в 2015 г. до 7,7% в 2022 г. (Хэйлунцзян – \$2,6 млрд, Синьцзян-Уйгурский АР – \$1,6 млрд, Цзилинь – \$0,9 млрд, АР Внутренняя Монголия – \$0,8 млрд). Небольшая доля этих регионов объясняется их экспортом в основном в восточные регионы России, рынок которых невелик по сравнению с западной частью страны. Также стало заметно увеличение доли провинции Сычуань в экспорте КНР на российский рынок – с 1,6% в 2015 г. до 2,5% в 2022 г. Вероятно, с введением новых магистральных маршрутов и восстановлением после пандемии региональных экономик доля крупных внутренних провинций КНР (Сычуань, Чунцин, Хунань, Хубэй и Хэнань) в общем экспорте в Россию будет увеличиваться.

В 2015–2022 гг. товаропотоки из Китая на российский рынок формировались как из китайских регионов со сложившейся специализацией, так и из регионов, которые ранее были слабо связаны с российским рынком. Например, более 60% экспорта оборудования и механических устройств из Китая в Россию¹⁰ обеспечивали провинции Чжецзян (20% в 2015 г. и 18% в 2022 г.), Гуандун (15,1% и 18,0%), Цзянсу (17,2% и 14,1%) и Шаньдун (11,1% и 13,2% соответственно). Также более половины поставок электротехнического оборудования, бытовой и офисной техники из Китая¹¹ приходилось на Гуандун (37,5% в 2015 г. и 37,4% в 2022 г.), Чжецзян (14,1% и 13,7%) и Цзянсу (11,7% и 7% соответственно). При этом постепенно увеличивалась доля в поставках такой продукции на российский рынок из ГЦП Пекин – с 3% в 2015 г. до 7,4% в 2022 г.

За 2015–2022 гг. в экспорте автомобилей из КНР на российский рынок произошли заметные изменения. В 2015 г. более 60% экспорта автомобилей на наш рынок обеспечивали поставщики из провинций Чжецзян (16,4%), Гуандун (12,4%), Цзянсу (12,3%), Шаньдун (10,8%) и ГЦП Чунцин (11,9%). По сравнению с 2015 г. к 2022 г. экспорт автомобилей из Китая в Россию увеличился в 6 раз – до \$6,2 млрд, а региональная структура поставок стала более диверсифицированной. В 2022 г., помимо провинций Шаньдун (13,3% – доля в китайском экспорте автомобилей в Россию), Чжецзян (11,9%) и Хэбэй (10,3%), в число лидеров вошел Синьцзян-Уйгурский АР (9,6%), в котором формируется инфраструктура по сбыту автомобилей на рынке Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Также более половины экспорта в Россию шин для автомобильного транспорта как в 2015 г., так и в 2022 г. приходилось на провинцию Шаньдун, в которой сосредоточены производственные мощности по их выпуску общестранового масштаба.

Географическая структура экспорта в Россию продукции легкой промышленности была разнородной¹². К 2022 г. более половины экспорта предметов одежды в Россию обеспечивали приморские провинции Чжецзян (40,9%) и Фуцзянь (9,5%); чуть менее 90% поставок меха и изделий из него – внутренние провинции Хэбэй (50,9%) и Хубэй (37,1%); более 75% поставок обуви приходилось как на приморские, так и на внутренние провинции – Чжецзян (30,3%), Хэйлунцзян (12,9%), Фуцзянь (12,1%), Гуандун (12,0%), Сычуань (7,9%). По всей видимости, развитие легкой промышленности во внутренних регионах КНР будет отталкиваться от расширения внутреннего спроса, а также от экспорта, в т.ч. на российский рынок.

Неравенство между китайскими регионами по стоимостному объему поступающего импорта из России было более заметно. В 2015–2022 гг. свыше 60% российских поставок приходилось всего на три региона КНР: Хэйлунцзян, ГЦП Пекин и Шаньдун (см. карту 2).

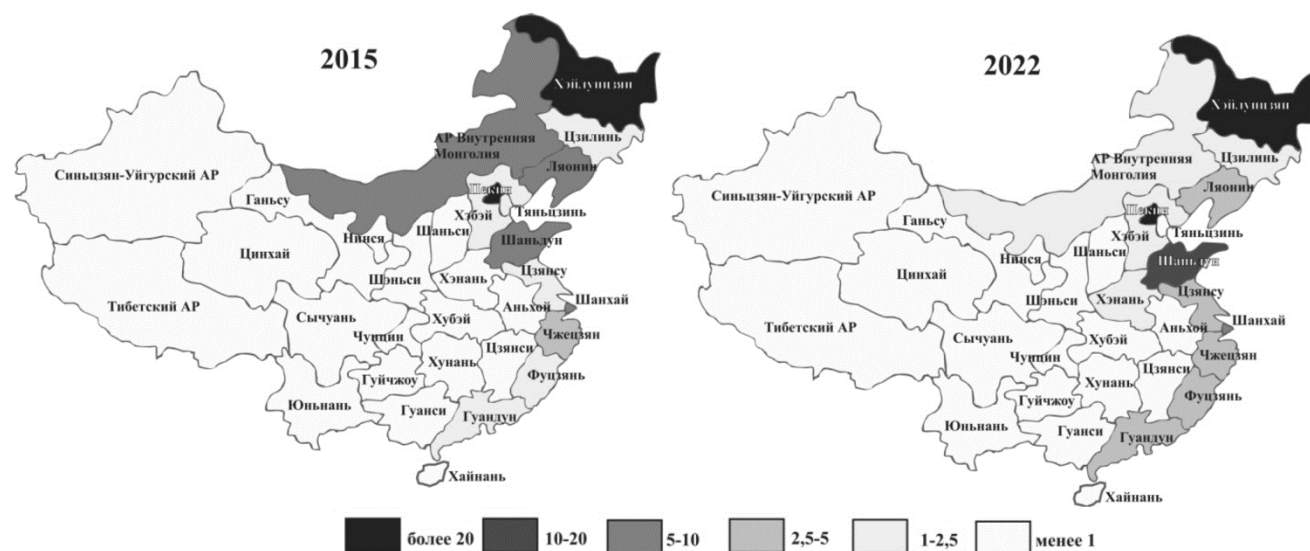
Следует заметить, что в ГЦП Пекин фиксировались результаты российско-китайских межгосударственных контрактов в нефтегазовой сфере. Провинция Хэйлунцзян традиционно позиционируется как «посредник» между рынком России и остальными регионами Китая, аккумулируя значительные объемы сырьевого импорта из приграничных российских регионов. При этом доли этих регионов в общем объеме импорта в КНР из России сократились: ГЦП Пекин – с 33% в 2015 г. до 22,4% в 2022 г.; Хэйлунцзян – с 25,5% до 22% соответственно. За последние годы провинция Шаньдун стала новым цен-

¹⁰ Всего экспорт оборудования и механических устройств из Китая в Россию составлял \$5,1 млрд в 2015 г. и \$16,7 млрд в 2022 г. (прим. авт.).

¹¹ Всего экспорт электротехнического оборудования, бытовой и офисной техники из Китая в Россию составлял \$5,2 млрд в 2015 г. и \$13,5 млрд в 2022 г. (прим. авт.).

¹² Всего экспорт продукции легкой промышленности из Китая в Россию составлял \$11,3 млрд в 2015 г. и \$9,8 млрд в 2022 г. (прим. авт.).

тром притяжения российского импорта, поступающего в Китай морским транспортом, доля которой в общем объеме импорта в КНР из России возросла с 7,3% в 2015 г. до 19,1% в 2022 г. С 2016 г., с наращиванием стоимостных объемов, стало происходить постепенное смещение импортных потоков из России в приморские регионы КНР (Чжецзян, Цзянсу, Фуцзянь, Гуандун), при этом роль АР Внутренняя Монголия и Ляонин как регионов некогда массового ввоза российской продукции, стала постепенно снижаться.

Карта 2. Распределение импорта из России по регионам Китая в 2015 г. и в 2022 г., %.
Map 2. Distribution of imports from Russia by regions of China in 2015 and 2022, %.

Составлено по: <http://stats.customs.gov.cn/indexEn> (accessed 01.06.2023)

В 2015–2022 гг. произошли определенные изменения в распределении потоков по основной категории импорта из России в КНР – топливно-энергетическим товарам (сырая нефть, природный газ и уголь). В 2015 г. более 75% этих товаров импортировалось в ГЦП Пекин и Хэйлунцзян. К 2022 г. их поступления на китайский рынок из России стали более дифференцированными по регионам КНР: Хэйлунцзян – 26,1%; ГЦП Пекин – 25,4%; Шаньдун – 22,2%; примерно по 3% – Ляонин, Фуцзянь, Гуандун, Цзянсу, Чжецзян.

По стоимостным объемам с большим отрывом от импорта топливно-энергетических товаров следовали недрагоценные металлы (главным образом цветные металлы), основная доля которых (медь, никель, алюминий) поставлялась в ГЦП Пекин и приморские регионы КНР, преимущественно в Шанхай, где эта продукция торговалась на бирже. По сравнению с цветными металлами продукцию черной металлургии Китай традиционно закупал в России в гораздо меньших объемах, однако в 2022 г. её поставки возросли, а основными покупателями выступали компании из приморских регионов КНР: Чжецзян, Цзянсу, Хэбэй, Фуцзянь.

Традиционно поставляемая из восточных регионов России на китайский рынок продукция – это древесина и лесоматериалы. Долгое время эти товары были ориентированы на приграничные китайские регионы, на которые в 2015 г. приходилась подавляющая доля импорта древесины из России: АР Внутренняя Монголия – 47%; Хэйлунцзян – 30,8%. Далее ситуация постепенно стала меняться. Ограничения, связанные с пандемией, а также создание барьеров в России для вывоза древесины способствовали заметному перемещению такого рода продукции в приморские регионы Китая. В итоге к 2022 г. провинция Хэйлунцзян аккумулировала 27,2% общего импорта российской древесины, АР Внутренняя Монголия – только 14,5%, а остальная часть была переориентирована на приморские провинции (Фуцзянь, Цзянсу, Шаньдун, Чжецзян), а также на ГЦП Пекин и Сычуань.

Импорт из России минеральных продуктов, представленных металлическими рудами, до пандемии поступал из российских дальневосточных регионов главным образом в приграничные регионы Китая – АР Внутренняя Монголия и Хэйлунцзян. На эти регионы КНР приходилось до 40% стоимо-

стного объема импорта данной продукции из России на китайский рынок. В 2020–2022 гг. в связи с ограничениями на ряде пунктов пропуска поставки металлических руд из России в Китай стали более диверсифицированными между регионами КНР, поскольку стали поступать в ГЦП Шанхай, Шаньдун, Хэнань и Ганьсу.

Также наблюдалась некоторая диверсификация импорта рыбы и морепродуктов из России в регионы КНР. В 2015 г. их поставки из России осуществлялись в Шаньдун (55,5%) и Ляонин (40,1%). Далее благодаря созданию нового транспортного коридора Приморье-2, связавшего порты юга Приморского края России с рынком КНР, российская рыбная продукция стала поступать в Цилинь. К 2022 г. импорт рыбы и морепродуктов из России в КНР был направлен преимущественно в три провинции: Шаньдун (41,1%), Цилинь (23,8%) и Ляонин (23,6%). Остальная часть импорта из России в КНР поступала в приморские регионы Китая, такие как ГЦП Шанхай и Фуцзянь.

НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ РОССИИ С КНР

В 2015–2022 гг. поставки товаров из Китая на российский рынок осуществлялись преимущественно из приморских регионов КНР, являющихся мировым «сборочным цехом». Тем не менее в ближайшей перспективе вполне возможна трансформация экспортных потоков из КНР в Россию в условиях санкций западных стран, примененных к российской экономике, и отказа в Китае от политики «нулевой терпимости» к *COVID-19*.

Во-первых, это наращивание поставок на российский рынок товаров, ориентированных изначально на внутренний рынок Китая. Ввиду нарастания угроз применения вторичных санкций для китайских компаний, интегрированных в международные производственные цепочки, а также улучшения качественных характеристик собственно китайских брендов, текущие преимущества в поставках на российский рынок может получить продукция отечественного сектора экономики КНР, в т.ч. выпускаемая в Китае компаниями регионального уровня. По всей видимости, китайские компании такого уровня будут стремиться занять места на российском рынке, освобождающиеся в связи с уходом западных компаний из России.

Во-вторых, по мере снятия различных ограничений импульс в расширении поставок в Россию способны получить приграничные регионы Китая, имеющие доступ к двусторонней сухопутной транспортной инфраструктуре. При прочих равных условиях ввоз товаров из Китая в Россию интенсифицируется по имеющимся сухопутным транспортным коридорам, способствуя росту посреднических услуг регионов КНР, граничащих с Россией. Для бесперебойного производственного процесса в приграничных регионах Китая могут быть расширены логистические центры для снабжения предприятий на территории России необходимыми материалами и комплектующими.

В-третьих, Россия испытывает дефицит пропускной способности транспорта на Дальнем Востоке ввиду повышения спроса в европейских регионах на товары из КНР [11]. Для расширения торговли необходимо снижение тарифных барьеров для китайских товаров, поставляемых на российский рынок. Нельзя исключать создание между ЕАЭС, в который входит Россия, и Китаем преференциального торгового соглашения. Существующие тенденции политического и экономического сближения России и Китая, особенно в условиях текущего режима санкций со стороны западных стран в отношении России, а также политических противоречий между США и КНР, позволяют предположить, что в перспективе создание интеграционного формата между Россией и Китаем становится все более вероятным. Причем при его создании для российской стороны имеются экономические основания [12] ожидать возникновения положительных эффектов.

С другой стороны, Китай постепенно становится ведущим импортером российских сырьевых товаров. Очевидно, что в ближайшей перспективе роль Китая для России как одного из главных рынков их сбыта будет возрастать. Помимо наращивания объемов поставок сырьевых товаров из России в КНР, российскими поставщиками прорабатываются новые маршруты для сбыта товаров в Китае. Их поставки на китайский рынок при прочих равных условиях будут определяться некоторыми процессами.

Во-первых, стратегия расширения поставок традиционных и новых товарных групп на китайский рынок. Поставка топливных и энергетических товаров из России на китайский рынок будет продолжена в рамках «Восточного вектора» российской энергетической политики [13], долгосрочной целью ко-

торой является активизация взаимодействия России со странами АТР, в первую очередь с КНР. По мере снятия фитосанитарных ограничений на поставку в Китай зерна, а также снижения вывозных пошлин в России, возможно расширение поставок российских зерновых культур на китайский рынок в рамках формирующегося «сухопутного зернового коридора Россия–Китай»¹³. Также возможным способом для увеличения российских поставок на китайский рынок может послужить расширение пропускной способности транспортной инфраструктуры Дальнего Востока России в рамках «Восточного полигона» российских железных дорог и модернизации дальневосточных портов.

Во-вторых, более масштабное освоение внутреннего рынка КНР российским бизнесом. Поскольку основной вектор интенсификации экономических взаимодействий России смещается в пользу КНР, российские компании, по всей видимости, будут прилагать усилия для достижения широкомасштабного доступа на китайский рынок, который имеет сложную пространственную конфигурацию. Ограничения, связанные с пандемией *COVID-19*, а далее – с санкциями по отношению к российской экономике с 2022 г., способствовали диверсификации поставок некоторых российских сырьевых товаров на китайский рынок, в частности, в приморские регионы КНР, характеризующиеся самым высоким в Китае среднедушевым доходом, в которых импортная продукция может продаваться по более высоким ценам по сравнению с другими китайскими региональными рынками.

Доступ российских товаров с высокой добавленной стоимостью на китайский рынок ограничен как многочисленными барьерами, так и высокой конкуренцией со стороны местных производителей. Также существует жесткая привязка трубопроводной и железнодорожной инфраструктуры России к приграничным регионам КНР, а ввоз в Китай российского углеводородного сырья осуществляется преимущественно в рамках долгосрочных контрактов, что сдерживает диверсификацию таких поставок на китайском рынке.

По мере нарастания поставок из России в Китай может быть запущен долгосрочный процесс частичного перенаправления сырьевых товаров из России в развитые китайские приморские регионы. Вероятно, снижение различного рода барьеров будет способствовать увеличению поставок из России на китайский рынок, диверсифицируя их между регионами КНР и снижая эффект от монополии со стороны бизнеса ряда китайских регионов. При этом следует учитывать, что, помимо привязки к собственному рынку, Китай способен также применять различного рода ограничения для импортных товаров, исходя из внутренних политических мотивов и собственной трактовки экономической безопасности. С этой точки зрения российский бизнес должен соизмерять возможные риски по проникновению на китайский рынок, который становится для России всё более значимым.

В-третьих, при прочих равных условиях китайские компании будут постепенно использовать механизмы доступа к сырьевым ресурсам России, а также поощрять переключение логистики поставок российских сырьевых товаров с глобального рынка на китайский. Несмотря на замораживание Китаем некоторых прямых инвестиций в России в 2022 г., например, в рамках проектов инициативы «Один пояс – один путь», в случае обоюдных договоренностей в экономику России может быть направлен капитал из КНР, а также увеличено кредитование российского и совместного с китайским корпоративного сектора. В частности, на заседании межправительственной комиссии по инвестиционному сотрудничеству представители России и Китая договорились о выделении \$1,3 млрд на новые проекты на российской территории, а за первые 8 месяцев 2022 г. инвестиции из КНР в Россию составили \$0,45 млрд, увеличившись на 150% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года¹⁴.

В-четвертых, в условиях ограничений внешних расчетов России в долларах и евро расчеты в китайских юанях объективно становятся одним из важных инструментов для функционирования внешней торговли и привлечения зарубежного финансирования российской экономики. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что российский экспорт в основном представляет собой сырьевые товары, расчеты по которым на мировом рынке ведутся в основном в долларах и евро.

Изоляция российской экономики от расчетов в долларах и евро в рамках текущего введения жестких пакетов санкций против России способна негативно отразиться на масштабах и структуре международных расчетов страны, порождая значительную неопределенность как для дальнейшего взаимодействия страны с глобальными рынками, так и для функционирования национальной экономики в целом.

¹³ <https://www.kommersant.ru/doc/5978339> (accessed 01.06.2023)

¹⁴ <https://www.kommersant.ru/doc/5652855> (accessed 01.06.2023)

При прочих равных условиях это обстоятельство будет способствовать дальнейшей привязке внешних расчетов России к китайской валюте, которая не является свободно конвертируемой. Уже к 2022 г. две трети расчетов между странами осуществлялись в национальных валютах¹⁵. Возможно, платежи будут всё больше осуществляться через китайскую информационную систему *CIPS*, которая заметно уступает по оборотам и охвату финансовых учреждений системе *SWIFT* и в большинстве случаев использует возможности данной глобальной системы [14]. Это обстоятельство дает основание предполагать, что дедолларизация российско-китайской торговли будет происходить и далее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние десятилетия Китай сравнительно быстро занял ведущее место среди торговых партнеров России. В условиях жесткой санкционной политики западных стран в отношении российской экономики Китай становится для России одним из основных рынков сбыта ряда товарных групп, которые ранее поступали на европейский рынок. Экономика Китая и России функционируют в целом на основе рыночных принципов и широкой интеграции в глобальную экономику. Данное обстоятельство позволяет бизнесу как России, так и Китая в текущих условиях оперативно наращивать торговые взаимодействия, обходить возникающие внешние и внутренние барьеры для сохранения, укрепления и диверсификации экономических взаимосвязей.

Экспорт из КНР в Россию преимущественно состоит из продукции, производимой в рамках кластерных структур, расположенных в приморских регионах Китая. Шок, связанный с пандемией *COVID-19*, закрепил тенденцию экспорта на российский рынок из нескольких приморских регионов КНР. В свою очередь, основной задачей для увеличения товарной диверсификации поставок из России в КНР является максимально активное присутствие на внутреннем рынке Китая российского бизнеса с точки зрения преодоления всевозможных барьеров межпровинциальных взаимодействий. В этом случае положительные эффекты от сближения экономики России с Китаем могут возрасти.

Снижение барьеров торгово-экономических взаимодействий Дальнего Востока России с рынками близлежащих китайских провинций может увеличить интенсивность взаимной торговли, способствуя проявлению положительных эффектов для российской экономики в целом.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. 352 с.
To the Great Ocean: a chronicle of the turn to the East. Collection of reports of the Valdai Club. Moscow: Fund for Development and Support of the Valdai International Discussion Club, 2019. 352 p. (In Russ.)
2. Караганов С.А., Макаров И.А. Поворот на Восток: итоги и задачи. *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. № 5. С. 6–10.
Karaganov S.A., Makarov I.A. 2015. Turn to the East: results and tasks. *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*. № 5. Pp. 6–10. (In Russ.)
3. Korolev A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications. *Pacific Affairs*. 2016. Vol. 89. Issue 1. Pp. 53–73.
4. Sng T.H., Chia P.Z., Feng C.-C., Wang Y.-C. Are China's provincial boundaries misaligned? *Applied Geography*. 2018. Vol. 98. Pp. 52–65. DOI: 10.1016/j.apgeog.2018.07.009.
5. Wang W., Fan L.W., Zhou P. Evolution of global fossil fuel trade dependencies. *Energy*. 2022. Vol. 238, 121924. DOI: 10.1016/j.energy.2021.121924/.
6. Мандрыкина И. «На восток с любовью»: «Газпром» запускает «Силу Сибири», «Транснефть» расширяет ВСТО. *Энергетическая политика*. 2019. № 4. С. 66–77.
Mandrykina I. 2019. "To the East with Love": Gazprom launches Power of Siberia, Transneft expands ESPO. *Energy Policy*. Issue 4. Pp. 66–77. (In Russ.)
7. Cheong S., Lee J., Cho S. Oil Tanker Owners Show Signs of Shunning Russia's Asian Crude. Bloomberg. 15.12.2022. <https://bloomberg.com/news/articles/2022-12-15/russia-s-asian-oil-flows-show-signs-of-wobbling-after-sanctions?sref=87YKYqA9> (accessed 01.06.2023)

¹⁵ <https://www.kommersant.ru/doc/6000579> (accessed 01.06.2023)

8. Babina T., Hilgenstock B., Itskhoki O., Mironov M., Ribakova E. Assessing the Impact of International Sanctions on Russian Oil Exports (February 23, 2023). DOI: 10.2139/ssrn.4366337 (accessed 01.06.2023)
9. Vakulenko S. The Cap of Smoke and Mirrors. 20 January 2023. On Energy, Cabbages and Kings. https://svakulenko.substack.com/p/the-cap-of-smoke-and-mirrors?fbclid=IwAR3oHn3BAAtHEySDR9119jgKrS4oWq_2gCQNLb9cIHjmeZ2afoY7O-t9F4k (accessed 01.06.2023)
10. Li Y., Zhang P., Lo K., Tan J., Yang Q. Borderland Economic Resilience under COVID-19: Evidence from China-Russia Border Regions. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19, 13042. DOI: 10.3390/ijerph192013042.
11. Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности. *Журнал новой экономической ассоциации*. 2023. № 1(58). С. 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142.
Vardomsky L.B. 2023. Russian-Chinese economic links in the context of growing international tensions. *Journal of the New Economic Association*. Issue 1. Pp. 142–148. (In Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142.
12. Melchior A. Russia in world trade: Between globalism and regionalism. *Russian Journal of Economics*. 2019. Vol. 5. Pp. 354–384. DOI: 10.32609/j.ruje.5.49345.
13. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние взгляд в будущее. Под ред. Н.И. Воропая, Б.Г. Санеева. Новосибирск: Гео, 2011. 368 с.
Eastern vector of Russia's energy strategy: the current state of view into the future. Ed. by N.I. Voropay, B.G. Saneeva. Novosibirsk: Geo, 2011. 368 p. (In Russ.)
14. Nölke A. Geoeconomic Infrastructures: Building Chinese-Russian alternatives to SWIFT. *Capital Claims: Power and Global Finance*. Routledge, 2022. <https://www.taylorfrancis.com/chapters/edit/10.4324/9781003218487-10/geoeconomic-infrastructures-andreas-n%C3%B6lke> (accessed 01.06.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Изотов Дмитрий Александрович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела региональных моделей, прогнозирования и внешнеэкономических взаимодействий, Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия.

Dmitry A. Izotov, Dr.Sc. (Economics), Leading Researcher, Department of Regional Models, Forecasting and Foreign Economic Relations, Economic Research Institute, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, Khabarovsk, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 26.06.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 11.07.2023

Принята к публикации
(Accepted) 15.09.2023

DOI: 10.31857/S032150750028095-6

Китай: стратегия модернизации сельского хозяйства

© Бони Л.Д.^а, 2023

^а ИККА РАН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-2605-830X; l_boni@inbox.ru

Резюме. XX съезд КПК, назвав аграрную сферу страны, её отставание, самым сложным и трудным звеном всей программы социалистической модернизации Китая, поставил задачу «ускорить строительство сильного сельского хозяйства» (*нунье цянго*)¹, т.е. сильной аграрной державы, чтобы скорее преодолеть отставание аграрной сферы, создать наиболее благоприятные условия и для возрождения деревни, и для дела всей социалистической модернизации страны в целом.

В статье рассматривается задача построения «сильного сельского хозяйства», выдвинутая XX съездом КПК, процесс формирования новой стратегии модернизации и создания сельского хозяйства своим особым путем, учитывающим китайскую специфику.

Ключевые слова: КНР, возрождение деревни, «нунье цянго» (сильная аграрная держава), модернизация, производительность труда, обеспечение предложения продовольствия, научно-технические инновации, устойчивость

Для цитирования: Бони Л.Д. Китай: стратегия модернизации сельского хозяйства. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 15–25. DOI: 10.31857/S032150750028095-6

China: Agricultural Modernization Strategy

© Lyudmila D. Boni^а, 2023

^а Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-2605-830X; l_boni@inbox.ru

Abstract. The XX Congress of the CPC, calling the agrarian sphere of the country, its lag, the most difficult link of the entire program of socialist modernization of China, set the task “to accelerate creation of a strong agriculture” (*nungye qiang guo*), i.e. a strong agrarian power, in order to overcome the lag of the agrarian sphere as soon as possible, to create the most favorable conditions for the revival of the village, and for the cause of the entire socialist modernization of the country.

The article deals with the task of building the “*nungye qiang guo*” set by the XX Congress of the CPC, the process of forming a strategy for its creation and the corresponding new course of modernization of agriculture, taking into account Chinese specifics.

Keywords: China, revival of the village, “*nungye qiang guo*” (strong agrarian power), modernization, competitiveness, labor productivity, food supply sufficiency, scientific and technical innovations, sustainability

For citation: Boni L.D. China: Agricultural Modernization Strategy. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 15–25. (In Russ). DOI: 10.31857/S032150750028095-6

ВВЕДЕНИЕ

В народном сознании Китая с его огромным населением проблема продовольствия всегда была главной заботой, извечной мечтой оставалась надежда иметь в стране сильное сельское хозяйство (*нунье цянго*) как гарантию сытого существования, стабильной жизни.

В последнее десятилетие эта мечта и надежда наконец оказались близки к тому, чтобы стать явью. В 2013 г., открывая всекитайское совещание ЦК КПК по работе в деревне, председатель КНР Си

¹ «Цянго» в переводе с китайского – «сильное государство (страна)»; «нунье цянго» дословно – «государство, сильное своим сельским хозяйством», т.е. «сильная аграрная держава» (*прим. авт.*).

Цзиньпин заявил: «Чтобы Китай был сильным, его сельское хозяйство должно быть сильным, чтобы Китай был красивым, его деревня должна быть красивой, чтобы Китай был богатым, надо, чтобы крестьяне были богатыми» [1, р. 1]. В Документе ЦК КПК № 1 за 2018 г., посвященном принятию новой аграрной стратегии Китая – *стратегии возрождения деревни*, её конечной целью названа полная реализация к 2050 г. принципа: «сельское хозяйство – сильное, деревня – красивая, крестьяне – богатые» [2]. Эта образная картина главной задачи новой стратегии, хорошо понятная сотням миллионов простых крестьян, в народе быстро стала главным символом полного возрождения деревни Китая.

В сентябре 2018 г. Си Цзиньпин на заседании Политбюро ЦК КПК по случаю коллективной учебы, посвященной теме возрождения деревни, особо подчеркнул необходимость осуществить переход от «большого сельского хозяйства» к «сильному сельскому хозяйству», этим самым определив цель и направление стратегии возрождения деревни. А в октябре 2022 г. XX съезд КПК поставил задачу: *«ускорить строительство государства с сильным сельским хозяйством»*, т.е. сильной аграрной державы [3].

Объясняя логику данного шага, Си Цзиньпин в своем выступлении на Всекитайском совещании по работе в деревне (декабрь 2022 г.), подчеркнул: «Полное развертывание стратегии возрождения деревни, ускорение строительства сильной аграрной державы (*нунье цянго*) – это стратегическая программа ЦК КПК полного построения социалистической современной державы (*цян го*)². Сильная держава, прежде всего, должна иметь сильное сельское хозяйство, только сильное сельское хозяйство может сделать страну сильной. Без сильной аграрной державы не может быть сильной современной державы в целом; без модернизации сельского хозяйства, деревни социалистическая модернизация Китая будет неполной» [4]. Так эта задача стала неразрывной частью и важной основой социалистической модернизации Китая, полного построения современной социалистической державы – главной задачи, поставленной XX съездом КПК.

УСКОРИТЬ СТРОИТЕЛЬСТВО СИЛЬНОЙ АГРАРНОЙ ДЕРЖАВЫ

XX съезд КПК подтвердил центральную роль *стратегии возрождения деревни* в решении аграрной проблемы страны путем осуществления модернизации сельского хозяйства и деревни по пяти основным направлениям (экономика, социальная сфера, экология, культура, управление), одновременно подчеркнув, что деревня остается самым сложным и трудным звеном всей программы социалистической модернизации Китая [3]. Спустя 5 лет со времени принятия *стратегии возрождения деревни* отставание сельского хозяйства продолжало сдерживать темпы её реализации. Ответом на стоявший вопрос – «как скорее покончить с отставанием аграрной сферы?» – стала постановка новой задачи XX съездом КПК – *«ускорить строительство сильного сельского хозяйства страны»*.

Известно, чтобы возродить деревню, нужно опираться на сильное сельское хозяйство, но чтобы иметь сильное сельское хозяйство, нужна его модернизация. В нынешней общенациональной программе 4 модернизаций – индустриализации, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства, рассчитанной на их согласованное развитие, последнее звено (т.е. модернизации сельского хозяйства) – отстающее. Таким образом, в конечном счете всё зависит от модернизации сельского хозяйства. Иначе говоря, новое решение XX съезда КПК теснейшим образом связано с новой стратегией модернизации сельского хозяйства, призванной не просто обеспечить преодоление отставания, но и вывести отрасль на качественно новый уровень развития. Это решение съезда придало четкое направление стратегии модернизации сельского хозяйства, подняло планку целевых задач до уровня мировых стандартов, фактически положило начало качественно нового её этапа, назвав конечной целью превращение сельского хозяйства страны в одного из лидеров мировой аграрной экономики.

Вместе с тем эта задача стала трактоваться шире, включая, помимо модернизации сельского хозяйства, и модернизацию деревни в целом, что в полной мере соответствует содержанию *стратегии возрождения деревни*. Согласно Си Цзиньпину, «модернизация деревни – это внутренняя потребность и

² Согласно концепции КПК о превращении Китая в социалистическую современную державу (*цянго*) в результате социалистической модернизации, у такой державы должны быть сильными практически все основные отрасли и сферы общественного производства и жизни общества. В тексте Докладов XIX и XX съездов КПК китайские ученые насчитали 13 таких сфер: образование, наука и техника, кадры, обрабатывающая промышленность, качество продукции, космонавтика, сельское хозяйство, транспорт, Интернет, океанология, торговля, культура, спорт (*Нунцунь гунцзо тунсюнь*. 2022, № 21, с. 1).

необходимое условие строительства сильной аграрной державы. Строительство комфортной для жизни и работы красивой деревни – неизбежное требование «нунье цянго» [4]. В итоге понятие модернизации сельского хозяйства и деревни приняло еще более богатое содержание: включило еще модернизацию производства в деревне, а модернизация деревни охватывает модернизацию её экономики, культуры, социальной сферы, экологии, системы управления.

В то же время процесс модернизации сельского хозяйства Китая на новом этапе, следуя общим закономерностям экономического роста развивающихся стран, неизбежно будет испытывать на себе воздействие ряда глубоких специфических особенностей, свойственных только китайской действительности, что в итоге придает ей характер модели китайского типа.

Эта специфика состоит в следующем:

1) Огромное население страны (более 1,4 млрд чел.) и соответствующие масштабы спроса и потребления сельскохозяйственной продукции заставляют рассчитывать в основном на собственные силы в решении проблемы продовольствия. И это при остром дефиците в стране пахотных и водных ресурсов. Отсюда – особая, первоочередная значимость решения проблемы продовольственной безопасности в ходе построения «сильного сельского хозяйства».

2) Существует система коллективной собственности на землю в деревне, что отражает специфику китайского социализма. Основопологающим принципом *социализма с китайской спецификой* является увязка социализма с рынком (общественной собственности с рынком), этот принцип в китайском законодательстве сформулирован так: «общественная собственность – основа, совместное развитие экономик многих форм собственности». Если в масштабах страны формой реализации этой специфики китайского социализма выступает *основная экономическая система социализма*, то в деревне – её аналог – *основная хозяйственная система*.

Основу последней и составляет коллективная форма собственности на землю, но на общественной (коллективной) земле поощряется развитие экономик разных форм собственности, которые представлены субъектами новых форм хозяйствования (в т.ч. крупные крестьянские дворы, семейные фермы, крестьянские кооперативы, предприятия агробизнеса и пр.). Именно их в Китае рассматривают как новые движущие силы развития современного сельского хозяйства страны. XX съездом КПК поставлена задача: «укреплять и совершенствовать *основную хозяйственную систему в деревне*», что включает в себя, с одной стороны, «*развитие новых форм коллективной экономики*», с другой – «*развитие субъектов новых форм хозяйствования и сферы обобщественных услуг*», чтобы «*развивать укрупненное (масштабное) хозяйствование соответствующих размеров*» [3].

3) Наличие раздельной системы управления городом и деревней (известной как «двухосновная»), созданной еще в 50-е гг. XX в. как инструмент перераспределения части внутренних накоплений деревни в пользу города на нужды индустриализации, а позже – и урбанизации. Эта система, функционирующая на разной институциональной и правовой основе в городе и деревне, ограничив права субъектов коллективной собственности в деревне и имущественные права крестьян, долгие десятилетия осуществляла изъятие накоплений из сельского хозяйства через каналы финансово-денежной системы на цели ускоренной индустриализации (путем «ножниц цен» и другими способами)³. И хотя с тех пор многое изменилось, с развитием рынка отпали старые методы изъятия, но механизмы этой системы и сама система продолжают функционировать и поныне, поддерживая односторонний поток ресурсов из деревни в город.

В 2019 г. правительством было принято решение о постепенной ликвидации этой двухосновной системы управления городом и деревней⁴, но процесс её демонтажа и создание взамен новой единой системы, интегрирующий город и деревню по плану завершится к середине XXI в. В этой ситуации стратегия модернизации сельского хозяйства на новом этапе вынуждена будет учитывать этот фактор, особенно когда XX съезд поставил также задачу полной реализации «решающей роли рынка в размещении ресурсов» [3]. Иначе говоря, одной из важных задач стратегии модернизации и построения «сильного сельского хозяй-

³ Только с 1952 по 1990 г. из сельского хозяйства на указанные нужды было изъято чистых средств на сумму 1 трлн юаней, что составило 22,4% всего фонда накопления национального дохода страны [7, р. 9], а за годы реформы (1978–2002 гг.) из деревни было выкачано минимум 6,2 трлн юаней (*Чжунго жэньминь дасюэ чжунго цзинцзи фацжань баогао*. Пекин. 2005, с. 33).

⁴ Документ «Мнение ЦК КПК и Госсовета о создании здорового институционального механизма интеграции развития города и деревни и системы политик». 2019. www.gov.cn/zhengce/2019-05/05/content_5388880.htm

ства» неизбежно станет ликвидация данной системы путем реформ как одной из главных причин хронического отставания агросферы в своем развитии и серьезной преграды на пути к цели.

4) Масштабность территории, серьезные природные и социально-экономические различия в развитии разных регионов и крайняя неравномерность их развития диктуют необходимость иметь не одну, а целый ряд моделей модернизации агросферы, деревни и построения «сильного сельского хозяйства», включая уровень региона, провинции, уезда.

ОСНОВНЫЕ КРИТЕРИИ НОВОЙ СТРАТЕГИИ

Документ ЦК КПК и Госсовета № 1 (февраль 2023 г.), изданный вскоре после XX съезда КПК, разъясняя увязку стратегии возрождения деревни с новой задачей, впервые называет основные официальные критерии строительства «сильного сельского хозяйства» в Китае:

- 1) *сильная гарантия обеспечения продовольствия,*
- 2) *сильная научно-техническая оснащенность,*
- 3) *сильная хозяйственная система,*
- 4) *сильная устойчивость производства,*
- 5) *сильная конкурентоспособность* [5].

Эти критерии, по сути, определяют основные цели и направления дальнейшей модернизации сельского хозяйства, реализация которых должна обеспечить трансформацию нынешней аграрной сферы в мощную современную отрасль экономики страны в целом.

Нельзя не заметить, что эти обнародованные официальные китайские критерии «сильного сельского хозяйства» перекликаются с целями реализуемой в Китае стратегии «высококачественного развития», нацеленной на достижение высоких показателей качества, эффективности и конкурентоспособности как основных характеристик новой модели экономического развития страны. В то же время эти критерии сориентированы на мировые стандарты развития сельского хозяйства и его модернизации.

Как подчеркивает Вэй Хоукай, директор Института развития деревни Китайской Академии общественных наук (КАОН), понятие «страна с сильным сельским хозяйством» в сфере мировых стандартов является повсеместно признанной и распространенной концепцией, выступая одновременно справочным эталоном международных сравнений, характеризую страну, обладающую по мировым стандартам самым высокоразвитым сельским хозяйством [1, р. 1–2]. Эта концепция отражает результат комплексного эффекта важнейших экономических показателей развития сельского хозяйства страны, обеспечивающих ей статус мирового «агролидера». Китайские официальные критерии, указанные выше, имеют под собой солидную научную базу: они получены в результате разработки китайскими учеными, с учетом мирового опыта, научного понятия «сильное сельское хозяйство» и комплекса вопросов, связанных с ним, применительно к Китаю⁵.

Сравнивая уровень развития сельского хозяйства Китая с экономическими показателями основных критериев развития отрасли в странах группы мировых агролидеров, китайские ученые выявили степень отставания отечественной агросферы от современного мирового уровня развития и разработали предложения о путях и способах построения «сильного сельского хозяйства» в Китае с учетом его специфики.

СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ И УРОВЕНЬ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ

Приведем краткую характеристику уровня развития сельского хозяйства Китая, от которого отталкивались китайские специалисты. По оценке ученых Института развития деревни Китая, КАОН [6, 7], результаты развития сельского хозяйства страны за последние 60 лет выглядят так:

– За период 1953–2019 гг. среднегодовые темпы роста валовой продукции сельского хозяйства, лесного хозяйства, животноводства, рыбного хозяйства, вместе взятые (в сопоставимых ценах), составляли 4,5%, а за период 1979–2019 гг. – 5,5%. Прирост стоимости валовой продукции сельского хозяйства в 2019 г. превысил \$1 трлн, составив примерно 29% всей стоимости валовой сельхозпродукции мира, что в 5 раз больше, чем в США (6%), в 4 раза больше, чем в ЕС (7%). По производству пшеницы, ри-

⁵ Подробно см. [6, 7].

са, арахиса, чая, хлопка-сырца, мяса, шерсти, продукции водного промысла и экономических сортов лесной продукции Китай многие годы занимает 1-е место в мире [7, р. 12].

– Среднегодовые темпы роста производства зерна за период с 1950 по 2019 г. составили 2,56%. Валовое производство зерна начиная с 2015 г. стабильно сохраняется на уровне более 650 млн т, в 2020 г. получено 669 млн т. В 2018 г. урожайность риса, пшеницы, кукурузы с 1 га превысила общепринятый средний мировой уровень соответственно на 50,17%, 58,15% и 3,04%, достигая уровня таковой в странах с высокими доходами, выше уровня Японии, Канады, стран ЕС. Начиная с 2005 г. уровень самообеспеченности зерном в Китае превышает 95% [6, р. 21].

– Уровень модернизации сельского хозяйства, деревни Китая также значителен: по оценке, процесс модернизации прошел уже более половины пути⁶, а вклад научно-технического фактора в преобразование условий материально-технической базы агросферы достиг 59,2% (2019 г.) [6, р. 23]. Энерговооруженность машинного парка сельского хозяйства со 184 тыс. кВт в 1952 г. выросла до 1,03 млрд кВт в 2019 г.; уровень комплексной механизации (посев, уход, сбор урожая) для сельхозкультур превысил 70%, а для основных зерновых культур – 80% [6, р. 23]. В годы реформ и политики открытости, т.е. за последние более чем 40 лет, в способе производства сельского хозяйства произошел исторический переход от опоры в основном на ручной труд и тяговую силу скота к опоре в основном на механическую двигательную силу.

– Орошаемая площадь пашни в 2018 г. составила 1,02 млрд му (68,34 млн га), соответственно увеличившись в 2,4 раза за период с 1952 г. Сортовыми семенами охвачены все посевы важнейших сельхозкультур, в агросфере и в экономике деревни в целом начинают активно внедрять цифровые технологии [6, р. 23].

ЭТО ЕЩЕ НЕ НУНЬЕ ЦЯНГО

Китай сегодня справедливо называют страной с «большим сельским хозяйством». Но это все же только «большое» сельское хозяйство, а не «сильное», как подчеркивают китайские ученые, указывая масштабы расстояния между ними. На пути от «большого» к «сильному» сельскому хозяйству стоит много серьезных проблем. Основные из них:

- 1) способ хозяйствования в сельском хозяйстве,
- 2) производительность всех факторов сельскохозяйственного производства,
- 3) научно-технические инновации,
- 4) конкурентоспособность сельскохозяйственного производства,
- 5) развитие «зеленого» сельского хозяйства.

Это основные факторы, отвечающие за отставания в развитии сельского хозяйства, деревни, и лишь разрешив эти проблемы, можно построить «сильное сельское хозяйство» в Китае [1, р. 8].

Важнейший из указанных факторов – способ хозяйствования, т.е. способ производства экстенсивного типа, представленный мелким хозяйством более 200 млн крестьянских дворов. Это мелкое распыленное хозяйство крестьянских дворов⁷ остается главной формой хозяйствования, на его долю приходится более 98% всех субъектов производства в сельском хозяйстве и 70% всей пашни Китая [1, р. 8]. Неэффективность этого мелкого распыленного хозяйствования долгие годы во многом компенсировалась за счет большой интенсификации ручного труда и дешевых сельхозресурсов (удобрений, семян и пр.).

С развитием рынка и процесса урбанизации начался рост себестоимости всех факторов производства, включая рабочую силу; соответственно сокращались доходы, сельское хозяйство перестало быть основным источником доходов подрядного двора, обеспечивать существование семьи. Все больше крестьян, преимущественно молодежь, уходило в город в поисках доходов и новой жизни. Развивается соместительство. В деревне особенно сильно выражена тенденция постарения населения: в 2020 г. сель-

⁶ По расчетам, если брать задачи модернизации сельского хозяйства в пределах до 2035 г., т.е. «в основном», то этот уровень в 2018 г. составил 66,1%, а если исходить из задачи полной модернизации к 2050 г., уровень уже пройденного пути составил 54,2% [6, р. 29].

⁷ Размеры земли на 1 двор в сельском хозяйстве Китая – одни из самых малых в мире. Эти размеры сохраняются сегодня примерно на уровне 0,67 га на двор. Надел каждого двора еще распылен на 5–6 и даже более кусочков, и масштабы хозяйствования на этих кусочках пашни еще мельче. Согласно данным последней переписи пашни в Китае, примерно у 80% сельскохозяйственной рабочей силы масштабы обрабатываемой ими земли составляют менее 0,67 га (*Чжунго гайзэ*. 2022. № 5. С. 16.).

ское население в возрасте 60 и более лет составляло 23,8%, а в возрасте от 65 лет и выше – 17,7%, заметно снизился уровень образования [1, р. 8]. Все это создало большие трудности в ускорении модернизации, развитии современного масштабного хозяйствования.

Хотя в последнее десятилетие руководством страны проделана огромная работа по переходу к новой модели землепользования (от уравнительного распределения коллективной земли по подряду из расчета на душу – к рыночному обращению права пользования подрядной землей), и уже появились субъекты новых форм хозяйствования, развития современного масштабного хозяйства, но их еще очень мало (менее 2%).

Посмотрим на перспективы построения «сильного сельского хозяйства» через призму его основных критериев. Первый критерий – **сильный потенциал обеспечения предложения продовольствия** – связан со спецификой Китая и его сельского хозяйства (многочисленность населения и масштабы спроса на продовольствие) и фактически характеризует состояние продовольственной безопасности страны. Косвенным индикатором сильного потенциала обеспечения предложения продовольствия в мире принято считать состояние страны, при котором средний или серьезный уровень нарушения её продовольственной безопасности сохраняется на уровне ниже 10% при среднем мировом уровне в 27,6%, что имело место в 2018–2020 гг. в преобладающей части стран – мировых агролидеров [7, р. 7].

Эти страны имеют полный уровень обеспечения продовольственной безопасности, а при недостаточном внутреннем производственном потенциале они успешно обеспечивают свой продовольственный баланс за счет внешней торговли. В Китае всё сложнее. Хотя в стране уже создан солидный комплексный зерновой производственный потенциал, что в общем и целом позволяет обеспечивать продовольственную безопасность страны, тем не менее при этом хронически сохраняется напряженное состояние баланса спроса и предложения зерна. Так, в 2021 г. валовое производство зерна составило 682,85 млн т, импорт зерна – 164,54 млн т, экспорт зерна – 3,3 млн т, спрос на зерно поднялся до 844,08 млн т [8, р. 35].

Очевидно, что возможности импорта зерна Китаем сильно ограничены, поскольку весь объем мировой торговли зерном составляет лишь четверть минимального объема спроса на продовольствие, необходимое стране (в 2021 г. объем мировой торговли зерном составил 206 млн т [7, 7]). В конечном счете Китай вынужден рассчитывать главным образом на внутреннее производство и иметь высокий уровень самообеспечения продовольствием, чтобы эффективно удовлетворять потребности в продовольствии более 1,4 млрд своего населения. Поэтому обеспечение предложения продовольствия является насущнейшей задачей Китая, которую XX съезд КПК назвал «задачей нижней черты» при строительстве «сильного сельского хозяйства».

Рассмотрим критерий **сильной конкурентоспособности сельского хозяйства**⁸, который формируется на основе таких важных факторов, как производительность всех факторов производства, в первую очередь, производительность труда в сельском хозяйстве, себестоимость производства, выход продукции, чистая прибыль, глубокая переработка продукции, доля отрасли в мировой торговле. Производство продукции с наиболее низкими издержками – главная цель повышения конкурентоспособности: чем ниже себестоимость производства, тем большей конкурентоспособностью обладает отрасль перед конкурентами.

В Китае за последнее десятилетие себестоимость труда (рабочей силы), материальные издержки и издержки в сфере услуг в сельском хозяйстве сильно выросли, соответственно, **себестоимость производства в отрасли выросла и стабильно остается высокой, не снижаясь**. Начиная с 2016 г. в результате роста себестоимости чистая прибыль от производства 3 основных видов зерновых (риса, пшеницы, кукурузы) показывает отрицательный рост [7, р. 14], т.е. нет отдачи от вложений. В стране себестоимость производства этих основных видов зерновых и соевых бобов повсеместно на 40–70% выше таковой на мировом рынке. В частности, общая себестоимость каждых 50 кг риса, пшеницы и кукурузы в США в 2020 г. была соответственно на 42 юаня, 37 юаней и 52 юаня ниже, чем в Китае [1, р. 3].

В результате конкурентоспособность сельского хозяйства Китая на сегодня оказывается крайне низкой. Главная причина – низкая производительность труда в сельском хозяйстве, связанная с большим

⁸ Конкурентоспособность отрасли производства определяется как способность производить товары и услуги, отвечающие требованиям мировых и внутренних рынков, и создавать условия роста потенциала конкурентоспособности своих субъектов (прим. авт.).

избытком рабочей силы, занятой в отрасли, и с чрезвычайно малыми размерами наделов земли крестьянских хозяйств. Хотя производительность труда в сельском хозяйстве с 1978 по 2017 г. выросла более чем в 6 раз при среднегодовых темпах роста 5% (по причине ухода из земледелия около 300 млн чел. излишней рабочей силы в процессе урбанизации [9, р. 8]), но этого далеко не достаточно: занятость в отрасли составляет сегодня более 20% всей рабочей силы страны, тогда как в большинстве стран – мировых агролидеров она упала до 3%. По оценкам китайских ученых, чтобы сделать производство эффективным, из земледелия должно еще уйти не менее половины нынешней численности занятых (в 2020 г. – 177 млн чел., что больше, чем в Индии – 158 млн в 2018 г.)⁹.

В результате производительность труда в сельском хозяйстве (прирост стоимости производства продукции из расчета на 1 работника) в 2019 г., по оценкам, в Китае составила \$5609 (в неизменных ценах 2015 г.), что соответствовало лишь 5% производительности труда в сельском хозяйстве США, Израиля, Канады и 20% от уровня стран ЕС [7, р. 13]. Если удельный вес стоимости прибавочного продукта, произведенного в сельском хозяйстве Китая, в ВВП страны с 50,5% в 1952 г. снизился до 7,19% в 2019 г., то доля занятой рабочей силы в отрасли за тот же период сократилась лишь до 25,1%, в итоге между вложением рабочей силы в сельское хозяйство и выходом продукции в Китае сохраняется глобальная диспропорция.

По расчетам китайских специалистов, к 2035 г. прирост стоимости валовой продукции сельского хозяйства может увеличиться примерно на 40% по сравнению с уровнем 2019 г., а производительность труда приблизиться к уровню \$15 000. Этот уровень будет примерно соответствовать уровню производительности труда большей части стран, завершивших модернизацию сельского хозяйства в 90-е гг. XX в., который в среднем составил \$15 000, а в Японии – примерно \$20 000 на одного работника [6, р. 35]. Судя по всему, именно этот уровень запланирован как конечная цель роста производительности труда в сельском хозяйстве Китая к 2035 г., этой важнейшей составляющей критерия его конкурентоспособности¹⁰.

Отметим еще один крайне трудный для достижения в полном объеме критерий – это **сильный потенциал устойчивого («зеленого») развития**. Речь, в частности, идет о таком его параметре, как нормы вносимых минеральных удобрений на единицу пашни и степень применения пестицидов. Эти нормы в сельском хозяйстве Китая почти в 2 раза превышают нормы стран – мировых агролидеров: практически все эти страны придерживаются нормы международного критерия безопасности и качества продовольственной продукции в размере 225 кг удобрений из расчета на 1 га и ниже; в Китае эта норма примерно в 1,8 раза больше (около 425 кг/га) [6, р. 25], хотя в последние годы принимались серьезные меры по ограничению объемов вносимых минеральных удобрений и химикатов. При этом следует учитывать, что в условиях дефицита пашни рост урожайности – основной способ повышения продуктивности производства, а сверхвысокие нормы вносимых минеральных удобрений – главный фактор высокой урожайности зерновых, основы роста валового производства.

Таким образом, предстоит крайне сложный, качественно новый этап модернизации сельского хозяйства, когда фактически по всем основным направлениям стратегии строительства «сильного сельского хозяйства» нужны «прорывы». Другими словами, в реальности трудности на пути к цели огромны.

Согласно выводам китайских ученых, из всех критериев «сильного сельского хозяйства» два – *потенциал гарантии предложения продовольствия* и *потенциал научно-технической оснащенности* – имеют сравнительно хорошую основу для реализации. По расчетам, по этим двум критериям требуемый уровень модернизации может быть достигнут в основном к 2035 г. Критерий *потенциала устойчивого развития* потребует больше времени для реализации. Самым сложным и трудным критерием на пути построения «сильного сельского хозяйства» оказывается критерий *конкурентоспособности сельского хозяйства* Китая. Его реализация связана с процессом трансформации экстенсивного типа развития способа производства более 200 млн мельчайших хозяйств и постепенным переходом к современному способу производства интенсивного типа в масштабах страны. Как известно, аналогичные процессы в других странах потребовали значительно больше времени, чем два–три десятилетия, как планирует Китай.

⁹ Нуцун гуңцо тунсюнь. 2022. № 21. С. 34.

¹⁰ Для сравнения: производительность труда в сельском хозяйстве России в 2019 г. составила примерно 1,2 млн руб., или, с учетом среднего курса рубля к доллару в 2019 г. (64,73), достигала примерно \$18 539 (прим. авт.).

В целом же основные выводы о перспективах строительства «сильного сельского хозяйства», сделанные китайскими учеными на основе сравнительного анализа уровней развития сельского хозяйства Китая и стран – мировых агролидеров, следующие:

1) Имеющийся потенциал сельскохозяйственного производства и уровень его развития, прежде всего, в части обеспечения важнейших видов сельхозпродукции, говорит о том, что Китай уже имеет реальные возможности построения «сильного сельского хозяйства». Если исходить из темпов его роста в 13-й пятилетке (2016–2020 гг.) и принять, что самые важные плановые показатели его модернизации на 2035 г.¹¹ будут выполнены, то есть все основания рассчитывать на достижение цели «сильного сельского хозяйства» в основном к 2035 г. «Конечно, это лишь общий, усредненный результат» [7, р. 17].

Заметим, что эти плановые показатели касаются только модернизации сельского хозяйства (см. сноску 11), а официальное понятие построения «сильного сельского хозяйства» охватывает гораздо больше направлений модернизации, что вызывает сомнение в возможности в столь сжатые сроки достичь конечной цели «в основном» к 2035 г. – всего за 12 лет. Наши сомнения подтверждает конкретный расклад процесса модернизации сельского хозяйства и построения «сильного сельского хозяйства» по регионам страны, представленный теми же специалистами.

2) На уровне регионов задача перехода от «большого» сельского хозяйства к «сильному» по-прежнему остается крайне трудной, как заключают ученые [6, р. 27]. Если говорить конкретно, с точки зрения готовности разных регионов к построению «сильного сельского хозяйства», то ход модернизации представляет собой процесс, растянутый во времени примерно на три этапа. Первый – период 14-й и 15-й пятилеток (первое десятилетие) – включает лишь крупные города – Пекин, Шанхай, Тяньцзинь – и экономически развитые провинции Восточного Китая – Чжэцзян, Цзянсу и др., имеющие более продвинутые условия для ускорения модернизации сельского хозяйства, деревни, которые смогут в основном достичь целей построения «сильного сельского хозяйства» примерно к 2035 г. Модернизация агросферы в таких отдаленных и экономически менее развитых районах, как Тибет, пров. Юньнань, Ганьсу, Гуйчжоу и др., отнесена к 3-му этапу, т.к. им нужно гораздо больше времени для достижения данной цели, т.е. «где-то после 2040 г.». Остальные районы могут войти в зону второго этапа модернизации между этими двумя группами [6, р. 29].

3) Что касается реализации целей модернизации деревни, её полного возрождения, включая конечные цели: «сильное сельское хозяйство», «красивая деревня», «богатые крестьяне», то здесь следует ориентироваться на 2045–2050 гг., и процесс этот также будет постепенным, последовательным, растянутым по этапам [6, р. 29].

КЛЮЧЕВОЕ ЗВЕНО

Концепция стратегии построения «сильного сельского хозяйства» за короткий срок после XX съезда КПК наполнилась богатым содержанием. В условиях, когда сельское хозяйство страны остается слабым, хотя и большим, зерновое производство убыточным, доходы крестьян преимущественно обеспечиваются за счет «внешних» источников¹², когда в деревне остро чувствуется нехватка рабочих мест и источников доходов и в поисках лучшей жизни люди уходят из деревни в город, в таких условиях, естественно, встает вопрос: где то «ключевое звено», которое способно начать менять, и менять эффективно, столь непереносимое положение к лучшему в этой одной из важнейших отраслей экономики и в жизни деревни в целом? Где то «ключевое звено», с которого надо начать реализацию стратегии построения «сильного сельского хозяйства»? Очевидно, его должны подсказать самые насущные проблемы, требующие первоочередного внимания.

Наиболее доходчиво и кратко на вопрос «как возродить китайскую деревню?» ответил экономист Лю Шоунин, руководитель Института экономики Народного университета Китая, указав 3 основных направления действий:

¹¹ Важнейшие показатели плана модернизации отрасли до 2035 г. следующие: 1) снижение занятости рабочей силы в сельском хозяйстве – до 10%; 2) рост производительности труда в сельском хозяйстве – до \$15 000 на 1 работника (в ценах 2019 г.); 3) вклад науки и техники в развитие производства – 73,6%; 4) уровень комплексной механизации для сельхозкультур – более 85%; 5) коэффициент эффективного орошения в сельском хозяйстве – свыше 0,65 [7, р. 17].

¹² Более половины дохода подрядного хозяйства крестьянина в последние годы составляют переводы из города от детей – сельских мигрантов, занятых в городской экономике; доход подрядного двора от сельского хозяйства составляет лишь четвертую часть всего дохода семьи (прим. авт.).

1) сделать сельское хозяйство доходным, поднять выход продукции сельского хозяйства с единицы площади за счет использования всех возможных факторов роста;

2) вернуть деревне её традиционный облик и тип развития – многообразие производств и разного рода хозяйственной деятельности;

3) снять все институциональные преграды на пути развития сельской экономики, деревни, интеграции города и деревни, и как можно скорее [10, pp. 15–16].

Другими словами, «ключевым звеном» в модернизации сельского хозяйства фактически названо решение проблемы производительности труда в сельском хозяйстве, а в стратегии возрождения деревни, её модернизации – развитие многоотраслевой аграрной экономики в деревне, способной обеспечить полную занятость сельского населения и новые источники доходов, наряду с ликвидацией всех системных барьеров на пути возрождения деревни, интеграции города и деревни.

Видный экономист, вице-президент КАОН Цай Фан вообще особо выделяет и ставит на первое место задачу подъема производительности труда в сельском хозяйстве. Он считает, что «производительность труда в сельском хозяйстве – не только непереносимое требование модернизации сельского хозяйства, деревни, но и необходимая основа экономики в целом. Чем меньше удельный вес сельского хозяйства в экономике в целом, тем сильнее должна быть базовая роль производительности труда в сельском хозяйстве. Поэтому без повышения производительности труда в сельском хозяйстве не может быть ни модернизации сельского хозяйства, ни модернизации деревни; не только модернизация Китая будет незавершенной, но это также ослабит устойчивость всей экономики» [11, pp. 5, 7].

Цай Фан называет две основные причины сохранения низкой производительности труда в сельском хозяйстве: 1) чрезмерно высокая численность рабочей силы, занятой в отрасли; 2) чрезмерно малые размеры земли из расчета на 1 крестьянское хозяйство. Чтобы поднять производительность труда в отрасли, необходимо продолжать процесс урбанизации, перемещая излишек сельскохозяйственной рабочей силы в город, одновременно ускоряя процесс получения городского статуса сельскими мигрантами, с одной стороны, с другой – усиливать обращение земли, укрупнять земельные наделы хозяйств, развивать масштабное хозяйство на земле. Оба эти направления одинаково важны, но целый ряд проблем объективного характера, о которых говорилось выше, сдерживает нужные темпы модернизации по этим основным направлениям.

Между тем, как бы в поддержку мнения китайской науки, в самое последнее время без особой рекламы появился затребованный практикой жизни и начал работать вариант китайской модели «сильного сельского хозяйства» как раз в русле повышения производительности труда.

Эта модель направлена на повышение экономической эффективности мелкого крестьянского хозяйства подрядных дворов путем особой формы увязки их с развитием современного сельского хозяйства. Модель включает два процесса, обеспечивающих эту «увязку»: первый – концентрация пашни за счет привлечения в общий «пул» мелких наделов земли подрядных крестьянских дворов на договорной основе; второй – ведение хозяйственной деятельности на таком укрупненном массиве пашни на основе современных технологий, способных существенно поднять эффективность производства, снизить себестоимость, силами сферы услуг.

Эта модель предлагает совершенно новый, инновационный путь концентрации и укрупнения пашни под развитие современного производства – за счет объединения участков мелких крестьянских хозяйств на добровольной договорной основе без изменения права собственности на землю двора (коллективная земля) и права пользования (двора на основе права подряда). Несомненно, столь легкое и незаметное преодоление барьера системы собственности и имущественного права на землю при её концентрации оказалось возможным благодаря наличию *основной хозяйственной системы в деревне*, гарантирующей неизменное право коллективной собственности на землю и поощряющей на этой коллективной земле развитие хозяйственной деятельности структур разных форм собственности. К появлению такой модели подтолкнуло замедление темпов обращения подрядной земли в деревне¹³, поскольку большая часть хозяев мелких подрядных хозяйств не желала уходить с земли и передавать её в обращение¹⁴. Чтобы поднять темпы развития укрупненного хозяйствования на современной основе, был разра-

¹³ Обращение подрядной земли в деревне, начавшись в ускоренном темпе, позднее замедлилось, целый ряд лет оставаясь на уровне 35–35,9% (2020 г.) от всей подрядной земли в деревне (*прим. авт.*).

¹⁴ Хозяева этих мелких подрядных хозяйств-дворов – крестьяне 1-го и частично 2-го поколения сельских мигрантов, которые много лет работали в городе, вернулись домой, на землю, и в силу возраста и здоровья уже не могут и не желают менять образ

ботан механизм подключения мелких крестьянских хозяйств к системе модернизации и современных агротехнологий через разветвленную систему производственных услуг.

Организация сферы производственных услуг (кооператив, компания и пр. разных форм собственности) заключает с хозяином подрядного двора договор, обязуясь оказывать услуги по отдельным операциям, или полностью берет в свое управление всё хозяйство двора в т.н. доверительное управление (*то гуань*) на выгодных для крестьян условиях, гарантируя рост производства и доходов благодаря внедрению современных агротехнологий и эффективному управлению.

Суть этой китайской модели модернизации и построения «сильного сельского хозяйства» специалисты Высшей партшколы КПК (Государственной административной академии Китая) объясняют так: **«координировать и согласовывать отношения масштабного хозяйствования на земле с масштабным хозяйствованием в сфере услуг»**. Для этого надо, поясняют они, «с одной стороны, стимулировать обращение земли (права хозяйствования на земле) разными способами, её концентрацию, развивать масштабное хозяйство, стимулировать передачу права хозяйствования на земле специализированным крупным дворам, семейным фермам, крестьянским кооперативам, в процессе обращения решая проблему парцеллярности, повышая интенсификацию производства, масштабы хозяйствования. С другой – совершенствовать систему обобществленных услуг, осуществлять совместное развитие масштабного хозяйствования на земле с масштабным хозяйствованием в сфере услуг. Развивать обобществленные услуги, включая оказание услуг по отдельным работам, вплоть до доверительного управления всем хозяйством, осуществлять органичную увязку мелких крестьянских хозяйств с развитием современного сельского хозяйства, стимулировать повышение эффективности за счет снижения себестоимости, повышения качества, умного хозяйствования и реализации продукции» [12].

Описанная выше китайская модель модернизации сельского хозяйства сегодня уже реализуется на практике, и довольно активно, в том числе при строительстве *полей высоких стандартов*¹⁵ в деревне. Крестьяне – хозяева подрядных дворов в целом положительно восприняли этот вариант услуг. По последним данным, около 45% мелких крестьянских дворов в 2022 г. было охвачено системой доверительного управления (*то гуань*). Эта модель при дальнейшем совершенствовании вполне может существенно ускорить переход к современному укрупненному хозяйствованию в масштабах страны, хотя естественный процесс сокращения количества мелких подрядных крестьянских хозяйств в действительности может быть гораздо более продолжительным, но не будет сдерживать процесс модернизации сельского хозяйства, как было до последнего времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В итоге можно сказать, что целевые задачи построения «сильного сельского хозяйства» Китая на уровне мировых стандартов в основном к 2035 г. и полностью к 2040 г. и далее поставили чрезмерно высокую планку темпов и сроков, учитывая всю сложность решения имеющихся проблем. По большому счету здесь не так важны сроки, как сама постановка столь амбициозной, сложнейшей и насущнейшей задачи – по сути, стратегии качественного преобразования всего сельского Китая (а это почти 500 млн чел., или около 35% всего населения страны на 2022 г.) с ориентиром на современный мировой уровень развития общественного производства и жизни общества. Это похоже на новый «большой скачок» со знаком плюс. Особенно важно то, что впервые в истории цель – «богатые крестьяне» – стала неотъемлемой частью официальной стратегии, а значит, рано или поздно она будет достигнута. Все это вселяет уверенность в реальности реализации поставленной цели. Эта уверенность подкрепляется не только большой общенациональной значимостью «проекта», но и тем, что он составляет важное неразрывное звено всей общенациональной стратегии социалистической модернизации Китая к середине XXI в., т.е. второго этапа 100-летней борьбы за осуществление китайской мечты по возрождению китайской нации.

жизни, расставаться с землей, их основным средством существования. Сами же в полной мере обрабатывать землю хозяйства зачастую уже не могут. Многие из них заинтересованы в получении услуг по хозяйству. Но, наверное, не все (*прим. авт.*).

¹⁵ Строительство полей высоких стандартов – государственная программа повышения продуктивности сельского хозяйства Китая путем повышения плодородия пашни на больших площадях, превращения земель низкой и средней продуктивности (на их долю приходится 2/3 всех пахотных угодий страны) в высокоплодородные угодья за счет концентрации земли, улучшения верхнего слоя пашни, современных технологий, ирригации, механизации и пр. (см.: *Новые горизонты КНР в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.)* М.: ИКСА РАН, 2022. С. 89–92).

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

1. 魏后凯, 崔凯. 农业强国的内涵特征、建设基础与推进策略. (Wei Houkai, Cui Kai. Specifics, construction basis and implementation strategy of "nongye qiang guo"). Reform.net.cn. (C) 1994–2023. China Academic Journal Electronic Publishing House. <http://www.cnki.net> (accessed 05.03. 2023)
2. 中共中央 国务院关于实施乡村振兴战略的意见. (Opinion of the CPC Central Committee and the State Council on launching the village revival strategy). http://www.gov.cn/zhengce/2018-02/04/content_5263807.htm (accessed 20.04.2018)
3. 习近平: 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗 – 在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告. 2022年10月25日. 来源: 新华网 (Xi Jinping. Carrying high the great banner of socialism with Chinese characteristics, to fight together for the complete construction of a modern socialist state. Report at the XX National Congress of the Communist Party of China). October 16, 2022. Xinhua Wang (accessed 22.10.2022)
4. 习近平在中央农村工作会议上强调: 锚定建设农业强国目标 切实抓好农业农村工作中央农村工作会议 12 月 23 日至 24 日. (Xi Jinping at the All-China Meeting of the CPC Central Committee on Work in the countryside stressed: to firmly set the goal of creating a strong agrarian power, to really work in the countryside). politics.people.com.cn/n1/2022/12/24 – c 1024-32593022.html (accessed 15.01.2023)
5. 中共中央 国务院关于做好 2023 年全面推进乡村振兴重点工作的意见. (Opinion of the CPC Central Committee and the State Council on the work on comprehensive promotion of the key links of the village revival strategy). rdi.cass.cn/gzsn/202302/t20230214_5588091.shtml (accessed 20.02.2023)
6. 魏后凯 崔凯. 面向2035年的中国农业现代化战略. (Wei Houkai, Cui Kai. The strategy of modernization of China's agriculture, aimed at 2035". *China Economist*. Vol. 16. № 1. January–February. 2021. p. 25. (C) 1994–2021. China Academic Journal. Electronic Publishing House. <http://www.cnki.net> (accessed 03.09.2021)
7. 魏后凯 崔凯. 建设农业强国的中国道路: 基本逻辑、进程研判与战略支撑. (Wei Houkai, Cui Kai. The Chinese way of building a "strong agrarian power": basic logic, process definition and strategic support. *Zhongguo nuncun jingji*. 2022. № 1. P. 12. <https://kns.cnki.net/kcms/detail/11.1262.F20220208.1650.002.html> (accessed 15.04.2022)
8. 魏后凯 . 加快建设农业强国的重大意义和推进路径. (Wei Houkai. The great significance and promotion path to accelerate building a "strong agrarian power"). *Нунцунь гунцзо тунсюнь*. 2022. № 21. P. 35. (C) 1994–2022. China Academic Journal Electronic Publishing House. <http://www.cnki.net> (accessed 08.01.2023)
9. 蔡昉. 业劳动生产率是城乡融合发展的基础. (Cai Fan. Labor productivity in agriculture is the basis for the integration of urban and rural development). *Caixin wang. Zhongguo gaige*. 2019. № 4. P. 8 (accessed 28.12.2019)
10. 刘守英. 城乡融合: 推倒横在城乡之间的那堵墙. 源于财新《中国改革》2019年第4期. (Liu Shouying. Town and Village integration: break down the wall between town and village). *Zhongguo gaige*. 2019. № 4 (accessed 28.12.2019)
11. 蔡昉. 乡村振兴的政策抓手. 源于财新《中国改革》2022年第5期. (Cai Fan. The key link of the village revival policy). *Zhongguo gaige*. 2022. № 5 (accessed 30.12.2022)
12. 孙生阳 鄒一南. 建设农业强国须立足国情农情. (Sun Shengyang and Zou Yinan. When building the Nungye Qianguo, it is necessary to rely on the main condition of the country, agriculture). *Guangmin zhibao*. 2023-02-15. theory.people.com.cn/n1/2023/0215/c4-531-326223985.html (accessed 25.02.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бони Людмила Дмитриевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и стран Современной Азии, РАН, Москва, Россия.

Lyudmila D. Boni, Dr.Sc. (Economics), Principal Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.07.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 10.09.2023

Политика позитивной дискриминации в Индии: новые подходы к решению социально-экономических проблем

© Старикова М.Н.^a, 2023

^a МГИМО, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2704-2425; m.starikova@inno.mgimo.ru

Резюме. Политика «позитивной дискриминации» в современной Индии направлена на помощь социально отсталым слоям общества, в которые входят зарегистрированные касты, племена и «прочие отсталые классы». Государство предоставляет им квотируемые места в университетах и на госслужбе. Но в эти категории всегда входили лишь некоторые группы религиозных меньшинств, далиты, а также представители средних и низших каст индусской общины. Однако в 2019 г. правительство Нарендры Моды приняло поправки к Конституции, которые позволяют малообеспеченным гражданам претендовать на 10% квотируемых мест независимо от их религии или кастовой принадлежности.

Общественность приняла реформу неоднозначно, но в итоге Верховный суд оставил поправки в силе. Экономически отстающие граждане, не подпадающие под иные категории квотирования, могут поступить по этой квоте в учебное заведение или на госслужбу. Мусульмане и представители других религиозных меньшинств также получают возможность претендовать на квотируемые места. Несмотря на позитивный характер реформы, многие считают её очередным способом привлечь голоса избирателей на выборах.

Ключевые слова: Индия, мусульманская община, далиты, квотирование, экономически менее развитые группы населения, прочие отсталые классы

Для цитирования: Старикова М.Н. Политика позитивной дискриминации в Индии: новые подходы к решению социально-экономических проблем. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 26–33. DOI: 10.31857/S032150750028099-0

Positive Discrimination in India: New Approaches to Socio-Economic Issues

© Maria N. Starikova^a, 2023

MGIMO University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-2704-2425; m.starikova@inno.mgimo.ru

Abstract. In contemporary India, the policy of positive discrimination aims to help socially backward classes of the society which includes Scheduled castes, Scheduled tribes and Other Backward Classes. The state provides reservations in educational institutions and public employment to them. These categories include only some groups of the religious communities, Dalits and also the members of the middle and low castes of the Hindu community. However, in 2019 Narendra Modi's government passed the constitutional amendment that allows citizens with low income to apply for 10% quota places regardless of their religion and cast status.

Public ambiguously accepted the reform, but the Supreme Court upheld the Amendment. The economically backward citizens who do not belong to any reserved category now have the reservation for admission in educational institutions and government jobs. Muslims as well as members of the other religious minorities who are not covered by the existing quotas now can also enroll in the educational institutions or enter the civil service. Despite the positive nature of the reform for the poor citizens many still believe that it is another way to attract the votes during the elections.

Keywords: India, Muslim community, Dalits, reservation, economically weaker sections of the society, other backward classes

For citation: Starikova M.N. Positive Discrimination in India: New Approaches to Socio-Economic Issues. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 26–33. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028099-0

ВВЕДЕНИЕ

Политика предоставления квот для представителей социально отсталых слоев населения началась еще в колониальный период истории Индии и была воспринята правительством уже независимой страны в XX в. Проблема «позитивной дискриминации» стала одной из острых тем дискуссий представителей различных политических сил и часто используется ими для достижения собственных целей. Резервирование мест за угнетаемыми группами позволило многим их членам получить доступ к образовательным, экономическим и властным ресурсам. Поскольку отличительной чертой индийского общества является кастовая система, создатели Конституции и основатели молодого государства стремились нивелировать существовавшие столетия привычные модели поведения и предоставить возможность ранее отрезанным от благ людям начать учиться и работать наравне с более привилегированными гражданами.

Однако в современной индийской политике каждая партия использует квотирование и кастовый вопрос в своих интересах, воспринимая это как совершенно нормальное, законное и даже необходимое действие [1, pp. 48–49]. Некоторые исследователи считают, что власти предоставляют квоты всё большему числу групп не для того, чтобы обеспечить общественный порядок, а чтобы увеличить свою электоральную поддержку [1, p. 49]. Это стало частью стратегии борьбы партий и организаций за влияние в штатах и регионах, превратив кастовые или общинные объединения в пассивные электоральные базы и реальные движущие силы. Политика резервирования стала одним из инструментов, благодаря которому они часто вполне успешно добивались поддержки многочисленных слоев населения. На фоне этого возрастало недовольство многих ранее привилегированных групп, и, чтобы «успокоить» их, на протяжении десятилетий власти пытались ввести квоту на основе экономического статуса.

ПОЛИТИКА ПОЗИТИВНОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ

По Конституции правом на получение зарезервированных мест в учебных заведениях и на госслужбе наделяются т.н. зарегистрированные касты¹, зарегистрированные племена, «прочие отсталые классы» и в последние несколько лет «экономически менее развитые группы населения». Первоначально в список зарегистрированных каст входили лишь индусы, но в 1956 г. были включены сикхи, а в 1990 г. – буддисты. Однако мусульмане и христиане, которые считают себя далитами², до сих пор не добились права на включение в список³, хотя отдельные группы входят в категорию «отсталых классов».

Именно вышеперечисленные категории позволяют низшим слоям индийского общества претендовать на квоты. В первые две входят бывшие «неприкасаемые» и многочисленные племена, к третьей относятся различные низшие и средние касты, в т.ч. отдельные группы других религиозных общин, которые на протяжении долгого времени также были лишены возможности претендовать на экономические и социальные блага. Первоначально планировалось оставить квотированные места только для зарегистрированных каст и племен, но из-за недовольства южных штатов в мае 1951 г. парламент принял поправку к Конституции, допускающую «позитивную» дискриминацию в отношении отсталых слоев общества [4, с. 12]⁴. Постепенно все южные штаты ввели квоты для «отсталых классов», куда входили не только индусы. Но в масштабах страны не существовало четкого регулирования для данной категории населения.

Лишь в 1978 г. была создана государственная Комиссия по «отсталым классам» под руководством Б.П.Мандала⁵ для изучения положения «отсталых классов» и выработки рекомендаций, касающихся их представительства в госучреждениях и поступления в высшие учебные заведения. Комиссия определила долю «прочих отсталых классов» населения в 52% и рекомендовала ввести квотирование 27% мест

¹ См. подробнее о далитах [2].

² Далиты – наименование неприкасаемых в Индии.

³ Сегодня на рассмотрении Верховного суда находится дело, согласно которому христиане требуют присудить отдельным представителям своей и мусульманской общины статус списочных каст [3].

⁴ Ещё в 1925–1930-е гг. на юге страны отсталые «чистые» касты добились квотирования в учебных заведениях и госучреждениях, поэтому были недовольны лишением квот [4, с. 12] после пересмотра системы резервирования в уже независимой Индии.

⁵ Б.П.Мандал (1918–1982 гг.) – известный политический деятель. Возглавлял вторую Комиссию по «отсталым классам».

на госслужбе и в учебных заведениях, получающих полное или частичное финансирование государства [5, р. 57–59]. Комиссия Мандала отнесла мусульман и представителей неиндусских общин, происходящих от далитов или занятых в профессиях, в которых заняты индусы, уже входящие в категорию «прочих отсталых классов», к данной категории [5, р. 56]. Она включила 80 групп мусульман, причем около 50% мусульман были признаны отстающими [6]. В результате «прочие отсталые классы» населения получили право на квоты.

Зарезервировано 49,5%⁶ мест в образовательном секторе и на госслужбе: 15% – за зарегистрированными кастами, 7,5% – за зарегистрированными племенами, 27% – за «прочими отсталыми классами». Каждый штат имеет право сам определять процент квот для этих категорий.

Такая стратегия властей привела к росту недовольства, особенно среди городской образованной молодежи из высших каст среднего класса общества, обеспокоенных сужающимися рынками труда [1, р. 37]. Они чувствуют угрозу из-за потери возможностей и доминирующих позиций. Стандартными аргументами критиков является то, что политика позитивной дискриминации уничтожает равенство перед законом, питает кастовый феодализм, разделяет людей на кастовой основе, угрожает социальному единству, сохраняет зависимость зарегистрированных каст от государства; система не может выжить, если заслуги, эффективность и достоинство игнорируются [1, р. 44]. Во многом из-за таких взглядов правительства, как центральные, так и штатовские, в разные периоды стремились «задобрить» высшие касты и вводить квоты лишь на основании финансового положения потенциальных кандидатов.

В 2019 г. правительство ввело новую квоту, основанную на экономическом статусе, что привело к оживленной дискуссии. Это решение бросило вызов существующей системе резервирования, основанной в первую очередь на данных о социальном и образовательном положении граждан, а не только экономическом. Квоты изначально были призваны постепенно смягчить последствия дискриминации из-за кастового статуса в обществе, поэтому введение новой категории многим показалось началом слома выбранной ранее стратегии устранения неравенства и политическим шагом для привлечения голосов высших каст. Во многом это мнение связано с тем, что электоральной основой правящей партии Бхаратия джаната парти выступают именно верхние слои индийского общества.

РЕЗЕРВИРОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА

Несмотря на негативную реакцию общественности, правительство не раз предлагало установление новой квоты с учетом экономического статуса. В 1990 г. премьер-министр В.П.Сингх⁷ объявил в парламенте о введении 27%-го квотирования для «прочих отсталых классов», но это привело к волнениям среди высших каст [4; 7, р. 2454]. Он также озвучил идею добавления квоты для малообеспеченных граждан, но официально не внес это предложение на рассмотрение, вероятно, опасаясь превышения установленного судами порога в 50% резервирования [7, р. 2454]. Позже, в 1991 г., премьер-министр П.В.Нарасимха Рао⁸ тоже попытался провести реформу в политике «позитивной дискриминации», и к предложенным ранее 27% добавили 10% квот для экономически отсталых слоев населения.

В 1992 г. Верховный суд Индии в рамках дела Индры Сахни обязал правительство ввести квоту для «прочих отсталых классов» [4, с. 13], однако отказал в резервировании мест только на основании экономического статуса кандидатов. Уточнялось, что государство может предоставить малообеспеченным квотирование, чтобы установить их достаточное представительство, но под действие ст. 16 (п. 1) Конституции они не могут подпадать: резервирование включает в т.ч. социальные критерии. Именно тогда решение Верховного суда надолго затормозило введение квот для представителей высших каст и различных религиозных общин, которые из-за своего экономического положения не могли поступить в университеты или устроиться на хорошую работу. Но предложенная идея не была полностью отвергнута, поскольку могла в свое время стать неплохим инструментом для привлечения голосов⁹.

Спустя почти тридцать лет, 9 января 2019 г., парламент Индии принял 103-ю поправку к Конституции, согласно которой представители «экономически менее развитых групп населения» могут по-

⁶ С 2019 г. добавлено 10% для «экономически менее развитых групп населения» (прим. авт.).

⁷ В.П.Сингх (1931–2008 гг.) – премьер-министр Индии с декабря 1989 г. по ноябрь 1990 г.

⁸ П.В.Нарасимха Рао (1921–2004 гг.) – премьер-министр Индии с 1991 по 1996 г.

⁹ Например, в Керале в 2017 г. правительство штата призывало к введению резервирования на основе экономического положения [8].

лучить до 10% мест на государственной службе и в учебных заведениях на основе введенного в меморандуме экономического критерия¹⁰. Закон внес поправки в ст. 15 и 16, добавив в каждую п. 6. Поправка к ст. 15 позволяет правительству вводить особые постановления для улучшения положения экономически менее развитых групп граждан, в т.ч. квотирование в учебных заведениях (кроме образовательных учреждений, находящихся под попечительством общин меньшинств). Ст. 16 (п. 6) дает правительству право вводить квоты на государственной службе для указанной категории населения. 10% предоставляются отдельно от уже существующих категорий квот, что поднимает общий процент квот выше 50%.

Несмотря на принятие большинством голосов поправки, некоторые члены Нижней палаты парламента (Локсабхи) высказались против законопроекта¹¹. Во-первых, они считали, что поправка не соответствует целям резервирования: обеспечение социальной справедливости, устранение образовательной и социальной отсталости. Например, Асадуддин Овайси¹² отметил, что нет точных данных об уровне отсталости представителей высших каст, но такая статистика есть по мусульманской общине – она демонстрирует удручающие показатели в сфере образования. По этой причине именно им стоит предоставить возможность претендовать на зарезервированные места. А.Овайси упомянул об отказе Центра одобрить закон о выделении мусульманам большей квоты в штате Телангана и в целом о торможении штатовской инициативы по пересмотру процента квот¹³.

Во-вторых, некоторые парламентарии напомнили о неудачной попытке правительства П.В.Нарасимха Рао ввести экономический критерий резервирования. Тогда Верховный суд не одобрил данное решение, поэтому они считали, что и на этот раз реформа провалится.

В-третьих, была подчеркнута несправедливость обязательного предоставления квотированных мест в институтах и университетах, не имеющих финансовой поддержки государства. При этом такой льготы лишены зарезервированные касты, племена и «прочие отсталые классы». Также существует проблема с обеспечением рабочими местами, поскольку в стране их число не увеличивается, а дополнительные квоты требуют новых мест. В-четвертых, критерии выделения новой категории¹⁴ стоило еще раз пересмотреть, поскольку под них подпадает слишком большой процент населения страны.

Во время дискуссии также прозвучало мнение о политических причинах введения новой квоты. Депутат от Индийской объединенной мусульманской лиги¹⁵ Е.Т.Мохаммад Башир отметил, что «настоящая цель этого законопроекта – извлечение личной выгоды из сложной ситуации» и «не что иное, как подготовка к предстоящим выборам (апрель–май 2019 г.)»; в деле Индра Сахни судья П.Савант четко обозначил, что «экономический критерий позволит представителям из высшей прослойки общества (высшим кастам) монополизировать власть в стране, чему политика резервирования должна противодействовать». Несогласные с поспешностью принятия поправки были убеждены, что Верховный суд может отклонить законопроект.

Решение правительства в интеллектуальной среде было принято неоднозначно. Публицисты и аналитики отмечали как положительные, так и отрицательные стороны поправки, хотя чаще в СМИ инициативу критиковали. В первую очередь недовольство вызывало укрепление положения высших каст, которые и так получали высшее образование и были хорошо представлены в обществе. В связи с этим отмечалось, что квоты могут быть подходящим средством защиты прав только для тех людей, которые сталкиваются с такими структурными барьерами, как каста, раса и пол [10; 11]. Эти группы населения

¹⁰ Доход семьи не должен превышать 8 тыс. лакхов в год (800 тыс. рупий или около \$9632) (*прим. авт.*). В доход включается не только заработная плата, но и прибыль от занятий сельским хозяйством, бизнесом и другими видами деятельности. Для живущих в деревне принадлежащая им площадь не должна превышать 5 акров земли, а жилая площадь – 200 кв. м [9].

¹¹ Discussion on the motion for consideration of the Constitution (One Hundred and Twenty-Fourth Amendment) Bill, 2019. Moved by Dr. Thaawarchand Gehlot. Parliament of India. Lok Sabha. Digital Library. https://eparlib.nic.in/handle/123456789/808314?view_type=search (accessed 23.02.2023)

¹² Асадуддин Овайси (р. 1969 г.) – нынешний лидер партии Всеиндийская конференция союза мусульман (ВКСМ). Клан Овайси стоит во главе партии с 1958 г. ВКСМ была основана в Хайдарабаде в конце 1920-х гг. Просуществовала до 1947 г. Воссоздана в 1958 г. (*прим. авт.*).

¹³ В апреле 2017 г. легислатура Теланганы выпустила законопроект об увеличении квот для мусульман с 4% до 12% и зарегистрированных племен с 6% до 10%. После этого планировалось направить закон в Центр для одобрения президентом и включения изменений в Приложение 9 Конституции (*прим. авт.*).

¹⁴ Office Memorandum. No. 36039/1/2019-Estt (Res). Government of India. Ministry of Personnel, Public Grievance & Pensions. Department of Personnel & Training. 31.01.2019. <https://dopt.gov.in/sites/default/files/ewsf28ft.PDF> (accessed 23.02.2023)

¹⁵ Партия в штате Керала, образованная в 1948 г.

подвергаются дискриминации и часто не могут получить доступа к возможностям наравне с остальными членами общества. Так, в школах, на работе, в магазинах и других местах продолжает практиковаться неприкасаемость или создаются трудности для меньшинств [10].

Критики утверждали, что, в отличие от проблем, с которыми сталкиваются зарегистрированные касты, племена и «прочие отсталые классы», экономическое неблагополучие представителей высших каст не связано с систематической дискриминацией со стороны других членов общества. Не меньшее недовольство вызвало решение исключить из поправки группы, уже имеющие квоты, поскольку численность малообеспеченных граждан в их среде значительно выше: 43% зарегистрированных племен живут за чертой бедности; среди зарегистрированных каст – 29%; «прочих отсталых классов» – 21%; не входящих в вышеперечисленные группы – 12,5% [9].

Ряд исследователей и публицистов всё же обратили внимание на то, что не только высшие касты, но и некоторые общины могли бы получить выгоду от новой квоты, и в первую очередь мусульмане [12; 13]. Например, экономист Шариф Абусалех и правовед Бхат Мохсин приходят к такому выводу, проанализировав данные из отчета Комитета Сачара от 2006 г.¹⁶: процент мест, занимаемых мусульманами на госслужбе, значительно ниже, чем у представителей других религиозных общин [13, р. 6–7]. Квота, основанная на экономическом критерии, предоставляет более «слабым» группам населения, таким как мусульмане, возможность преодолеть социальную изоляцию, подобную той, с которой сталкиваются зарегистрированные касты, племена и «прочие отсталые классы» [14]. Примерно 21% индийцев являются потенциальными бенефициарами квоты для «экономически менее развитых групп населения», среди которых половина – высшие касты индусов, а остальные – мусульмане и представители других религиозных меньшинств [14]. Однако остается открытым вопрос, насколько данная реформа действительно затронет неиндуистские общины.

Несмотря на многие негативные статьи и аналитические обзоры, правительственная инициатива получила поддержку многих правящих элит страны, и квота была введена практически во всех штатах. Ведущие партии с самого начала голосовали за реформу, поскольку могли оценить её роль в укреплении их власти: на протяжении всего периода независимости они хорошо отточили искусство проведения политики позитивной дискриминации.

СУДЕБНЫЕ ИСКИ

В Верховный суд подали более 20 исков, оспаривающих конституционность 103-й поправки. Ходатайства были заполнены по всей стране, в т.ч. от имени Дравида муннетра кажагам – правящей партии штата Тамилнаду¹⁷. По требованию Центрального правительства было принято решение объединить все петиции и рассмотреть их в Верховном суде. Истцы указывали все те недостатки реформы, которые были упомянуты еще во время рассмотрения поправки в парламенте. Они считали, что она нарушает основные положения Конституции и фундаментальное право на равенство, гарантируемое ст. 14 Конституции. Отмечалось, что зарегистрированные племена, касты и «прочие отсталые классы» не могут быть выведены из-под действия экономической квоты; несправедливо обязывать институты, не получающие государственную поддержку, резервировать места на экономической основе. Истцы указывали, что новая квота противоречит решению Верховного суда по делу Индры Сахни от 1992 г.¹⁸ Как сказано выше, в вердикте отмечалось, что экономический критерий не может быть единственным основанием для резервирования мест, а планку в 50% нельзя нарушать^{19,20}.

¹⁶ Премьер-министр Индии Манмохан Сингх распорядился сформировать комитет под руководством Раджиндера Сачара – бывшего верховного судьи Высокого суда Дели. Комитет должен был подготовить доклад о социально-экономическом положении мусульман (*прим. авт.*).

¹⁷ EWS आरक्षण विवाद, क्यों बताया जा रहा था संविधान का उल्लंघन; अब कांग्रेस ने भी किया के फैसला का स्वागत. *Jagran*, 07.11.2022. (What is EWS reservation dispute? Why it is challenged in Supreme Court?). (In Hindi). <https://www.jagran.com/news/national-what-is-ews-reservation-dispute-why-it-challenged-in-supreme-court-explained-23187627.htm> (accessed 25.02.2023)

¹⁸ *Indra Sawhney etc. vs Union of India and Others, etc. ... on 16 November, 1992. AIR 1993 SC 477, 1992 Supp 2 SCR 454. https://indiankanoon.org/doc/1363234/?__cf_chl_jschl_tk__=pmd_jbn0puJ2kQVYavsjCA486IaMd0RoCWwiGu4.qHoVwas-1634216466-0-gqNtZGzNAjujcnBsZQiR* (accessed 11.02.2023)

¹⁹ В мае 2021 г. Верховный суд, рассматривая дело Джайшири Лакшманрао Патила, отказался оспаривать установленный ранее лимит. См.: *Jaishri Laxmanrao Patil v. Chief Minister, Maharashtra. The Supreme Court Observer. SLP (C) 15737/2019. https://www.scobserver.in/court-case/maratha-reservation* (accessed 14.10.2021)

В ноябре 2022 г. трое из пяти судей поддержали введение новой квоты и признали поправку, вводящую экономический критерий резервирования, конституционно действительной²¹. Они отметили, что зарегистрированные племена, касты и «прочие отсталые классы» могут быть исключены из категории «экономически менее развитых групп населения»²². Было постановлено, что 50%-й лимит является гибким и его можно нарушать в чрезвычайных ситуациях²³. К тому же это ограничение применимо только к квотам для социально и образовательно отсталых классов, а не ко всем типам резервирования.

Именно так правительство обосновывало свою позицию, отмечая, что потолок в 50% не был нарушен, поскольку по решению суда от 1992 г. он вводился с целью сохранить 50% мест за обычными группами граждан, а реформа рассчитана как раз на людей из этой прослойки общества и не касается оставшихся 50%, уже подпадающих под действие квот [15]. Многие партии также приветствовали решение Верховного суда, касающегося новой категории резервирования, в т.ч. и Индийский национальный конгресс (ИНК, Конгресс)²⁴. Председатель ИНК Малликарджун Кхарге заявил, что начало реформе в свое время положил еще Конгресс²⁵.

В то же время почти все критики ставили под сомнение критерий, определяющий экономический статус гражданина. Эта проблема еще до вердикта суда от 2022 г. затрагивалась в другом судебном деле, касающемся введения резервирования для «экономически менее развитых групп населения» при поступлении в рамках всеиндийской квоты для медицинских институтов²⁶. Осенью 2021 г. судьи направили директиву правительству с просьбой пояснить, почему планка доходов для выделения «сливочной прослойки»²⁷ из числа «прочих отсталых классов» идентична планке для «экономически менее развитых групп населения» (800 тыс. рупий)²⁸. В случае с «прочими отсталыми классами» данный критерий определяет требуемый экономический статус для преодоления социальной отсталости. В ноябре 2021 г. был создан Комитет, который уже в декабре представил доклад, обосновывающий введение лимита годового дохода семьи в 800 тыс. рупий (8 тыс. лакхов). Комитет проанализировал данные с 2019 г. и обнаружил, что большинство вошедших в новую категорию не достигло высшей планки дохода, что указывает на использование возможности преимущественно кандидатами с менее высоким экономическим статусом. В отчете подчеркивалось, что в отличие от расчета планки для «прочих отсталых классов», при выделении критерия определения «экономически менее развитых групп населения» использовалось больше показателей²⁹.

Отвечая на призыв докторов принять срочные меры для решения проблемы нехватки персонала в больницах по всей стране³⁰, Верховный суд 7 января 2022 г. позволил Союзному правительству провес-

²⁰ Writ Petition by Youth for Equality. The Supreme Court Observer. 14.10.2021. https://scobserver-production.s3.amazonaws.com/uploads/case_document/document_upload/668/Youth_for_Equality_-_WP-1.pdf (accessed 01.03.2023)

²¹ EWS Reservation Judgment: SC Upholds 103rd Amendment in 3–2 Majority. Supreme Court Observer. <https://www.scobserver.in/reports/ews-reservation-judgment-sc-upholds-103rd-amendment-in-3-2-split-verdict/> (accessed 01.03.2023)

²² Janhit Abhiyan vs Union of India on 7 November, 2022. Judgment Bela M. Trivedi. <https://indiankanoon.org/doc/98959833/> (accessed 04.03.2023). P. 17.

²³ EWS Reservation Judgment: SC Upholds 103rd Amendment in 3–2 Majority. Supreme Court Observer. <https://www.scobserver.in/reports/ews-reservation-judgment-sc-upholds-103rd-amendment-in-3-2-split-verdict/> (accessed 01.03.2023)

²⁴ Одна из крупнейших и старейших политических партий Индии. Основана в 1885 г.

²⁵ EWS आरक्षण विवाद, क्यों बताया जा रहा था संविधान का उल्लंघन; अब कांग्रेस ने भी किया के फैसला का स्वागत. *Jagran*, 07.11.2022. (What is EWS reservation dispute? Why it is challenged in Supreme Court?). (In Hindi). <https://www.jagran.com/news/national-what-is-ews-reservation-dispute-why-it-challenged-in-supreme-court-explained-23187627.htm> (accessed 25.02.2023)

²⁶ В июле 2021 г. Национальное агентство тестирования выпустило уведомление, согласно которому при поступлении на медицинские курсы последилового образования на основе результатов Национального вступительного теста резервировалось 27% мест всеиндийской квоты в медицинских учебных заведениях за «прочими отсталыми классами» и 10% – за «экономически менее развитыми группами населения». В Верховный суд были направлены ходатайства от докторов и студентов, которые утверждали, что уведомление правительства – это «обратная дискриминация» кандидатов из общей категории. См.: Day 4 Oral Hearings. OBC & EWS Reservation in Postgraduate Medical Admissions. Supreme Court Observer. <https://scobserver.in/reports/neil-aurelio-nunes-union-india-aiq-neet-medical-reservation-obc-ews-day-4-oral-hearings/> (accessed 27.02.2023)

²⁷ Сливочная прослойка (*Creamy layer*) – термин, используемый для обозначения социально, экономически и образовательно развитой части отсталых классов (прим. авт.).

²⁸ Expert Committee Report Summary (Union Government). Supreme Court Observer. OBC & EWS Reservation in Postgraduate Medical Admissions. <https://www.scobserver.in/reports/expert-committee-report-summary-union-government/> (accessed 20.02.2023)

²⁹ Report on review of the criteria for economically weaker sections reservation. Ministry of Social Justice and Empowerment. New Delhi. 2021. <https://www.scobserver.in/wp-content/uploads/2021/10/Expert-Committee-Report-EWS-Income-Limit.pdf> (accessed 20.02.2023)

³⁰ Зимой 2022 г. по всей стране проходили протесты докторов: зачисление в аспирантуру задерживалось на восемь месяцев, из-за недостатка медработников врачи вынуждены были работать сверхурочно (прим. авт.).

ти прием в аспирантуру, включив 27%-ю квоту для «прочих отсталых классов» и 10%-ю – для «экономически менее развитых групп населения»³¹. Хотя новая квота уже считается легитимной, окончательное решение по финансовому критерию для определения «экономически менее развитых групп населения» по этому делу всё еще не принято.

Решение правительства внесло изменения в существовавшую десятилетия систему резервирования. Хотя подобная инициатива и была встречена неоднозначно, большая часть политической элиты поддержала её. Эта реформа назревала не одно десятилетие, и в итоге, несмотря на несогласие ряда лидеров далитов и общин меньшинств, трансформировало политику предоставления квот. Теперь в основе позитивной дискриминации лежит не только наследие существовавшей веками кастовой системы, но и финансовое благополучие граждан, что позволяет многим группам населения также претендовать на льготы. В большинстве штатов уже несколько лет кандидаты подают заявления на основе данной квоты и поступают в высшие учебные заведения, а также на госслужбу. Хотя некоторые активисты и пытаются оспорить решение Верховного суда о признании реформы конституционной, вероятность удовлетворительного для них вердикта мала. Политика позитивной дискриминации претерпевает изменения и, на самом деле, нуждается в пересмотре, поскольку в обществе существует недовольство как слишком большим числом претендентов на получение зарезервированных мест, так и отсутствием возможности войти в ту или иную категорию.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Suri K.S. 1994. Caste reservations in India: policy and politics. *The Indian Journal of Political Science*. Vol. 55. № 1. Pp. 37–54.
2. Юрлова Е.С. «Неприкасаемые» в Индии. М.: Наука, 1989.
Yurlova E.S. 1989. “Untouchables” in India. Moscow. (In Russ.)
3. Rajagopal K. SC to examine Dalit Christians’ plea that reservation should be “religion neutral”. *The Hindu*. 08.01.2020. <https://www.thehindu.com/news/national/sc-to-examine-dalit-christians-plea-that-reservation-should-be-religion-neutral/article30512888.ece> (accessed 10.10.2021)
4. Юрлова Е.С. Роль каст в современной Индии. *Азия и Африка сегодня*. 2018. № 4. С. 10–17. DOI: 10.7868/S0321507518040025.
Yurlova E.S. 2018. Role of castes in contemporary India. *Asia and Africa today*. 2018. № 4. Pp. 10–17. (In Russ.). DOI: 10.7868/S0321507518040025.
5. 1980. Report of the Backward Classes Commission. Government of India. First Part. Vol. I, II.
6. Hassan Z. Reservation for Muslims. Redressing disadvantages. A symposium on reservations and the private sector. *Seminar*. May, 2005. <https://www.india-seminar.com/2005/549/549%20zoya%20hassan.htm> (accessed 14.02.2023)
7. Nauriya A. 1991. Reservations in Public Employment: Modified Mandal Scheme. *Economic and Political Weekly*. Vol. 26. № 43. Pp. 2454–2456.
8. Ameerudheen T.A. Why communist parties in Kerala are insistent on job reservation for upper-caste poor. *Scroll*, 01.12.2017. <https://scroll.in/article/859286/why-communist-parties-in-kerala-are-insistent-on-job-reservation-for-upper-caste-poor> (accessed 18.02.2023)
9. Kumar A., Kumar G. Setting Rs 8 lakh per annum as the upper income limit to be eligible for the EWS quota is a cruel joke to Indians who are actually poor. *The Wire*, 07.02.2019. <https://thewire.in/government/10-percent-quota-ews-narendra-modi> (accessed 20.03.2023)
10. Prasad M. ‘Perverting the Constitution’: The Case Against 10% Reservation. *The Wire*, 29.01.2019. <https://thewire.in/law/economic-quota-bill-case-against-reservation> (accessed 24.02.2023)
11. Nambudiri S. The reservation conundrum. *The Times of India*, 28.11.2020. <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/tracking-indian-communities/the-reservation-conundrum/> (accessed 24.02.2023)
12. Rukmini S. Why Muslims have the first claim on any new ‘backward’ quota. *Mint*, 10.01.2019. <https://livemint.com/Politics/3uqMGQ3o4UMhtdHnxaGocO/What-the-general-category-reservation-bill-means-for-Muslims.html> (accessed 25.02.2023)
13. Shariff A., Bhat M.M.A. Economically Weaker Section quota in India: Realistic Target Group and Objective Criteria for Eligibility. *USIPI Policy Paper*. May 2019. https://www.researchgate.net/publication/333699612_Economically_Weaker_Section_quota_in_India_Realistic_Target_Group_and_Objective_Criteria_for_Eligibility (accessed 25.02.2023)

³¹ Pronouncement of Order: OBC/EWS Res for PG NEET. OBC & EWS Reservation in Postgraduate Medical Admissions. <https://www.scobserver.in/reports/neil-aurelio-nunes-union-of-india-pronouncement-of-order-obc-ews-res-for-pg-neet/> (accessed 20.02.2023)

14. Ahluwalia S. After EWS quota, only 10 per cent of India is left out. *Deccan Chronicle*, 16.01.2019. <https://deccanchronicle.com/opinion/columnists/160119/after-ews-quota-only-10-per-cent-of-india-is-left-out.html> (accessed 25.02.2023)
15. कुमार स.झ. EWS Reservation: किसे मिलेगा आरक्षण का फायदा, क्या हैं शर्तें, कहां फंसा था पेच? जानिए सबकुछ. *Amar Ujala*, 07.11.2022. <https://www.amarujala.com/india-news/eligibility-of-ews-reservation-supreme-court-ews-reservation-verdict> (accessed 15.03.2023)
- Kumar S. Gh. EWS Reservation: Who will get the benefit of EWS reservation? What are the clauses? *Amar Ujala*, 07.11.2022. (In Hindi). <https://www.amarujala.com/india-news/eligibility-of-ews-reservation-supreme-court-ews-reservation-verdict> (accessed 15.03.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Старикова Мария Николаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель, факультет Международных отношений, МГИМО, Москва, Россия.

Maria N. Starikova, PhD (History), Senior Lecturer, School of International Relations, MGIMO University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 02.07.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 25.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 23.09.2023

Саудовская Аравия сегодня. Размышление о прошлом и будущем

© Васильев А.М.^a, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва Россия
ORCID: 0000-0003-1216-1509XZ; dir@inafr.ru

Резюме. Уникальное положение Саудовской Аравии в мире нефти и ислама сочетается с сохранением традиционного, хотя и меняющегося, социально-политического устройства, основанного на шариате в его ваххабитском толковании. Исследователи не раз пессимистически оценивали будущее саудовского режима. Но история показала его удивительную устойчивость.

Созданное королем Фейсалом в 1960-х – 1970-х гг. равновесие в королевской семье помогло избежать крупных потрясений в течение почти полувека. Но социально-политический застой, появление новых социальных сил в саудовском обществе, конфликты в «племени Саудидов» грозили обострением ситуации. Ответом стало усиление централизации власти в руках короля Сальмана (с 2015 г.) и его сына Мухаммеда, которые стали проводить необходимые социально-экономические реформы, ломая сопротивление оппозиции, чтобы приспособить страну к новым реалиям XXI в. в условиях растущей многополярности.

Ключевые слова: Саудида, король Фейсал, король Сальман, наследный принц Мухаммед ибн Сальман, саудовские реформы, отношения Саудовской Аравии с США, Китаем, Россией

Благодарность. Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 19-18-00155-П «Исламистский экстремизм в контексте международной безопасности: угрозы России и возможности противодействия».

Для цитирования: Васильев А.М. Саудовская Аравия сегодня. Размышление о прошлом и будущем. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 34–44. DOI: 10.31857/S032150750028096-7

Saudi Arabia Today. Thoughts about the Past and the Future

© Alexey M. Vasiliev^a, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1216-1509XZ; dir@inafr.ru

Abstract. Saudi Arabia's unique position in the world in terms of oil and Islam is combined with the preservation of a traditional, albeit changing, socio-political order based on Sharia in its Wahhabi interpretation. Many scholars have repeatedly been pessimistic about the future of the Saudi regime. However, history has demonstrated its amazing resilience.

Established by King Faisal in the 1960s–70s, the balance in the royal family has helped avoid major upheavals for almost half a century. Yet socio-political stagnation, the emergence of new social forces in Saudi society, and conflicts within the “tribe of Al Saud” threatened to destabilize the situation.

In response, King Salman (since 2015) and his son Mohammed have focused on the strengthening the centralization of power in their hands and began to implement the necessary socio-economic reforms, breaking the resistance of the opposition. Their task was and is to adapt the country to the new realities of the 20th century in the context of growing multipolarity.

Keywords: Saudis, King Faisal, King Salman, Crown Prince Mohammed bin Salman, Saudi reforms, Saudi Arabia's relations with the USA, China, Russia

Acknowledgement. This study was supported by the Russian Science Foundation, project № 19-18-00155-P “Islamic extremism in the context of international security: threats to Russia and opportunities to counter”.

For citation: Vasiliev A.M. Saudi Arabia Today. Thoughts about the Past and the Future. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 34–44. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028096-7

ВВЕДЕНИЕ

Саудовская Аравия занимает уникальное место в турбулентное время, когда происходит болезненная ломка старой системы международных отношений и появление новой, в которой реальностью становится многополярность. Государство, второе в мире по запасам нефти и первое по её экспорту, вошло в двадцатку самых крупных экономик планеты. Но в стране, родине ислама, где находится священные города Мекка и Медина, сохраняется её традиционное, хотя и меняющееся социально-политическое устройство, основанное на шариате в его ваххабитском (ханбалитском¹ салафитским²) толковании.

Поэтому ряд исследователей пессимистически оценивали стабильность и будущее королевства.

Сошлюсь на видного историографа королевства, представительницу знатного шаммарского рода Мадави аль-Рашид, живущую в Англии. (Ее предки были когда-то противниками правящей ныне в королевстве династии Саудидов.) Она пишет о том, что катастрофисты и пессимисты не раз предсказывали крушение саудовского режима.

Посмотрим вместе с ней на заголовки книг – «Саудовская Аравия: королевство в упадке», «Спектр саудовской нестабильности», «Время для США начать беспокоиться об обрушении Саудовской Аравии». Кристофер Дэвидсон в книге (2013) «После шейхов: предстоящий коллапс монархий Залива» предсказывал обрушение монархий Залива в 2015–2017 гг. [1]. За несколько десятилетий до него Фред Холидей в книге «Аравия без султанов» ожидал революции рабочего или среднего класса, которые покончат с монархиями.

В настоящее время, по мнению большинства пессимистов, угрозы исходят от радикальных исламистских группировок или каких-то массовых демонстраций типа тех, которые происходили в ходе «арабской весны» в других странах.

Слишком сложным был клубок противоречий в саудовском обществе – архаичная структура власти, серьезные внешние враги, неустойчивая ситуация на Ближнем и Среднем Востоке и, наконец, слишком лакомым куском представлялась саудовская нефть.

КОРНИ УСТОЙЧИВОСТИ РЕЖИМА

Однако события показали удивительную устойчивость режима, успешно объединившего в начале XX в. в одно государство гигантские разрозненные слабозаселенные территории, пережившего гражданскую войну с *ихванами* (ополченцы бедуинских племен – *прим. ред.*), раскол в 1950–1960-х гг. в королевской семье между монархом Саудом и наследным принцем Фейсалом, исламистское восстание в Мекке 1979 г., появление на территории королевства полумиллионной американской армии во время войны против Ирака, бурное движение «арабской весны» в регионе, вызовы религиозной оппозиции и исламистских террористов.

В 1930-х гг. в страну, где господствовали феодально-племенные отношения со средневековой или досредневековой экономикой, самой развитой державой мира было перенесено гигантское современное предприятие с передовой технологией и организацией труда. Это вызвало необратимые перемены в обществе. В Саудовской Аравии, казалось бы, сложилась ядро современного промышленного рабочего класса, инженерно-технических работников, которые почувствовали свою новую социальную роль. Со временем, после долгой борьбы местные рабочие и служащие «АРАМКО» (сейчас «Сауди АРАМКО») превратились в специфический немногочисленный средний класс. Но об образовании в стране более массового среднего класса – особый разговор.

Современный капиталистический сектор некоторое время оставался инородным телом в докапиталистическом социально-экономическом организме страны. Но постепенно во все убыстряющемся темпе вокруг него и под его влиянием началось развитие торговли, второстепенных отраслей экономики, транспорта, средств связи, отдельных национальных капиталистических предприятий, а затем и крупных предприятий нефтехимии мирового значения.

¹ Ханбализм – одна из четырех канонических правовых школ в ортодоксальном суннитском исламе (*прим. авт.*).

² Салафизм – ориентация на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, на праведных предков, на возвращение к Корану и Сунне (*прим. авт.*).

Рост нефтедобычи, а с начала 1970-х гг. и резкий подъем цен на нефть многократно увеличили объем прямых отчислений правительству Саудовской Аравии. Даже в условиях, когда значительная часть этих средств шла на потребление, они стимулировали развитие рыночной экономики, разрушение прежних укладов и появление капиталистического уклада. Этот процесс еще более ускорился, когда стал быстро расширяться общенациональный фонд накопления, а государство было вынуждено взять на себя задачу создания государственно-капиталистического сектора.

Нельзя не признать, что страна добилась успехов в развитии и преобразовании экономики, создала практически с нуля финансовый сектор, дороги, электростанции, мощности по опреснению воды, средства связи, а также систему образования с широкой сетью школ всех ступеней, включая университеты, религиозные и светские, современное здравоохранение. Появилось современное, хотя и субсидированное сельское хозяйство.

Задачи создания многоотраслевой национальной экономики на базе современной технологии, оседания кочевников, распространения образования на женщин, подготовки и производительного использования собственных кадров – всё это сталкивалось с архаическим социально-политическим устройством. Этот конфликт был глубоким и болезненным сам по себе. Но он усугублялся тем, что архаизм социально-политической системы был молод: он имел возраст не более трех-четырёх поколений.

Централизованное государство, сложившееся всего лишь в 20–30-е гг. прошлого века при правлении короля Абдель Азиза (Ибн Сауда), не только соответствовало тогдашнему уровню аравийского общества, но было для него шагом вперед по сравнению с феодально-племенной раздробленностью, междоусобицей и сепаратизмом. Однако и саудовское общество, и новые для него формы политической организации отставали от эпохи на сотни лет.

Правящий класс Саудовской Аравии оказался устойчивым и цепким в удержании власти и стал приспособляться к меняющимся условиям. Одна из его особенностей состояла в том, что он вырос из недр аравийского общества. Он был представлен многочисленным кланом Саудидов, игравшим роль «господствующего племени», племенной и религиозной знати, связанной с ним социально-политическими и родственными узами, а также торговой и финансовой буржуазией. Относительная устойчивость власти Саудидов определялась тем, что, подавляя оппозицию, их «племя» удовлетворяло интересы других звеньев правящего класса, бюрократии, военных и обеспечивало их лояльность.

Сказывалась и заинтересованность массы населения в безопасности, стабильности, повышении жизненного уровня в условиях потребительского общества. Неписанный «социальный контракт» заключался в том, что правящая элита делилась с массами частью своего дохода, обеспечивая личную безопасность саудовцев и сохраняя мусульманские традиции, а в «обмен» массы не вмешивались в политику. Саудиды осторожно балансировали между преобладающими консервативными кругами в правящем классе и растущим числом сторонников реформ и модернизации.

Еще одна особенность правящего класса Саудовской Аравии заключалась в том, что он получал подавляющую часть дохода не на основе частной собственности на орудия и средства производства, будь то земля, скот, заводы, не из налоговых доходов, не в результате эксплуатации массы аравийских трудящихся.

Богатства в его руки поступали благодаря его положению особой феодально-племенной верхушки, опирающейся на государственную машину, верхний эшелон которой он и составлял, на аппарат безопасности, армию, полицию, суд, на остатки военно-племенной организации. Главным источником доходов правящей элиты было присвоение уникальной земельной ренты (слившейся с рентой-налогом), получаемой благодаря наличию в недрах страны нефти в огромных количествах. Если при этом осуществлялась «эксплуатация» сравнительно немногочисленного отряда рабочих (несколько десятков тысяч в нефтяных компаниях вместе с подрядными фирмами), то доля созданной ими прибавочной стоимости, если употреблять марксистскую терминологию, была мизерной по сравнению с общей стоимостью добываемого сырья.

В определенном смысле можно говорить о том, что нефтяная рента заменила прежние доходы феодально-племенной верхушки – *закят*, получаемый непосредственно с подвластного ей кочевого и оседлого населения, налоги на паломников и внешнюю торговлю. Правящая верхушка стала «обуржуазиваться», т.е. участвовать в торговле землей, импортной торговле, государственных подрядах, строительстве. Но все эти виды деятельности были вторичными, производными от нефтяных доходов.

Правящий класс в Саудовской Аравии, как, впрочем, и в других аравийских нефтяных монархиях, приобрел еще одну особенность. Оставаясь преимущественно «феодальным» (хотя и «обуржуазивающимся») классом внутри страны, он стал частью международной финансовой олигархии. Колоссальные средства, вложенные в ценные бумаги и банки США и Западной Европы, в акции международных корпораций превратили саудовскую знать во влиятельную финансовую группировку, хотя нехватка кадров и опыта сделали её реальное влияние и вес меньшими, чем размеры её банковских счетов, ценных бумаг и пакетов акций.

Характер правящего класса – «обуржуазивающейся» традиционной элиты внутри страны и специфической финансовой буржуазии на международной арене – определял противоречивость, иногда кажущуюся, иногда подлинную, внешней политики королевства.

Как союзник и клиент США, зависимый от них в деле безопасности, как составная часть международного финансового капитала, объединенная с ним общностью интересов, королевский режим должен был бы поддерживать все американские внешнеполитические акции. Но в качестве хранителя двух священных мечетей ислама, имама общины мусульман-единобожников король Саудовской Аравии (как выразитель интересов «правящего племени», заинтересованного в стабильности режима) долгое время был вынужден выступать против политики Израиля – главного союзника Вашингтона в регионе, в чрезвычайных обстоятельствах объявлять нефтяное эмбарго, направленное против США, поддерживать арабский народ Палестины, требовать освобождения из-под власти «неверных» Восточного Иерусалима с его мечетью Аль-Акса, осуждать до поры до времени, в частности, соглашения в Кэмп-Дэвиде, мир между Египтом и Израилем. Но королевский режим в последние годы принял как реальность установление дипломатических отношений ОАЭ, Бахрейна, Судана, Марокко с Израилем.

ОСОБЕННОСТИ САУДОВСКОЙ БУРЖУАЗИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Распределение нефтяной ренты осуществлялось в Саудовской Аравии централизованным путем – с помощью ли прямого дележа части доходов среди правящего класса, путем ли коррупции, ставшей полуправовым государственным институтом. Основное движение средств шло сверху вниз – от монарха к его окружению, племенной и религиозной знати, государственному аппарату, купечеству, местным предпринимателям.

На торговле, земельных спекуляциях, подрядах, строительстве, на кое-какой промышленной деятельности в стране выросла своя буржуазия. Статус крупных торговых домов в обществе Саудовской Аравии к концу прошлого века уже равнялся статусу влиятельных племенных шейхов, хотя предприниматели были неизмеримо богаче.

Саудовская крупная буржуазия на первом этапе своего формирования в значительной степени выросла на торговле и банковской деятельности, обслуживании нефтяной промышленности, на поставках госсектору, паразитировала на нефтяных доходах, нефтяной ренте, присваивая себе её весомую часть при вторичном распределении, используя отсталость саудовского общества, связи с госаппаратом. Именно это вызывало её социально-политический консерватизм. Кроме того, она прочно срослась с режимом и непосредственно с «господствующим племенем» Саудилов. Существующий режим устраивал её постольку, поскольку способствовал её быстрому обогащению, обеспечивая необходимую ей социальную стабильность. Государство осуществляло прямое или скрытое финансирование саудовских фирм, предоставляя им кредиты и субсидии, выгодные заказы, до недавнего времени освобождая от подоходного налога и налога на добавленную стоимость, от пошлин при ввозе оборудования, машин и материалов.

Слияние торговых домов с правящим феодально-племенным классом шло в двух направлениях. К соблазнительной и высокоприбыльной предпринимательской деятельности приобщалось всё больше представителей знати – от Саудилов до племенных шейхов. Но и Саудилов были вынуждены предоставлять престижные и денежные посты представителям бизнес-сообщества. Не имевшие достаточно ветвистого генеалогического древа купеческие семьи и предприниматели и гордая «голубизной» крови и славными предками традиционная знать не вступали между собой в браки. Но это не мешало их деловому, социальному и политическому сотрудничеству.

Мало информации о настроениях средних слоев национальной буржуазии, к которым можно отнести некрупных оптовых и розничных торговцев, крепнущее богатое крестьянство, которое стало вести

хозяйство фермерского типа с помощью госсубсидий, владельцев небольших предприятий и мастерских в сферах легкой промышленности, услуг, ремонта автомашин и бытовой техники.

Можно предположить, что эти слои, извлекая растущие доходы из экономического развития, были недовольны отсутствием политических прав. В отличие от крупных коммерческих домов, они не имели голоса в принятии решений даже на «техническом уровне». Хуже образованные, как правило, верные традициям, находившиеся под влиянием *мутава*³ и улемов, эти слои могли составить консервативную оппозицию режиму, недовольную и экстравагантностью поведения, и расточительством некоторых членов правящей знати, и её умеренными реформами, трактуемыми как неприемлемые *бида* – «новшества».

Нефтяными доходами в прямой или косвенной форме пользовались городские слои и группы промежуточного типа – служащие бюрократического аппарата, армии, полиции, технические специалисты, учителя. Значительные правительственные субсидии получала часть преданных династии «благородных» кочевых племен. Так расширялась социальная база режима: часть этих групп населения превращалась в низшие слои правящего класса, их лояльность высоко оплачивалась.

Но именно среди «промежуточных», или «средних», городских слоев появлялись отдельные группы, способные к политической организации. Из них выходили представители левой оппозиции режиму, назовем их саудовскими разночинцами: молодые офицеры, журналисты, учителя, служащие, мелкие торговцы. Из них, а также из саудовских рабочих «АРАМКО» образовался в 1950–1970-х гг. костяк нескольких подпольных революционных организаций. Свои идеологические установки они черпали извне и не смогли создать сколько-нибудь значительной социальной базы. Несколько военных переворотов провалились, оппозиционеры оказались в тюрьмах, бежали за границу или были кооптированы в государственный аппарат.

Обогащение «верхов» и процветание «промежуточных» слоев лишь частично затронули большинство населения. Малоземельное или безземельное крестьянство, малоимущие или неимущие кочевники, полукочевники, мелкие ремесленники – все они несли на своих плечах тяжесть капиталистической трансформации общества. Их жизненный уровень поднялся, но меньше, чем позволяли возросшие доходы государства. Переход к новым занятиям, вступление в ряды наемных работников сопровождался ломкой прежнего образа жизни и психологии и не всегда и не сразу означали улучшение благосостояния. Значительная часть жителей Саудовской Аравии жила одновременно в системе как докапиталистических, так и новых, капиталистических социальных отношений.

Начиная со второй половины прошлого века и на государственной службе, и в бизнесе, и в свободных профессиях были заняты десятки тысяч специалистов-иностранцев – управляющие, инженеры и техники, преподаватели, врачи, журналисты, экономисты. Они приняли на себя общественно-экономическую роль, которую должны были бы играть «средние слои» саудовского общества, но при этом оставались как бы вне общества.

Миллионы иммигрантов к настоящему времени составили почти треть всего населения королевства, выполняя функцию несуществующего рабочего класса. В подавляющем большинстве они не становились саудовскими гражданами и унаследовали в новых исторических и социально-экономических условиях роль, которая в традиционном аравийском обществе отводилась ремесленникам-суннаа и вольноотпущенникам. И те и другие могли добиваться богатства и влияния в своей области, но никогда не становились вровень с правящей аристократией, не пользовались политическими правами.

Это создавало социальную напряженность нового характера, хотя иммигранты оставались политически пассивными, т.к. были заинтересованы в заработке и находились в стране временно и под жестким контролем полиции и органов безопасности. Если же говорить о численности или доле лиц, связанных с докапиталистическими укладами, то в начале XXI в. они оказались в абсолютном меньшинстве.

ПЛЕМЕННЫЕ СТРУКТУРЫ И НАЦИОНАЛИЗМ

Создание централизованного государства, запрет межплеменных войн и набегов, прекращение существования племен или их конфедераций в качестве независимых политических единиц – всё это ослабляло племенную структуру еще с 30-х гг. XX в. Процесс замены племенной солидарности другими социальными связями резко усилился с оседанием бедуинов, быстрой урбанизацией, с совместным уча-

³ Мутава – «ревнители», фактически религиозная полиция (прим. авт.).

ствием членов различных племен в бюрократических и военных структурах, в промышленной и торговой деятельности, с миграцией населения.

Однако Саудовская Аравия, как и многие другие страны с сильными родо-племенными традициями, демонстрировала, что кровнородственные связи сохраняются и в новых социально-экономических условиях и надолго переживают хозяйственные, общественные, географические и другие условия, их породившие. Кровное родство, принадлежность к клану или племени всё еще определяли место индивидуума, успех или неудачу его продвижения как в традиционных, так и в новых сферах деятельности. Приоритет в обществе отдавался интересам и солидарности родственной группы против интересов индивидуума и тех, кто находился вне этой группы [2, р. 167].

Племенные, кровнородственные связи вписались в структуру централизованного государства. Естественно, они не могли исчезнуть за 6–7 десятилетий «нефтяной эпохи» несмотря на реформы последних лет. Они всё еще считаются важнее компетентности, трудолюбия и других деловых качеств, а личное доверие и симпатии важнее точности бухгалтерского учета.

Всё это было трудно совместить с развитием современных рыночных отношений и в целом любой модернизации. Племенная взаимопомощь, отношения патрона и клиента, патриархальный авторитет главы рода или племени зачастую оказываются сильнее новых социальных связей.

Но характер кровнородственных связей постепенно менялся. Племенные объединения постепенно уступали место семейным группам более ограниченного размера, особенно в городах, где сейчас живет более 90% населения. Эти изменения особенно чувствовались в прослойке, получившей современное образование, среди чиновников, торговцев, интеллектуалов, квалифицированных рабочих.

Образованные саудовцы больше стремились к моногамии. Полигамия постепенно исчезала в этой среде не только потому, что стоимость женитьбы становилась всё более высокой, но и потому, что моногамный брак больше отвечал новому образу жизни и функциям современного человека. В этих же семьях склонялись к тому, чтобы дать образование своим дочерям и даже жене. Причем чем лучше образование, тем выше становился калым («цена» невесты).

Существование подобных семейных очагов отражало эволюцию образа жизни и мышления, которая вызывалась и новыми формами образования, и новым опытом, и конфликтом поколений. Но одно лишь светское образование и довольно высокий доход не обязательно приводили к созданию атомарных семей, а женщины продолжали публично носить хиджаб и не могли допустить, чтобы их лица видели мужчины за пределами узкого семейного круга.

Напомним, что само слово «арабы» в Аравии обозначало кочевников, бедуинские племена в первую очередь. Оно не распространялось на потомственных земледельцев – феллахов, рабов и вольноотпущенников, «низшие племена», ремесленников-суннаа. Расширительное применение слова «арабы» – это уже плод XX века.

Национальное сознание, т.е. осознание принадлежности к некой «саудоаравийской» нации, в стране было развито мало. Появление новых средств коммуникаций и информации, усиление хозяйственной взаимозависимости различных провинций, контакты с иностранцами и поездки за границу, которые демонстрировали разницу в культуре и образе жизни в Саудовской Аравии и за её пределами, ускорили и формирование нации, и появление чувства национальной принадлежности.

Но реальное образование «саудовской нации» (или государственной нации) даже в рамках смутно определенной «*аль-умма аль-арабийя*» – «общееарабской нации», несомненно, далеко еще не достигло уровня, до которого этот процесс дошел, например, в Египте. Семейно-племенные и религиозные связи, несмотря на общность языка, культуры, истории, единство территории, складывающееся хозяйственное единство, оставались более мощными, чем «национальные».

Сама идея национального территориального государства – родины – была новой для аравийского общества. Концепция «родины», преданность которой человек демонстрирует прежде всего, противоречит и духу ислама, делающего акцент на универсальную общность верующих.

Национальное сознание и националистические чувства в Саудовской Аравии ограничивались небольшой прослойкой населения, связанного с современным сектором в экономике, гражданской и военной бюрократией. Те, кто называли себя «националистами», скорее были реформистами и модернистами; они хотели создать более современное общество. Но чувства их были настолько смутными, что левое крыло «националистов», как и исламисты-экстремисты, даже избегали использовать слово «саудовский» в названии своего народа и нации из-за отношения к Саудидам.

«ВАХХАБИТСКАЯ КОРПОРАЦИЯ» В МЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Если не считать кровнородственных связей, то ислам оставался в саудовском обществе доминирующей традиционной силой. Он пронизывает социально-политическую структуру, которая сложилась по канонам шариата, быт, социальную психологию.

В саудовском обществе ислам имел более глубокие корни, чем где бы то ни было, т.к. именно эта страна была местом рождения мусульманской религии и оставалась долгие годы изолированной от соперничающих идеологических и культурных воздействий. Саудовская Аравия никогда не испытывала на себе такого влияния иностранной культуры, как Магриб и Ливан – французской, Египет – французской и английской, княжества Персидского залива или Южный Йемен – английской. Лишь в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. массовое вторжение некоторых потребительских и культурных ценностей американского образца и учеба многих тысяч саудовцев в США способствовали проникновению американского влияния, но оно было ограниченным и затрагивало часть состоятельной и образованной прослойки, несущей как бы гибридную культуру.

В Саудовской Аравии ислам в его ваххабитской (ханбалитской, салафитской) форме ассоциировался и с традиционными общественными институтами (такими как система распределения расходов государственной казны), и с системой власти в лице «племени» Саудидов и примыкавших к нему групп, и с шариатом, и с традиционным образованием с его упором на богословские дисциплины, и со средневековым мышлением, фатализмом, готовностью смириться с судьбой. Поэтому модернисты в Саудовской Аравии, начиная со «свободных эмиров»⁴, левой оппозиции и кончая современными «либералами», требовали изменить, модернизировать ислам, привести его в соответствие с нуждами последней четверти XX в. и начала XXI в., быстрыми социально-экономическими изменениями в саудовском обществе.

Однако именно на каноны ислама ссылались Саудида для легитимизации и сохранения своей власти. В этом смысле стоит вспомнить ответ будущего короля, эмира Абдаллаха ибн Абд аль-Азиза «свободным эмирам», опубликованный в бейрутских газетах: «Таяль утверждает, будто в Саудовской Аравии нет конституции и демократических свобод. Таяль хорошо знает, что в Саудовской Аравии есть конституция, вдохновленная Аллахом, а не составленная человеком. Я не могу поверить, что существует араб, который полагает, будто в Коране есть хотя бы одно упущение, позволяющее появиться несправедливости. Все законы и декреты в Саудовской Аравии вдохновлены Кораном, и Саудовская Аравия гордится такой конституцией...» [3, с. 107].

Ислам в его ваххабитской (салафитской, ханбалитской) форме, как и племенные и клановые связи, – реально существующие в саудовском обществе долгосрочные факторы. Даже в условиях быстрого развития рыночных, капиталистических отношений они будут оказывать воздействие и на эволюцию социально-политической структуры, и на характер потенциальных внутренних конфликтов.

Но и ислам не оставался неизменным в Саудовской Аравии. Движение «Сахва» было гибридом ваххабитской догмы и идеологии «братьев-мусульман», после 1991 г. оно оказалось в оппозиции к режиму, было запрещено, затем вновь «кооптировано» в идеологию и частную жизнь общества. Но его экстремистское джихадистское крыло породило «Аль-Каиду». Террористические ячейки были в основном раздавлены органами безопасности в первом десятилетии нашего века, ушли в подполье, но её антизападные экстремистские взгляды находили последователей у части молодежи.

Вплоть до второго десятилетия XXI в. режим, казалось бы, успешно справлялся с бурями и потрясениями. Правящий класс, в частности верхушка элиты – Саудида, продемонстрировал, что не намерен расставаться с властью. Кое-какие реформы осуществляли именно они, а не представители средних слоев, армии или бюрократии, буржуазных или левых «разночинцев», взявших власть в ряде других арабских стран, но не сумевших её удержать.

Так, еще в 60–70-е гг. XX в. были приняты новый кодекс о труде, экономические планы, появилось телевидение, а позднее и Интернет, введено светское образование, в том числе школы для девочек, произошли кое-какие изменения в быту. В 90-е гг. появились свидетельства эволюции в сторону некоторых элементов конституционной системы. Были приняты законы о правлении, о создании Консультативного совета, о местной администрации [4].

⁴ Оппозиционное движение внутри королевской семьи во главе с Таялем ибн Абд аль-Азизом, выступавшее за конституционный строй (прим. авт.).

Все эти нововведения были ранее немыслимы, но «модернизацией» правящий класс как бы ограждал себя от опасных для него социальных потрясений.

Для сохранения своих социально-политических и экономических позиций, поддержания социальной стабильности правящая знать укрепляла аппарат безопасности и вооруженные силы. Именно на армию, Национальную гвардию и полицию шла значительная часть бюджета, для них ввозились современное вооружение и техническое оснащение. Их численность увеличилась в несколько раз. Клан Саудидов без колебаний применял силу для подавления любой оппозиции.

Обладая колоссальными нефтяными доходами, саудовский режим до недавнего времени успешно «откупался» от требований коренных перемен. Потенциально недовольных и политически активных лиц поглощал разбухший, неэффективный, но престижный и хорошо оплачиваемый государственный аппарат. Режим пока что обеспечивал себе довольно прочную и широкую социальную базу в виде средних городских слоев и бюрократии, «благородных» кочевых племен, получающих королевские субсидии, в виде консервативно настроенного бизнес сообщества.

Все это – сочетание кое-каких реформ сверху, усиление аппарата безопасности, определенной социально-экономической поддержки значительной части населения и консерватизм саудовского общества – обеспечивало в течении десятилетий стабильность одного из самых традиционных режимов на земном шаре. Правда, сами социально-экономические перемены и даже элементы модернизации, вводимые сверху, расширяли базу конфликтов в саудовском обществе. Но относительно успешное преодоление политической нестабильности в Саудовской Аравии на протяжении десятилетий, сохранение якобы консенсуса среди высших принцев «племени Саудидов» означало застой, чреватый как раз нарастанием внутренней напряженности, конфликтами, разрушением стабильности.

РЕФОРМЫ КАК ОТВЕТ НА УГРОЗУ СТАБИЛЬНОСТИ

Структура власти, созданная королем Фейсалом в 60-е гг. XX в. [5, с. 505–507], до поры до времени обеспечивала единство верхушки Саудидов – родных и кровнородственных братьев – сыновей основателя Ибн Сауда. Но она породила и систему некоего «пирамидально-группового» феодализма, в которой главы наследственных «феодов» – министерств с развитой системой патронатно-клиентельных связей и практически независимыми вооруженными силами (прежде всего, министерствами обороны, Национальной гвардии, безопасности) осуществляли коллективное руководство королевством. Но уход из жизни большинства сыновей Ибн Сауда и сталкивающиеся амбиции его очень многочисленных внуков породили кризис власти и неспособность проводить необходимые реформы. Это и вызвало ряд пессимистических оценок стабильности королевства.

Ответом на ситуацию было установление фактически авторитарного режима короля Сальмана (на престоле с 2015 г.) и его сына Мухаммеда. Они смели сопротивление части оппозиционных членов «племени Саудидов», разрушили «пирамидально-групповой феодализм», чтобы получить все рычаги власти – финансы, контроль над распределением доходов от нефти, вооруженные силы, органы безопасности – и начать реформы. Путем репрессий, арестов, но без серьезного кровопролития, они вывели из политической игры потенциальных претендентов на власть – как членов «племени Саудидов», так и представителей высшей военной, административной, финансовой бюрократии – и создали группировку своих сторонников и исполнителей их воли [6, р. 73.].

Борьба с коррупцией, провозглашенная государственной целью, сопровождавшаяся всё новыми арестами, была популярна среди молодежи и как бы очищала общество для быстрого развития. Но ведь коррупция была десятилетиями полулегальным общественным институтом и пронизывала саудовское общество сверху донизу, а пострадавшие на основе своих семейных, клановых или племенных связей волей-неволей становились противниками новой власти, хотя и не смели даже поднять голову.

Время покажет, какую часть своего «племени Саудидов» клану короля Сальмана удалось привлечь в число сторонников, а какая часть просто подчинилась силе и выжидает удобный момент для ответного удара.

«Корпорация ваххабитов» всегда делала ставку на победителя, но явный подрыв её закостеневших, догматических устоев вряд ли приветствовался её высшим и не только высшим эшелонами. Музыкальные и танцевальные фестивали, массовые развлекательные и спортивные мероприятия, допускавшие смешение полов, воспринимались как недопустимое новшество – *бида*. Фактическая ликвидация рели-

гиозной полиции и её наиболее ярких ревнителей – мутава, ограничение полномочий Высшего совета улемов сопровождалось декларацией о введении в стране «умеренного ислама».

Ко всему добавлялись разрешение женщинам водить автомашину (как будто бы второстепенный, но социально-символический факт), появление женщин-муфтиев, послов, министров, шаги к признанию равноправия женщин в семейно-брачных отношениях. Оторопевшие от скорости перемен руководители ваххабитской корпорации всё же сохранили свои посты и доходы и как будто бы приняли реформы без сопротивления, хотя вместо усиления влияния улемов и религиозного истеблишмента в обществе наблюдалось его ослабление.

Действия властей удовлетворяли полусветских или «гибридных» либералов, хотя режим даже не позволял обсуждать свою политику его сторонникам. Многие будут зависеть от успеха амбициозного плана «Видение: 2030». Движение в сторону усиления частного сектора, саудизации рабочей силы, увеличения доли нефтефакторных доходов в ВВП, создания конкурентоспособных туристических зон и центров новейших технологий в «умных городах» к началу третьего десятилетия как будто началось.

Можно отметить, что с ценами на нефть королю Сальману и Ибн Сальману просто повезло. После их катастрофического падения в 2014–2016 гг. и еще большего падения в 2020 г., согласовав нефтяную политику в рамках ОПЕК+ с Россией, королевство избежало банкротства, а в среднесрочной перспективе обеспечило себе высокие нефтяные доходы. Можно предполагать, что в течение ближайших 10–15 лет растущие гиганты – Китай и Индия – без значительного импорта нефти и газа просто не могут обойтись. Это шанс и для Саудовской Аравии. (Никаких категорических прогнозов, а тем более пророчеств автор сделать не может: на пути любых планов экономического развития Саудовской Аравии, да и всего мира может оказаться хотя бы новая пандемия, подобная коронавирусу. Анализировать или детализировать эту ситуацию – вне компетенции автора.)

ТУРБУЛЕНТНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКИ

Успех плана «Видение: 2030» и сами внутривластные события в Саудовской Аравии зависят и от международной обстановки. Мухаммед ибн Сальман, став серьезным лидером во внутренней борьбе, продемонстрировал и готовность к риску и к стратегическим решениям, проявил свою зрелость во внешней политике.

Он поднялся выше личных эмоций (ненависть к Ирану и шиитам, разочарование неудачами в Йемене, просчетами в Ливане, Сирии и Ираке), пошел на договоренности или на понимание «красных линий» с руководством Ирана и восстановил дипломатические отношения с Тегераном. Ведь ни Иран, ни йеменские хуситы⁵, ни сирийские баасисты⁶ не представляли экзистенциальной угрозы королевству, компромисс был возможен. Трудность состояла в том, что США были заинтересованы как раз в обострении суннитско-шиитской вражды и саудовско-иранской напряженности, чтобы сохранять доминирующие позиции и в целом на Ближнем Востоке, и в Персидском заливе без активного военного участия. Несмотря на недовольство Вашингтона, были возобновлены дипломатические отношения и с Дамаском.

В связи с этим возникает и еще один важный для Саудовской Аравии вопрос: степень её зависимости от США. Вашингтон уже продемонстрировал, что не может стать гарантом безопасности королевства. Позорное бегство из Афганистана показало, что Вашингтон может бросить режим, который он создавал и лелеял 20 лет, потратив на всю эту операцию триллионы долларов, и преданных ему союзников, если у него появятся другие приоритеты.

Военно-техническое сотрудничество с США для Саудовской Аравии как бы необходимо (впрочем, китайские ракеты королевство начало покупать уже больше 20 лет назад), но без американских специалистов, ученых, инженеров и технологий в создании «умных городов», намеченных в плане «Видение: 2030», и приобщении к последним информационным технологиям и искусственному интеллекту Саудовской Аравии трудно обойтись.

Но во внешней торговле уже доминирует Китай, сотрудничество с которым охватывает все новые области, включая высокие технологии. Об этом свидетельствует и прошлогодний успешный визит в Эр-Рияд президента КНР Си Цзиньпина на фоне похолодания отношений с США.

⁵ Хуситы – военизированная группировка йеменских шиитов-зейдитов (*прим. авт.*).

⁶ Баасисты – движение арабского национализма с левым светским уклоном (*прим. авт.*).

Сотрудничество королевства с Израилем возможно и уже осуществляется. Ведь пропалестинская риторика и забота об исламских святынях Иерусалима всегда, во всех арабских странах существовали, прежде всего, для внутреннего потребления, для дополнительной легитимизации режимов. Но «хранителю двух исламских святынь» было бы очень трудно в условиях жесткой критики нынешних реформ «справа», причем и изнутри, и извне страны, открыто пойти на мир и широкие связи с Израилем.

А что Россия? Можно полагать, что открывается окно возможностей для взаимовыгодного сотрудничества, хотя и в ограниченных масштабах. СССР воспринимался Саудовской Аравией и как идеологический, и как стратегический противник, который имел полусоюзнические отношения с левыми антизападными и антимонархическими режимами. Появление советских войск в Афганистане, недалеко от Персидского залива, также вызвало тревогу и активное сотрудничество с антисоветской вооруженной оппозицией вместе с Пакистаном и США. Но с уходом из Афганистана советских вооруженных сил, а затем и с распадом СССР исчезла идеологическая и политическая составляющая конфронтации. Были сделаны шаги к сближению.

Вспомним визиты в Россию наследного принца, ставшего затем королем, Абдаллаха, а в Саудовскую Аравию – президента В.В.Путина в 2007 г. (сразу после его знаменитой мюнхенской речи), государственный визит в Москву короля Сальмана в 2018 г. или новый визит Путина в Саудовскую Аравию в октябре 2019 г. Стороны нашли взаимопонимание в деле борьбы с международным терроризмом и экстремизмом. Соглашение по нефтяным вопросам в рамках ОПЕК+ для Саудовской Аравии и РФ было просто необходимым. Поэтому растущее экономическое, научно-техническое, ограниченное военное сотрудничество Саудовской Аравии и России соответствует интересам обеих стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценивая будущее Саудовской Аравии, автор не хочет быть ни оптимистом, ни пессимистом. При оценке мнений катастрофистов и пессимистов стоит иметь в виду один очень важный факт – сознательно или нет, в соответствии с личными убеждениями или следуя в общей струе, западные и ориентирующиеся на них исследователи однозначно полагали, что западная либеральная демократия – это наилучший способ управления обществом, который обеспечивает и экономический прогресс, и равенство.

Естественно, что социалистические или коммунистические идеи, согласно этой логике, были безнадежно тупиковыми. Казалось бы, коллапс советской системы, распад и «социалистического лагеря», и самого Советского Союза подтверждали эту точку зрения. Любые проявления или попытки обращения к ценностям других цивилизаций отвергались как реакционные и обреченные на неудачу.

Однако XXI век продемонстрировал несовершенство и узость данной точки зрения. В недрах самого западного общества проявился глубокий кризис.

Сверхдержавой, равной США, стал Китай, добившийся успеха с упором на свою цивилизацию, используя «китаизированный марксизм» или «китаизированную коммунистическую практику» вместе с развитием рыночных отношений. Третью строчку мирового рейтинга экономической мощи уже занимает Индия. Несмотря на, казалось бы, «сокрушительные санкции», сохраняется устойчивость экономической системы России. Успехи продемонстрировали нефтяные монархии Персидского залива, в которых шариат сочетается с некоторыми элементами западных политических структур, с использованием рыночных рычагов. Более полувека стоит на ногах исламский Иран, используя шариат в его шиитской интерпретации вместе с некоторыми элементами западной модели, несмотря на 8-летнюю войну, навязанную ему иракской агрессией, несмотря на почти убийственные санкции Запада, прежде всего США. Наращивают свой экономический вес и политическое влияние мусульманские Индонезия и Турция.

Отметим, что даже К.Дэвидсон в своей последней работе, изданной в 2021 г., избегает говорить о «коллапсе» монархий залива (см. [7]).

А почему бы не предположить, что Саудовская Аравия, продукт арабо-исламской цивилизации, найдёт свой путь развития, отбрасывая или видоизменяя архаичные общественно-политические структуры и закостенелые идеологические догмы и осваивая информационные технологии? Какой срок это займет? Автор намеренно уклоняется от ответа на этот вопрос, вспоминая то ли шутку, то ли глубокую философскую мысль Чжоу Эньлая (1898–1976), который, оценивая двухсотлетнюю годовщину Французской революции, сказал: «Еще слишком рано делать выводы».

Все решения короля Ибн Сальмана и наследного принца предельно централизованы и жестки. Шаг влево, шаг вправо не допускаются. Объявленные цели реформ – ломать прежние общественные, политические и экономические структуры, чтобы двигаться вперед к новой реальности, сохраняя контроль над кланом Сальмана и его сторонниками внутри «племени Саудидов», хотя сопротивление оказалось немалым.

До сих пор неясно, какое влияние окажут информационные технологии на общество и на взгляды саудовцев. Будут ли они служить режиму или оппозиции или и тем и другим? Для ответа на этот вопрос нет прецедента.

На данный момент безопасности Саудовской Аравии извне никто реально не угрожает, если не считать горячих голов в самой администрации США и в американских СМИ.

Главная задача нынешнего саудовского руководства – решать внутренние проблемы: социально-экономическое развитие, перестройка экономики, смена психологического настроения коренного населения, улучшение человеческого капитала, внутренняя стабильность на базе сохранения власти клана короля Сальмана и его сына Мухаммеда, удовлетворение запросов растущего населения, подготовка к постковидному миру, а затем и к постнефтяной эпохе.

В Саудовской Аравии сохраняются, хотя и в трансформированном виде, многие ценности арабо-исламской цивилизации, системы власти и управления и в той или иной мере воспринимаются современные технологии, рыночные механизмы, системы образования, здравоохранения, другие общественные и государственные службы, сделаны шаги к равноправию женщин. Приобщение к информационным технологиям, новейшим научно-техническим знаниям охватывает относительно многочисленную прослойку населения, сохраняющего в массе свои религиозные убеждения.

Будет ли это соединение современного и традиционного, разнопорядковых экономических структур, элементов западной и арабо-исламской цивилизаций органичным синтезом или неустойчивой механической суммой различных составляющих, чреватой конфликтами, сказать пока трудно.

Социально-политическая и экономическая модель Саудовской Аравии, сложившаяся за сравнительно краткий исторический срок, уникальна. Учитывая её вес в мире нефти, финансов и ислама, любые серьезные перемены или общественные толчки в этой стране имеют далеко идущие международные последствия.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Davidson Ch.M. 2013. After the Sheikhs: The Coming Collapse of the Gulf Monarchies. L.: Hurst.
2. Wenner M.W. Saudi Arabia: Survival of Traditional Elites. Political Elites and Political Development in the Middle East. Cambridge, Mass: Schenkman Publishing Co., 1975. P. 167.
3. De Gaury G. Faisal, King of Saudi Arabia. Published by Arthur Barker, London, 1966. C. 107.
4. *Okaz*. № 25. 26.03.1992 (газета на арабском языке).
5. Васильев А.М. Король Фейсал. Личность. Эпоха. Вера. М.: Центрполиграф, 2023. С. 505–507. ISBN: 978-5-227-07929-9.
6. Vasiliev A.V. 2013. King Feisal. Personality. Era. Faith. Moscow. Pp. 505–507. (In Russ.). ISBN: 978-5-227-07929-9.
7. Rundell D.H. 2021. Vision or Mirage. Saudi Arabia at the Crossroads. I.B.Tauris. L.: Bloomsbury Publishing Plc. P. 73.
8. Davidson Ch. 2021. From Sheikhs to Sultanism. State Craft and Authority in Saudi Arabia and UAE. L.: Hurst and Co.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Васильев Алексей Михайлович, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, почетный президент Института Африки РАН; зав. кафедрой востоковедения и африканистики РУДН; главный редактор журнала «Азия и Африка сегодня», Москва, Россия.

Alexey M. Vasiliev, member, Russian Academy of Sciences, Dr.Sc. (History), Professor; Honorary President, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; Chair, Department of Oriental and African Studies, Patrice Lumumba RUDN University; Editor-in-Chief, "Asia and Africa today" journal, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 12.08.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 08.09.2023

Принята к публикации
(Accepted) 29.09.2023

DOI: 10.31857/S032150750028104-6

Альянс США, Японии, Филиппин: новый формат сдерживания КНР?

© Мишин И.О.^a, 2023

^a ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН,
Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6547-1319; mishin@imemo.ru

Резюме. Американо-китайское соперничество особенно остро проявляется в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В 2020-е гг. Вашингтон продолжает искать форматы «сдерживания» Пекина.

В статье подробно изучается структура американского военно-политического присутствия в АТР и его новый инструмент сдерживания в виде трехстороннего альянса между США, Японией и Филиппинами. Анализируются первые шаги на пути укрепления союза, получившего пока неофициальное, но уже широко распространенное среди экспертов название *JAPHUS*. Автор приходит к выводу, что, несмотря на быстрое развитие трехстороннего сотрудничества в 2022–2023 гг., антикитайский альянс в дальнейшем может столкнуться с трудностями, в первую очередь, из-за позиции Филиппин, находящихся в сильной экономической зависимости от КНР.

Само же создание нового регионального проамериканского альянса приносит еще больше напряженности в АТР, вызывая резко негативную реакцию Пекина и провоцируя его на ответные действия.

Ключевые слова: АТР, внешняя политика США, КНР, Филиппины, американо-китайское соперничество, Южно-Китайское море, Тайваньский пролив

Благодарность. Статья подготовлена в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Для цитирования: Мишин И.О. Альянс США, Японии, Филиппин: новый формат сдерживания КНР? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 45–52. DOI: 10.31857/S032150750028104-6

Alliance of the USA, Japan, Philippines: A New Format to Contain China?

© Igor O. Mishin^a, 2023

^a IMEMO, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6547-1319; mishin@imemo.ru

Abstract. The U.S.-China rivalry is especially acute in the Asia-Pacific region, which each side considers important for its national interests. Having declared China its main strategic opponent, Washington continues to seek formats for military-political, economic and technological containment of Beijing.

The article examines in detail the structure of the American military presence in the Asia-Pacific region and its new format in the form of a trilateral alliance between the United States, Japan and the Philippines. The reasons for the rapprochement of the three countries and the first steps towards strengthening the union, which has received the unofficial, but already widespread among experts name *JAPHUS*, are analyzed.

The author comes to the conclusion that despite the rapid development of trilateral cooperation in 2022–2023, the anti-Chinese alliance may face difficulties in the future, primarily due to the position of the Philippines, which is in strong economic dependence on China.

Keywords: Asia-Pacific, US Foreign Policy, China, Philippines, US-China rivalry, South China Sea, Taiwan Strait

Acknowledgement. The article was prepared within the project “Post-crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and Cooperation” supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation Program for Research Projects in Priority Areas of Scientific and Technological Development (Agreement № 075-15-2020-783).

For citation: Mishin I.O. Alliance of the USA, Japan, Philippines: A New Format to Contain China? *Asia and Africa Today*. 2023. № 10. Pp. 45–52. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028104-6

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении последних десятилетий американская внешнеполитическая стратегия в отношении КНР характеризовалась применением разных подходов – «вовлечения» (*involvement*) и «сдерживания» (*containment*), а двустороннее взаимодействие этих двух стран определялось сложным сочетанием противоречий и сотрудничества [1, с. 85].

Начиная с нормализации американо-китайских отношений конца 1960-х – начала 1970-х гг. и установления дипломатических отношений в 1979 г. Вашингтон приветствовал экономические реформы, инициированные Дэн Сяопином, полагая, что либерализация китайской экономики, её постепенный переход на рыночные рельсы, а затем присоединение Пекина к глобальным мировым финансовым структурам (группе Всемирного банка, ВТО) и его окончательное вовлечение в мировые экономические процессы в итоге неизбежно приведет и к либерализации политической жизни.

Однако, вопреки американским прогнозам, за впечатляющим экономическим ростом КНР последовали становление курса на проведение независимой внешнеполитической стратегии на мировой арене и рост геополитических амбиций, при этом с сохранением абсолютной власти у Коммунистической партии Китая.

Устойчивый тренд на ухудшение американо-китайских отношений наметился после провала администрации Б.Обамы практической реализации проекта американо-китайского дуумвирата *G-2*, также известного в западной литературе как идея *Chimerica*¹.

Уже к началу 2020-х гг. комплексное усиление Китая привело к нарастающему соперничеству с США в разных географических регионах и сферах, включая область высоких технологий, торгово-экономические и военно-стратегические отношения. Уже во время президентства Д.Трампа подходы США к КНР подверглись радикальной идеологизации в духе времен холодной войны: «коммунистический авторитарный Китай против демократических Соединенных Штатов» [2].

Пекин и Вашингтон не отказываются от диалога и продолжают сотрудничество в ряде областей, где кооперация взаимовыгодна и где обе страны осознают себя ответственными перед глобальным сообществом как крупнейшие мировые державы (борьба с изменением климата, наркоторговлей, терроризмом, за нераспространение ядерного оружия и его элементов). Тем не менее общий тренд на ухудшение двусторонних отношений сохранился и пришедшей к власти в 2021 г. администрации Дж.Байдена.

США В АТР: КУРС НА «ОКРУЖЕНИЕ» И СДЕРЖИВАНИЕ КИТАЯ

Как отмечает российский востоковед А.В.Лукин, в основе мотивов соперничества в Азии у двух стран есть коренное различие.

США стремятся сохранить свое геополитическое доминирование в АТР и не допустить роста любой державы, потенциально способной конкурировать с Вашингтоном [3]. В случае утраты американского лидерства Вашингтон воспримет это как экзистенциальную угрозу своей национальной безопасности и попытку подрыва всего либерального западного мирового порядка.

Пекин же, сосредоточившись на «мирном подъеме» и модернизации страны во всех сферах, не ставил своей целью пересмотр всего существующего миропорядка или борьбу с США.

В американских внешнеполитических доктринальных документах КНР характеризуется как «растущая ревизионистская держава» и «стратегический соперник/конкурент» [4]. В Индо-Тихоокеанской стратегии США, опубликованной в феврале 2022 г., утверждается, что сегодня Китай является единственной страной, которая намерена изменить международный порядок и одновременно располагает возрастающей экономической, дипломатической, военной и технологической мощью, чтобы добиться этого [5]. Вашингтон обвиняет Пекин в милитаризации территорий в пределах т.н. Первой цепи островов².

В мае 2022 г. госсекретарь Э.Блинкен назвал КНР «самым серьезным долгосрочным конкурентом Соединенных Штатов и их союзников»³. Ровно через год первый замминистра обороны США К.Хикс

¹ Неологизм на основе словослияния, который описывает симбиотические отношения между Китаем и Америкой, со ссылкой на легендарную химеру (*прим. ред.*).

² Включает в себя Курильские острова, Японский архипелаг, острова Рюкю, Тайвань, Филиппины, Борнео и Малайский полуостров (*прим. авт.*).

³ <https://www.nytimes.com/2022/05/26/us/politics/china-policy-biden.html>

заявила, что Пентагон настроен на сдерживание Китая в течение десятилетий, а Пекин является вызовом на поколения [6]. На сегодняшний день можно констатировать, что стратегический курс на сдерживание Китая является предметом консенсуса американских политических элит и не зависит от смены руководства в Белом доме или партийного большинства в Конгрессе США.

Важным компонентом сдерживания Китая является политика «окружения» (*encirclement*) страны цепью американских военных баз, количество которых только по всей Восточной Азии насчитывает 313 [7]. В рамках концепции особое внимание отводится американским союзникам, как региональным, так и внерегиональным. Прекрасно осознавая, что в одиночку сдерживать набравший силу Китай практически невозможно, Вашингтон приступил к созданию максимально широкой неформальной коалиции в АТР, используя как двусторонние связи с дружественными государствами, так и относительно новый формат «гибких альянсов».

ДУСТОРОННИЕ СОГЛАШЕНИЯ И «ГИБКИЕ АЛЪЯНСЫ»

В целях сохранения и укрепления своего военно-политического и экономического доминирования в АТР, Соединенные Штаты исторически опираются на систему преимущественно двусторонних альянсов со своими региональными союзниками.

В отличие от ситуации на Евроатлантическом пространстве, где еще в 1949 г. была создана Организация Североатлантического договора (НАТО), действующая на основе принципа коллективной безопасности и поныне, попытка построения аналогичного проамериканского военно-политического блока в Азии, по сути, потерпела неудачу.

Так, Организация Договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО или Манильский пакт 1954 г.) просуществовала 23 года и была официально распущена в 1977 г., став неэффективной в связи с поражением коалиции во главе с США во Вьетнаме, а также общим кризисом организации, усугубленным обострением противоречий между её участниками. Других попыток создания устойчивого многостороннего военного альянса в АТР, аналога «азиатского НАТО», американцами не предпринималось.

В 1951 г. США и Филиппины подписали Договор о взаимной обороне, главный смысл которого заключался в том, что, если одна из сторон договора подвергнется агрессии со стороны третьей державы, другая сторона договора должна будет оказать ей помощь [8].

Первоначально соглашения с Австралией, Новой Зеландией и Филиппинами входили в сеть т.н. «перестраховочных» договоров против Японии, страх перед новой агрессией которой оставался сильным среди американских союзников в первые годы после Второй мировой войны [9]. Однако после начавшихся процессов демилитаризации и демократизации и вхождения Токио в американскую сферу влияния подобное двустороннее соглашение было заключено США с самой Японией (1951 г.), а также с Южной Кореей (1953 г.) и Тайванем (1954–1979 гг. – Китайско-американский (имелся в виду Тайвань) договор о взаимной обороне, а после разрыва дипломатических отношений, с 1979 г. – «Закон об отношениях с Тайванем»).

Последним договором в рамках концепции «Оси и спиц» можно считать американо-тайландское коммюнике 1962 г., которое подтвердило роль Таиланда как важного союзника Вашингтона в Юго-Восточной Азии.

В годы холодной войны сеть американских оборонных союзов закрепляла обязательства США перед дружественными государствами в сфере безопасности и была направлена на сдерживание коммунистических сил и национально-освободительных движений в регионе. Вашингтон рассматривал двусторонние альянсы, а также СЕАТО как важные компоненты потенциальной военной коалиции всех американских союзников на случай обострения ситуации в мире или регионе. Кроме того, помимо «зонтика безопасности» со стороны США, двусторонние договоры позволяли союзникам рассчитывать на серьезную экономическую помощь Вашингтона, столь необходимую, например, как Японии, находившейся в плачевном состоянии после Второй мировой войны, так и развивающимся странам, недавно получившим независимость [10, р. 141].

Отдельно стоит отметить еще один американский формат военно-политического сотрудничества в регионе, появившейся в арсенале политики США в АТР относительно недавно.

Речь идет об активном становлении т.н. «гибких альянсов» – многосторонних сетевых структур США с союзниками, партнерами и в целом с государствами, если и не имеющими двусторонних дого-

воров, но единомышленниками (*Like-minded countries*), т.е. всеми странами, которые, по мнению, Вашингтона, разделяют западные ценности, американское видение мира, в том числе поддерживают идею пресловутого международного порядка, «основанного на правилах» (*Rules-Based Order*).

Акцент в подобных сетевых «диалогах по безопасности» делается на развитие не вертикальных и официально оформленных посредством договора связей («США – младший региональный союзник»), а горизонтальных неформальных – Вашингтон поощряет продвижение военно-политических отношений между своими партнерами. В последние годы США пытаются привлечь к участию нейтральные страны региона: Вьетнам, Индию, Индонезию. Примеров подобных форматов взаимодействия в АТР к настоящему времени немало.

Еще в 2002 г. было положено начало «треугольнику» Австралия – США – Япония с целью обеспечения безопасности в западной части Тихого океана. С 2006 г. встречи начали проходить на министерском уровне, и данный альянс был оформлен в Трехсторонний стратегический диалог (*Trilateral Strategic Dialogue*). В ответ на ракетно-ядерную угрозу со стороны КНДР был создан формат сотрудничества США – Южная Корея – Япония, который вырос из Трехсторонней координационной группы по надзору (1999 г.). Со временем в рамках группы начали проводиться встречи руководителей стран, трехсторонние военные учения, обмен разведывательной информацией.

При президентстве Д.Трампа новое дыхание получил Четырехсторонний диалог по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue – QUAD*) между Австралией, Индией, США и Японией. Ведутся переговоры о возможном присоединении к диалогу Новой Зеландии, Южной Кореи, Великобритании (*QUAD Plus*).

Цели *QUAD* охватывают широкий спектр вопросов, включая как гуманитарные, так и военные. В совместном заявлении «*The Spirit of Quad*» от марта 2021 г. члены Четырехстороннего диалога подчеркивают общее видение «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и «основанный на правилах морской порядок в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях» – акваториях, где территориальные споры Пекина с американскими союзниками проявляются наиболее остро⁴. Данный формат сотрудничества многие эксперты неоднократно связывали с созданием регионального противовеса КНР [11]. Более того, США как бы «институализируют» исторические и территориальные обиды Индии и Японии против Поднебесной [12].

Еще раз подчеркнем, что все перечисленные виды многостороннего сотрудничества не имеют статуса организации, полноценного договора, постоянно действующих структур, однако все их объединяет одно – это сетевые форумы по безопасности, создаваемые с целью расширения связей и форматов взаимодействия между американскими союзниками под конкретные задачи, с главенствующей ролью Соединенных Штатов. Фактически стратегия гибких альянсов стала дальнейшим развитием системы «Оси и спиц», созданной еще в годы холодной войны и адаптированной под реалии нового времени.

ФИЛИППИНЫ И ЯПОНИЯ В СИСТЕМЕ АМЕРИКАНСКИХ СОЮЗОВ В АТР

Как уже отмечалось выше, Япония и Филиппинская Республика являются старейшими американскими союзниками в регионе, имея давние связи с США в области оборонного и военно-технического сотрудничества. На территории Японии располагается ряд американских военных объектов, неподконтрольных юрисдикции Токио; общая численность военнослужащих ВС США на японских островах достигает 50 000 человек и 5500 гражданских служащих. Региональное командование США тесно сотрудничает с Силами самообороны Японии. Согласно Договору о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией от 1960 г., Соединенные Штаты берут на себя обязательства морской и противоракетной обороны, защиты связи, управления внутренними воздушными судами и реагирования на стихийные бедствия. Несмотря на многочисленные дебаты внутри японского общества о необходимости американского военного присутствия, Токио сохраняет курс на стратегическое партнерство с США.

Республика Филиппины, в свою очередь, является крупнейшим получателем военной помощи США в регионе. За последние 5 лет Соединенные Штаты выделили более \$625 млн на модернизацию филиппинского военного потенциала в Южно-Китайском море (ЮКМ), а всего на эти цели с 2015 г. Филип-

⁴ <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/>

пины получили более \$1,14 млрд [13]. В октябре 2022 г. посольство США в Маниле объявило, что филиппинской стороне будет предоставлено \$100 млн в качестве компенсации за их решение отказаться от своих обязательств в сделке с Россией о покупке 16 военно-транспортных вертолетов Ми-17 [14]. На 2023 г. в рамках улучшения оперативной совместимости было запланировано проведение 496 двусторонних мероприятий в области безопасности и обороны. В следующие 2 года США собираются инвестировать еще \$70 млн в филиппинский военный потенциал [15].

Американо-филиппинские отношения ухудшились при президентстве Р.Дутерте (2016–2022 гг.), пытавшегося несколько дистанцироваться от США и сблизиться с Китаем и третьими странами (включая Россию). В феврале 2020 г. Манила заявила об одностороннем выходе из Соглашения о военных визитах 1998 г. – документа, регулирующего пребывание американских военных на Филиппинах⁵. Однако приход к власти в июне 2022 г. филиппинского президента Ф.Маркоса-младшего ознаменовал новую страницу в двусторонних отношениях. Маркос-младший, сын авторитарного правителя Филиппин в 1960–1980-х гг., практически сразу взял курс на укрепление оборонного сотрудничества с Вашингтоном.

1 февраля 2023 г. во время визита на Филиппины главы Пентагона Л.Остина было объявлено о получении доступа США к 4 новым военным объектам на территории страны⁶. В рамках двустороннего Соглашения о расширенном оборонном сотрудничестве (*Enhanced Defense Cooperation Agreement – EDCA*) от 2014 г. американцам позволялось использовать 5 военных баз на филиппинском архипелаге. Конституция Филиппин запрещает иностранным вооруженным силам дислоцирование на территории страны на постоянной основе, но Соглашение *EDCA* разрешило американцам совместное использование филиппинских военных баз и временное размещение воинского контингента.

Новые объекты будут расположены на о-ве Палаван, учитывая его близость к спорным островам в акватории ЮКМ. Другую часть военных баз планируется разместить на северных островах Филиппинского архипелага ближе к о-ву Тайвань. Кроме этого, Соединенные Штаты взяли на себя обязательства по долгосрочной модернизации филиппинской армии и флота.

После восстановления американо-филиппинских отношений при президенте Маркосе-младшем (во многом неожиданно быстрого даже для самих американцев) появились возможности для расширения трехстороннего взаимодействия с Японией.

JAPHUS – НОВЫЙ AUKUS?

Сама идея альянса Вашингтон – Токио – Манила не нова, «треугольник» в области военно-политического и военно-технического сотрудничества между этими странами начал складываться с 2010-х гг.

Помимо традиционно декларируемых целей в виде борьбы с терроризмом, киберпреступлениями и стихийными бедствиями, главная причина активизации была очевидной – ухудшающиеся двусторонние отношения с Китаем, политика КНР по увеличению зоны возможного проецирования военной мощи в акватории Тихого океана и наличие территориальных споров с Пекином у Японии (в Восточно-Китайском море вокруг архипелага Сенкаку (Дяоюйдао)) и у Филиппин (о-ва Спратли в ЮКМ).

13 сентября 2022 г. произошла первая встреча представителей трех стран в рамках созданного Трехстороннего диалога по оборонной политике между США, Филиппинами и Японией (*Philippines-Japan-US Trilateral Defense Policy Dialogue – TDPD*). Стороны обсуждали возможные варианты сотрудничества в области морской безопасности, кибербезопасности, обмена информацией, также подчеркивалась важность соблюдения свободы судоходства и полетов, а также порядка для обеспечения мира и стабильности в регионе⁷. Упоминание приверженности свободе судоходства (в американской трактовке данного понятия) традиционно связано с ситуацией в Тайваньском проливе и Южно-Китайском море, где ВМС США проводят т.н. операции по защите свободы судоходства (*Freedom of Navigation Operations*), которые вызывают жесткую военную и дипломатическую реакцию Пекина. Вероятно, что Вашингтон будет прилагать усилия для вовлечения Филиппин и Японии в трехсторонние форматы данных операций для дальнейшего давления на КНР.

⁵ <https://www.theguardian.com/world/2020/feb/11/philippines-to-terminate-troop-agreement-with-us>

⁶ <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3286055/us-philippine-alliance-strengthens-as-it-enters-new-phase/>

⁷ <https://www.pna.gov.ph/articles/1183861>

Три страны делают ставку на интенсификацию взаимодействия на уровне министров обороны, глав внешнеполитических ведомств, советников президента по национальной безопасности.

В апреле 2022 г. Филиппины присоединились к переговорам в формате «2 + 2» (встречи министров иностранных дел и обороны) с Японией, став второй страной в Юго-Восточной Азии после Индонезии, имеющей подобный уровень сотрудничества с Токио.

16 июня 2023 г. в рамках Трехстороннего диалога впервые прошла встреча советников глав США, Японии и Филиппин по безопасности. На прошедшем мероприятии американский советник по национальной безопасности Дж.Салливан подчеркнул, что Вашингтон остается привержен обязательствам перед своими союзниками на фоне ухудшения обстановки в зоне Тайваньского пролива и ЮКМ⁸.

Развитие трехстороннего взаимодействия привело к появлению среди экспертов в 2023 г. нового термина – *JAPHUS* (по аналогии с упомянутым выше *AUKUS*, акроним, образованный по названиям участников альянса – *Japan, Philippines, United States*) [16].

Наблюдается и заметная активизация трех стран в военно-морской сфере. В апреле состоялись крупнейшие в истории американо-филиппинские учения *Balikatan-2023*, прошедшие в водах ЮКМ и Тайваньского пролива. В совместных маневрах участвовало более 17 000 военнослужащих. Само проведение *Balikatan-2023* интерпретировалось как ответ на трехдневные учения ВМС КНР возле Тайваня⁹. А уже в начале июня 2023 г. впервые состоялись трехсторонние учения сил береговой охраны США, Японии и Филиппин, направленные на выполнение учебных задач по связи и маневрированию, развитию навыков при проведении аварийно-спасательных работ.

Какие преимущества получают США от сотрудничества в формате *JAPHUS*?

Во-первых, улучшение военно-политической координации между тремя странами и использование военных объектов и инфраструктуры на территории союзных стран в случае резкого обострения ситуации в зоне Тайваньского пролива, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Немаловажным становится как еще один инструмент давления на КНР фактор 5 новых военных баз, расположенных ближе к Тайваню на территории Филиппин, которые Вашингтон получает во владение в 2023 г.

Во-вторых, Вашингтон приветствует развитие двусторонних филиппино-японских связей в рамках «треугольника», не в последнюю очередь потому, что партнерство Токио и Манилы оказалось гораздо менее уязвимо для политических потрясений, чем альянс США и Филиппин. Во время президентства Р.Дутерте американцы неожиданно столкнулись с резким ухудшением двусторонних отношений, при этом у Токио в то же время была полная свобода действий для углубления кооперации с Манилой. Цель Вашингтона в трехстороннем альянсе – активизировать филиппино-японские связи в области ВТС и разделить с Токио «финансовое бремя» в процессе длительной программы модернизации филиппинской армии и флота.

В декабре 2022 г. Япония приняла новую Стратегию национальной безопасности, на основе которой были приняты еще 2 доктринальных документа: Национальная стратегия в области обороны и Среднесрочный план оборонного строительства.

Помимо запланированного увеличения расходов на оборону в 2 раза, в стратегиях также подробно изложен проект по созданию программы поддержки стран-союзников. Экономическая часть помощи будет включать пакет поддержки от государственного и частного секторов Японии на сумму 600 млрд иен (\$4,6 млрд) в течение 2 лет (до марта 2024 г.)¹⁰. Отмечается, что Филиппины станут первой страной – получателем японской помощи в рамках нового формата путем предоставления Японией как финансовых средств, так и оборонных технологий и содействия в улучшении инфраструктуры аэропортов и морских портов, которые используются местными вооруженными силами¹¹.

Так, Токио рассматривает вариант передачи Филиппинам новых радарных систем, которые могут быть использованы против КНР в акватории ЮКМ. Помимо этого, стороны готовятся к подписанию т.н. Соглашения о взаимном доступе (*Reciprocal Access Agreement*) – документа, который упростит про-

⁸ https://upi.com/Top_News/World-News/2023/06/16/japan-national-security-advisor-meets-with-counterparts-on-regional-security/ 9751686917403/

⁹ <https://news.usni.org/2023/04/11/u-s-philippines-kick-off-largest-ever-balikatan-exercise-as-defense-foreign-affairs-leaders-meet-in-washington>

¹⁰ <https://english.kyodonews.net/news/2023/02/c58ba722a1bd-philippines-marcos-in-japan-for-talks-with-pm-kishida.html>

¹¹ <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-eyes-Philippines-as-first-recipient-of-security-grant>

ведение совместных учений и визитов вооруженных сил в страны друг друга. Подобные соглашения уже заключены в двустороннем порядке между Японией, Австралией и Великобританией.

Развитие нового формата американского регионального союза с явной антикитайской направленностью не может не беспокоить Пекин. В апреле 2023 г. посол Китая на Филиппинах Х.Сиянь обвинил США в «разжигании огня региональной напряженности» в ответ на получение американцами доступа к 5 новым филиппинским базам, предложенным США к совместному использованию в рамках Соглашения о расширенном оборонном сотрудничестве между двумя странами¹².

В глобальном плане КНР продолжает продвигать проект «Один пояс – один путь» (ОПОП), который включает в себя сеть высокоскоростных железных дорог, автомагистралей и альтернативных маршрутов доставки, позволяющих Китаю импортировать нефть и транспортировать товары своим торговым партнерам, минуя морской путь, окруженный военными базами и инфраструктурой США. Инициатива ОПОП должна сместить экономический центр силы в сторону Китая за счет более тесного взаимодействия с развивающимися экономиками Африки, других частей Азии, а также Европы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Насколько жизнеспособен новый «гибкий союз» США, Филиппин и Японии?

Развитие трехстороннего сотрудничества в 2022–2023 гг. происходит достаточно быстро. Созданы политические форматы взаимодействия по линии министерства обороны и иностранных дел трех стран, аппарата советников президентов по национальной безопасности. Происходит увеличение частоты и масштабов военно-морских учений, расширение маневров, процесса модернизации филиппинской армии благодаря помощи США и Японии. Вероятно проведение странами совместных операций в Тайваньском проливе, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

В то же время есть несколько камней преткновения, которые могут затормозить дальнейшее развитие кооперации в рамках *JAPHUS* и создания антикитайского блока. В «треугольнике» США – Япония – Филиппины именно последние видятся слабым звеном. Уже на протяжении нескольких десятилетий Манила геополитически оказывается между двух огней: имея более тесные связи в оборонной сфере с США и Японией, она остается в сильной зависимости от КНР, своего крупнейшего торгового партнера и одного из главных иностранных инвесторов в экономику страны. Представляется, что, даже сталкиваясь с неразрешенным конфликтом в ЮКМ, Филиппины будут всячески избегать излишнего антагонизма с Китаем и тем более выступать против любого вовлечения другими странами в предполагаемый тайваньский конфликт.

Не стоит забывать и фактор личности самого филиппинского президента. Усиление трехстороннего сотрудничества стало возможным благодаря проамерикански настроенному новому президенту Филиппин Ф.Маркосу-младшему. Однако возможный приход к власти через несколько лет фигуры, менее лояльной Вашингтону и равной Р.Дутерте, может серьезно повлиять на дальнейшее развитие оборонного альянса. В любом случае трехсторонний союз США, Филиппин и Японии еще находится в процессе становления, который может занять не один год.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Лексютина Я.В. Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга. *Мировая экономика и международные отношения*. 2020, № 6, с. 85–93. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93. Leksyutina Y.V. 2020. U.S.-China Relations in 2018–2019: Trade War and the Process of Decoupling. *World Economy and International Relations*. № 6, pp. 85–93. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93.
2. Кашин В.Б., Тимофеев И.Н. Американо-китайские отношения: к новой холодной войне? *РСМД*. 10.06.2021. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikano-kitayskie-otnosheniya-k-novoy-kholodnoy-voyne/> (accessed 12.07.2023)
Kashin V.B., Timofeev I.N. 2021. U.S.-China Relations: Moving Towards a New Cold War? *Russian International Affairs Council*. (In Russ.). <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikano-kitayskie-otnosheniya-k-novoy-kholodnoy-voyne/> (accessed 12.07.2023)

¹² <https://edition.cnn.com/2023/04/27/asia/us-philippine-alliance-china-response-intl-hnk/index.html>

3. Лукин А.В. Американо-китайское соперничество в АТР: декларации и реальность. *Россия в глобальной политике*. 2023. № 1. С. 118–137. DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-118-137.
Lukin A.V. 2023. US-China Rivalry in the Asia-Pacific Region: Declarations and Reality. *Russia in Global Affairs*. № 1. Pp. 118–137. Moscow. (In Russ.). DOI: 10.31278/1810-6439-2023-21-1-118-137.
4. US National Security Strategy. The White House. 12.10.2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed 19.07.2023)
5. Indo-Pacific Strategy of the United States. The White House. February, 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed 12.04.2023)
6. Clark J. Innovation Critical to Success as DOD Faces Competition With China. U.S. Department of Defense. 09.05.2023. <https://defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3390241/innovation-critical-to-success-as-dod-faces-competition-with-china/> (accessed 12.07.2023)
7. McBrien T. Why the U.S. Should Close Its Overseas Military Bases. *Foreign Policy*. 16.05.2023. <https://foreignpolicy.com/2023/05/16/military-defense-overseas-bases-united-states-force-posture/> (accessed 12.07.2023)
8. Mutual Defense Treaty Between the United States and the Republic of the Philippines. August 30, 1951. *Avalon Project*. https://avalon.law.yale.edu/20th_century/phil001.asp (accessed 20.07.2023)
9. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.: Конверт – МОНФ, 1997. 352 с.
Bogaturov A.D. 1997. Great Powers in the Pacific. Moscow. 352 p. (In Russ.)
10. Calder K. Securing Security Through Prosperity: The San Francisco System in Comparative Perspective. *The Pacific Review*, Vol. 17, № 1, March 2004, pp. 135–157.
11. Campbell K.M., Patel, N., Singh V.J. The Power of Balance: America in Asia. *Center for a New American Security*. June 2008. 96 p.
12. Лузянин С.Г. Китай – США: модель 2023. «Управляемый конфликт» или глобальный раскол? *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 2. С. 5–13. DOI: 10.31857/S032150750024431-6.
Luzyanin S. G. 2023. China – USA: Model 2023. The “Managed Conflict” or Global Split? *Asia and Africa today*. № 2. Pp. 5–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024431-6.
13. Ambassador MaryKay Carlson’s Remarks at the Mangrove Forum. U.S. Embassy in the Philippines. 27.10.2022. <https://ph.usembassy.gov/ambassador-marykay-carlsons-remarks-at-the-mangrove-forum-a-new-impetus-for-u-s-commitment-to-the-u-s-philippines-alliance/> (accessed 12.07.2023)
14. Saballa J. US Grants Philippines \$100M Compensation for Scrapping Russian Deal. *The Defense Post*. 18.10.2022. <https://www.thedefensepost.com/2022/10/18/us-philippines-compensation-russian-deal/> (accessed 12.07.2023)
15. Galeon P.L. US to Provide \$70M in Defense Aid to Philippines. *The Defense Post*. 02.11.2022. <https://thedefensepost.com/2022/11/02/us-70m-defense-aid-philippines/> (accessed 12.07.2023)
16. Heydarian R.J. Integrated Deterrence: AUKUS, JAPHUS, and U.S.-Led “Constraint” Strategy Against China. *China-US Focus*. 04.04.2023. <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/integrated-deterrence-aukus-japhus-and-us-led-constraint-strategy-against-china/> (accessed 12.07.2023)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мишин Игорь Олегович, младший научный сотрудник Сектора внешней и внутренней политики США Центра Североамериканских исследований ИМЭМО им. Е.М.Примова РАН, Москва, Россия.

Igor O. Mishin, Junior Researcher, US Foreign and Domestic Policy Sector, Center for North American Studies, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 01.08.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 21.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 16.09.2023

Феномен «куволюций» в странах Африки

© Файн Е.Д.^а, 2023

^а НИУ ВШЭ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1229-3691; efayn@hse.ru

Резюме. Статья посвящена феномену «куволюции» (*coupvolution* – от английских *revolution* и *coup*), на которую сначала обратили внимание в контексте египетских событий в 2011 г., а впоследствии подобные явления стали происходить по всей Африке. Статья раскрывает особенности феномена куволюции и его наиболее яркие примеры. Феномен куволюции имеет отношение главным образом к Африке южнее Сахары, и его изучение может внести вклад как в политологию, так и в африканистику. В статье делается вывод, что «куволюции» – это феномен, на который наука до сих пор обращала мало внимания, и его исследование может стать значительным шагом для понимания африканских политических процессов.

Ключевые слова: куволюции, военные перевороты, Африка южнее Сахары, «арабская весна»

Благодарность: Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году при поддержке гранта РНФ (21-18-00123).

Для цитирования: Файн Е.Д. Феномен «куволюций» в странах Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 53–58. DOI: 10.31857/S032150750028100-2

The Phenomenon of “Coupvolution” in Africa

© Egor D. Fain^а, 2023

^а HSE University, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-1229-3691; efayn@hse.ru

Abstract. The article is dedicated to the phenomenon of “coupvolution” (the term originally mentioned by researcher Nathan Toronto), which is a combination of revolution and military coup. This phenomenon was first noticed and described during events in Egypt in 2011, and, consequently, such events have begun occurring all around Africa. This article is focused on the specifics of the coupvolution phenomenon and its most notable examples. Mostly, the phenomenon of “coupvolution” is related to Sub-Saharan Africa and its study could contribute to both political science and African studies. The article is concluded with an idea that “coupvolution” is an understudied phenomenon, and its research could be an important step in understanding African political processes.

Keywords: coupvolutions, military coups, Sub-Saharan Africa, Arab Spring

Acknowledgment: This work has been done as a part of the Program of fundamental studies in HSE in 2023 with the support of RNF (21-18-00123).

For citation: Fain E.D. The Phenomenon of “Coupvolution” in Africa. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 53–58. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028100-2

ВВЕДЕНИЕ

XXI век привнес в политический эмпирический опыт множество новых концепций. Однако многие из них оказались фактически нераскрытыми в политической науке. Отчасти эта проблема связана с доминирующим в политологии европоцентризмом: в то время как в 2010-х гг. по всему миру происходила масса активных политических и социальных процессов, главной темой множества политологических работ по-прежнему оставались США и Европа в контексте популизма и использования СМИ в выборах. В это же десятилетие в арабском мире происходит уникальное по своему масштабу событие – «арабская весна» – череда практически синхронных революций, бунтов и протестов в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

«Арабская весна» – крайне интересная тема для исследования как своеобразная трансформация революционных движений и революционных механик, которую можно было наблюдать воочию. Дело в

том, что «арабская весна» навсегда изменила представления о революциях и переворотах. Именно во время «весны» активное освещение событий в СМИ и использование социальных сетей становятся полноценными факторами происходящих событий. Что более важно, «арабская весна» стала импульсом к мощной волне новых революционных движений – от событий в Латинской Америке до Азии.

В этой статье анализируется феномен, во многом связанный с «арабской весной» и активно проявившийся в Сахеле и Западной Африке. Речь идет о т.н. куволюциях – комбинациях революций и военных переворотов. Несмотря на то, что термин появился в связи с египетскими событиями 2011 г., по большей части события такого типа происходили именно к югу от Сахары.

Исследование куволюций важно в контексте развития политической науки. У классических революций есть характеристики, которые со временем закрепились в политической теории как неизменные. Как пишет Джордж Лоусон, в теории революций произошел определенный застой, и сейчас настало время, чтобы теория революций догнала эмпирическую реальность [1]. Последние несколько десятилетий одновременно стали концом для многих режимов и для множества классических теорий революций [2]. Куволюции, происходящие в Африке, гораздо больше напоминают описанные Голдстоуном, Гринином и Коротаевым «революционные движения без революций» (см: [3]).

Таким образом, представляется, что сейчас изучение подобных процессов может быть востребовано как никогда.

ПОЯВЛЕНИЕ ТЕРМИНА «КУВОЛЮЦИЯ»

«Куволюция» – таким словом некоторые исследователи описывали египетские события 2011 и 2013 гг. [4]. Одной из самых ранних работ, в которой подчеркивается значимость данного феномена, была статья Натана Торонто (см.: [4]). В ней описывается специфика египетских событий, то, как стремительно развивалась революция, и то, как армия неожиданно взяла инициативу в свои руки и выступила третьей стороной (см. также: [5]). На этом же феномене и его особенностях подробно останавливался и Марк Бейссингер, подчеркивая сложность и запутанность революционных событий, в которых на правах третьего участника выступает армия [6]. В данном случае можно говорить о появлении меткого термина, который может точно передать смысл феномена. В рамках начавшейся после «арабской весны» волны различных дестабилизационных процессов произошло множество событий, которые подходили под характеристику куволюций, и это подтверждается в том числе использованием термина «куволюции» для описания событий, произошедших, например, в Боливии [7], Мали [8], Буркина-Фасо, Габоне, Нигере.

Куволюция – это феномен, разбитый на две фазы: первая представляет собой мобилизацию революционного движения и массовые протесты; вторая состоит в неожиданном и быстром военном перевороте, который происходит на пике революционных событий, его участники смещают существующий режим, захватывая власть силовым способом.

Уникальность ситуации в том, что армия выступает третьей силой в противостоянии оппозиции и власти. С одной стороны, армия удовлетворяет определенные революционные запросы, смещая действующую власть. С другой – армия таким образом сохраняет в стране статус-кво: революционные силы не приходят к власти, в то время как офицеры создают собственные органы власти, подчас более авторитарные, чем предыдущие.

ЕГИПЕТСКИЕ СОБЫТИЯ КАК КЛАССИЧЕСКИЙ ПРИМЕР КУВОЛЮЦИИ

Для понимания причин возникновения термина «куволюция» необходимо обратиться к случаю, который привел к появлению самого слова. Первый раз слово «куволюция» было использовано по отношению к Египетской революции 2011 г. Несмотря на то, что эти события практически всегда называют революцией как в научном сообществе, так и в публичном пространстве, есть определенные факторы, на которые стоит обратить внимание.

В первую очередь особо стоит отметить, что изначально в египетском протестном движении 2011 г. соединилось огромное число разных оппозиционных сил. Однако изначально трудно было предположить, что на сторону оппозиции могут встать государственные силы, такие как армия. Тем не менее

именно армия сыграла решающую роль в свержении режима Мубарака, который, по мнению многих, был одним из самых стабильных в регионе.

События в Египте требуют дополнительного внимания, т.к. без понимания их природы сложно в дальнейшем говорить о военных переворотах во время революций как о самостоятельных политических событиях.

Начало египетского кризиса в конце января – начале февраля 2011 г. было сюрпризом для многих внешних наблюдателей, считавших режим Хосни Мубарака стабильным [9]. 25 января на улицы Каира вышли десятки тысяч человек, протестующих против правительства Мубарака. Интересно, что вначале «Братья-мусульмане», сильнейшая на тот момент оппозиционная сила страны, воздержались от участия, предполагая, что режим сможет подавить протесты, однако спустя 4 дня они также присоединились к уличным демонстрациям [10]. Выступление носило светский характер, ключевыми лейтмотивами движения были демократия, социальная справедливость и смена курса во внешней политике. Уже к 11 февраля революция фактически закончилась, власть перешла к Высшему совету Вооруженных сил.

Египетская армия во время массовых протестов оставалась крайне пассивной. По мнению некоторых авторов, в армии накопилось определенное недовольство режимом Мубарака, связанное с тем, что он не спешил инициировать транзит власти и, более того, активно продвигал своего сына Гамалия в наследники. При этом стоит отметить, что на протяжении всей второй половины XX в. египетская армия была очень сильным и обособленным институтом и централизация власти в руках Мубарака не могла не влиять на отношение к режиму в армейских рядах [11]. Как отмечает Голдстоун, при авторитарных режимах, подобных Египту и Тунису, диктатору очень важно соблюдать баланс между своим личным обогащением и содержанием элиты. Это, по мнению Голдстоуна, и есть главный элемент противостояния между Мубараком и армией: приближенные к Мубараку и его сыну получали огромные прибыли от государственных монополий и иностранных инвестиций, в то время как военные элиты контролировали лишь локальный бизнес [12].

Важно также отметить, что революция в Египте не была одномоментной. В большом количестве исследований отмечалась именно её стремительность и активное использование социальных сетей как средства протестной мобилизации и координации [13]. В то же время нельзя забывать о глубоких причинах египетской революции.

В первую очередь в Египте еще в 2004 г. появилось движение за демократию, известное как *Kifaya*, проводившее демонстрации против диктатуры Мубарака в 2005 г. [14]. Одновременно с этим происходило увеличение разрыва между богатыми и бедными: более 40% населения Египта оказалось за чертой бедности, что приводило к активным забастовкам рабочих в 2004–2010 гг. [15]. Наконец, демографическая ситуация в Египте также стала фактором, способствовавшим началу революционного движения: огромная часть населения Египта (в 2011 г. около 9 млн человек) состояла из молодых людей возрастом 20–24 лет, многие из которых имели высшее образование, но не могли устроиться на работу в силу существенной безработицы (около 9% на начало 2011 г.). Они и стали основной базой для революционного движения [15].

Интригующей особенностью египетского случая и нескольких других куволюций является возвращение военных к власти спустя недолгий период переходной власти. Так, в Египте в 2013–2014 гг. власть перешла от «Братьев-мусульман» к армейским элитам, в частности к Абдул-Фаттаху ас-Сиси, который участвовал и в событиях 2011 г. [16; 17].

Таким образом, причиной египетских событий стали существенные социально-политические и экономические факторы. Совпадение напряженности в обществе с недовольством в армии создало возможность, чтобы могла произойти именно куволюция, т.е. мощное революционное движение, сопровождавшееся эндшпильным военным переворотом.

Необходимо отметить, чем именно отличается такая череда событий от других революций и почему для нее используется новый термин. Кто-то может справедливо заметить, что, например, в Октябрьской революции в России большевики также активно использовали вооруженные отряды и армейские части, перешедшие на их сторону. Однако куволюция предполагает совершенно иную конфигурацию событий: армия должна быть независимой от революционного движения и возглавляться собственными военными элитами. Таким образом, это должна быть именно третья сторона, не подчиняющаяся более ни государственному аппарату, ни революционным лидерам.

ПРИМЕРЫ КУВОЛЮЦИИ В СТРАНАХ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Чтобы лучше проиллюстрировать феномен куволюции, рассмотрим конкретный случай. В то время как египетские события стали основой для появления термина, протесты и военный переворот в Буркина-Фасо представляют большой интерес, т.к. они меньше изучены и не так известны.

Куволюция в Буркина-Фасо произошла в 2014 г. Её триггером послужило желание президента Блэза Компаоре, правившего еще с 1990-х гг., баллотироваться на новый срок и изменить конституцию, сняв ограничения пребывания во власти. Это вызвало недовольство как оппозиционно настроенных граждан, так и многих представителей правящих кругов. Протесты начались весной 2014 г., но по-настоящему революционный размах приняли в октябре 2014 г. В конце октября революционному движению удалось парализовать большие города. Протесты стали миллионными, а правительство уже не могло сделать ничего, чтобы это остановить – отказ от внесения изменений в конституцию никак не повлиял на настроения протестующих [18].

Однако в момент, когда массовость протестов достигла пика, а в столкновениях с силовиками появились жертвы, армия в лице генерала Оноре Траоре, главы Генштаба ВС, распустила правительство и объявила о начале переходного периода к новой демократической власти [19]. На практике же в стране установился режим военной хунты, в котором демократические процессы ушли на задний план.

При этом случай Буркина-Фасо – лишь один из самых известных. Схожие процессы в разные годы имели место в Гвинее, Судане, Мали, Нигере, а также в некоторых других странах. Таким образом, изучение куволюций – это долгий и только начинающийся процесс, осложненный в первую очередь необходимостью провести работу по поиску политических событий, которые можно классифицировать таким образом.

Крайне интересными представляются случаи Мали и Гвинеи. Мали – это страна, которая уже достаточно долгое время испытывает различные потрясения, будь то терроризм, действия повстанческих групп и протесты. Куволюция произошла в Мали в 2020 г., когда в стране активизировались протесты и достигли больших масштабов оппозиционные выступления против президента Ибрагима Кейты. Главными причинами были затянувшаяся борьба с повстанцами-туарегами, коррупция и предполагаемые фальсификации на выборах в парламент в 2020 г. Массовые протесты длились чуть больше месяца по всей стране, после чего неожиданно выступила армия, захватив президента и высокопоставленных членов правительства, которые были вынуждены уйти в отставку [20].

Сравнительно менее известным случаем является куволюция в Гвинее в 2021 г. Там события также начались с массовых протестов, которые были вызваны как предположительно сфальсифицированными и спорными президентскими выборами 2020 г., так и повышением цен на бензин и продукты питания. В классическом для куволюций ходе событий армия буквально за день взяла под контроль правительство и президента, захватив ключевые правительственные здания. Таким образом, был свергнут президент Гвинеи с 2010 г. Альфа Конде, а временно исполняющим его обязанности стал лидер переворота полковник Мамади Думбуа [21].

СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КУВОЛЮЦИИ

Почему описанная выше куволюция интересна? Ответ заключается в том, что то, как начинались, проходили и развивались африканские события, прекрасно вписывается в описание причин и процесса революции в теории. Однако исход событий и дальнейшее их развитие совершенно отличаются от того, что теоретически должно было произойти. Несмотря на массовую революционную мобилизацию, раскол элиты и паралич государства, армия смогла не только перехватить инициативу, но и полностью взять под контроль сам революционный процесс, подменив смену власти «переходным» военным правительством.

Полноценное изучение таких явлений поможет ответить на вопросы и о том, как ход революций может резко оборваться, какие нетипичные акторы могут проявить себя в процессе революционных событий и чем можно дополнить список факторов нестабильности и трансформаций режима.

Страны Африки южнее Сахары (АЮС), названные выше, являются примером сразу нескольких тенденций в рамках дестабилизационных процессов, которые начались в 2010-е гг. В первую очередь эти события связаны с «арабской весной». Цепная реакция арабских бунтов и революций распространялась через социальные сети: активисты по всему миру пытались подражать тунисским и египетским революционерам, перенимая их стратегии и лозунги. То же самое произошло в Буркина-Фасо, где активи-

сты назвали свой мобилизационный успех «черной весной» или «буркинийской весной» [18]. Стратегии по перекрытию дорог и площадей массой людей также напрямую отсылают к «арабской весне».

В то же время перевороты в перечисленных выше странах АЮС должны привлечь внимание к одной малоизвестной особенности региона, о котором идет речь. Зона Сахеля и граничащие с ней страны Западной и Восточной Африки получили прозвище «пояс переворотов» за зашкаливающее количество военных переворотов в сравнении с любыми другими регионами мира. Так, например, в Судане за его независимую историю произошло 16 военных переворотов и их попыток, в Сьерра-Леоне и Гвинее-Биссау – по 10 [22]. Неудивительно, что подавляющая часть куволюций, симбиоза революции с военным переворотом, происходит именно в этой части мира. События с одинаковым сценарием проходили и по соседству с Буркина-Фасо: в Нигере в 2010 и 2023 гг., в Судане в 2019 г. и в Мали в 2012 г., а в некоторых из этих случаев сценарий неоднократно повторялся (например, в Мали подобные события имели место и в 1990-х и в 2020-х гг.). При этом научное объяснение такой концентрации переворотов в настоящий момент отсутствует [23].

Сахель – это одна из самых бедных частей мира, постоянно переживающая голод и нехватку ресурсов. При этом есть немало других регионов мира с похожими проблемами (Тропическая Африка, Карибский бассейн, Центральная и Южная Азия, Юго-Восточная Азия), но не было такого количества и разнообразия военных переворотов.

Куволюция как явление удивительно вписывается в теорию революции. Мы имеем возможность видеть в куволюциях такие классические революционные черты, как социально-экономическую неудовлетворенность общества, раскол элит, неспособность власти закрыть общественные потребности и, наконец, уличные протесты в больших городах, возглавляемые представителями различных оппозиционных групп со своим видением будущего страны. Кульминация же куволюции необратимо выносит нас за рамки классического понимания революции. Куволюция – это революция, которая пошла не по стандартному сценарию – бурное революционное движение в последний момент прерывается вмешательством военных.

Интригующей особенностью куволюции является то, что военные не поддерживают режим и не выступают в качестве реакционной силы. Более того, они уничтожают режим гораздо стремительнее, чем протестующие по несколько месяцев революционеры.

В связи с приведенными выше соображениями, представляется, что куволюция является крайне перспективным для изучения феноменом. Революция и переворот одновременно в равной степени присутствуют в этом феномене, существуют неразрывно друг от друга, представляя собой единое политическое событие. Внимание к куволюциям и их изучение может стать новым перспективным направлением в политической науке и существенно дополнить теорию революций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Куволюции являются новым и перспективным направлением для изучения, при этом оставаясь практически исключительно африканским явлением. Таким образом, феномен, описанный выше, представляется интересным как для африканистов, так и для политологов, а также для всех интересующихся политическим ландшафтом Африканского континента.

Для будущих исследований крайне интересным может стать вопрос, почему военные ведут себя таким необычным образом? Какие специфические факторы приводят к тому, что они занимают в куволюционных событиях особую третью позицию, которая не является радикально оппозиционной, но и не поддерживает установившийся в стране режим?

Предварительно можно предположить на примере египетского случая, что армия, как и оппозиция, может быть недовольна неограниченной централизацией власти, недостаточным финансированием армии и отсутствием серьезного представительства во власти. При этом армия имеет необходимые силы и ресурсы для оказания давления на режим и его свержения. Однако глубокое понимание процессов и механизмов куволюции возможно только в рамках подробного рассмотрения конкретной специфики отдельных случаев, которые произойдут в будущем.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Lawson G. 2017. *Negotiated Revolutions: The Czech Republic, South Africa and Chile*. Routledge.

2. Beck C.J. 2018. The structure of comparison in the study of revolution. *Sociological Theory*. Vol. 36. № 2. Pp. 134–161. DOI: 10.1177/0735275118777004.
3. Goldstone J.A., Grinin L., Korotayev A. 2022. Introduction. Changing yet persistent: Revolutions and revolutionary events. *Handbook of Revolutions in the 21st Century*. Springer, Cham, Pp. 1–34. DOI: 10.1007/978-3-030-86468-2_1.
4. Toronto N. 2011. Egypt's 'Coup-volution'. *Middle East Insights*. Vol. 6. Pp. 1–3.
5. Beissinger M.R. 2022. The revolutionary city: Urbanization and the global transformation of rebellion. Princeton University Press.
6. Cassell K.J. 2021. Representation in the Americas: Perceptions of External Efficacy in the 2018/19. *AmericasBarometer*.
7. Korotayev A., Khokhlova A. 2022. Revolutionary events in Mali, 2020–2021. *New Wave of Revolutions in the MENA Region: A Comparative Perspective*. Cham: Springer International Publishing. Pp. 191–218. DOI: 10.1007/978-3-031-15135-4_9.
8. Amin G.A. 2011. Egypt in the era of Hosni Mubarak: 1981–2011. Oxford University Press.
9. Aoudé I.G. 2013. Egypt: Revolutionary process and global capitalist crisis. *Arab Studies Quarterly*. Vol. 35. № 3. Pp. 241–254. DOI: 10.13169/arabstudquar.35.3.0241.
10. Rubin B. 2011. Reflections on the revolution in Egypt. *MERIA Journal*. Vol. 15. № 3.
11. Goldstone J.A. 2011. Understanding the revolutions of 2011: Weakness and resilience in Middle Eastern autocracies. *Foreign Affairs*. Pp. 8–16.
12. Christensen C. 2011. Twitter revolutions? Addressing social media and dissent. *The Communication Review*. Vol. 14. № 3. Pp. 155–157. DOI: 10.1080/10714421.2011.597235.
13. Shorbagy M. 2007. The Egyptian movement for change – Kefaya: Redefining politics in Egypt. *Public Culture*. Vol. 19. № 1. Pp. 175–196. DOI: 10.1215/08992363-2006-029.
14. Maher A. 2011. Reforming government employees performance appraisal system in New Egypt: (After the 25th January revolution). *Journal of Emerging Trends in Economics and Management Sciences*. Vol. 2. № 5. Pp. 399–401.
15. Korotayev A., Zinkina J. 2011. Egyptian revolution: a demographic structural analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar*. Vol. 13. № 2011. Pp. 139–169.
16. Васильев А.М., Виноцкий Д.И. Новый виток египетской революции. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 1. С. 4–11.
17. Васильев А.М., Коротаев А.В., Исаев Л.М. Военные вновь у власти? Выборы в Египте. *Азия и Африка сегодня*. 2014. № 10. С. 2–7.
18. Панов А.А. «Блэз Компаоре – мертв, Тома Санкара – жив!»: образы, нарративы и дискурсы народного восстания в Буркина-Фасо (2014–2015 гг.). *Новое прошлое*. 2016. № 4. С. 111–138. DOI: 10.18522/2500-3224-2016-4-111-138.
19. Жамбиков А.М. Политический кризис в Буркина Фасо. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 8. С. 50–55.
20. Коротаев А.В., Ликумович Я.Б., Хохлова А.А. Революционные события в Мали (1960–2021 гг.). Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Революционные процессы в африканской макроне нестабильности и их глобальный контекст. 2021. С. 329–370.
21. Денисова Т.С. Военный переворот 5 сентября 2021 г. в Гвинее. 2021. <https://inafran.ru/node/2542> (accessed 01.03.2023)
22. Karasik T. 2022. Africa's 'coup belt' facing further upheaval. <https://arab.news/ypd45> (accessed 09.01.2023)
23. Коротаев А.В., Исаев Л.М., Зинкина Ю.В. Новая волна революций в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в глобальной перспективе. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. 2022. Т. 13. С. 33–73. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_02.
24. Korotayev A.V., Issaev L.M., Zinkina Yu.V. 2022. New Wave of Revolutions in Regions of Middle East and North Africa in Global Perspective. Systemic monitoring of global and regional risks. Vol. 13. Pp. 33–73. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Файн Егор Денисович, аспирант политических наук НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Egor D. Fain, Post-graduate student (Political Science), HSE; Junior Researcher, Centre for Stability and Risk Analysis, HSE, Moscow, Russia.

Поступила в редакции
(Received) 07.06.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 14.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 27.09.2023

DOI: 10.31857/S032150750024812-5

Пятидесятничество и социально-политические изменения в странах Тропической Африки

© Мязин Н.А.^a, 2023

^a Калужский государственный университет
им. К.Э.Циолковского,
Калуга, Россия

ORCID: 0000-0002-9819-0732; marknote@rambler.ru

Резюме. Первые пятидесятнические миссионеры прибыли в Африку в начале XX в., новое учение стало активно распространяться во второй половине XX в. К настоящему времени пятидесятники стали самой большой протестантской деноминацией, они составляют около 7,5% населения Африки. Существовало два направления пятидесятничества: консервативное и реформированное, в котором получило распространение евангелие процветания, обещавшее верующему достижение материального благополучия в качестве награды за веру и соблюдение заповедей. Пятидесятническое движение мозаично, децентрализовано и не поддается четкой классификации. В церквях нового типа большое значение имели пасторы, некоторые из которых стали долларовыми multimillionерами. Распространение пятидесятничества упрощало отказ от общинного строя, который препятствовал экономическому развитию, повышению роли женщины в церкви и в семье, помогало адаптироваться к новой жизни горожанам в первом поколении и людям, подверженным зависимостям. Прогнозы, что пятидесятничество будет способствовать экономическому росту африканских стран, не сбылись.

Ключевые слова: Африка, пятидесятничество, харизматическое движение, политика, миссионерство, традиционные религии

Для цитирования: Мязин Н.А. (Калуга). Пятидесятничество и социально-политические изменения в странах Тропической Африки. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 59–65. DOI: 10.31857/S032150750024812-5

Pentecostalism and Social and Political Changes in Sub-Saharan Africa

© Nikolay A. Myazin^a, 2023

^a Tsiolkovski Kaluga State University, Kaluga, Russia
ORCID: 0000-0002-9819-0732; marknote@rambler.ru

Abstract. The first Pentecostal missionaries arrived in Africa in the early 20th century, and the new doctrine began to spread rapidly in the second half of the 20th century. By now Pentecostals have become the largest Protestant denomination, comprising about 7.5% of the population of Africa. There were two branches of Pentecostalism: conservative and Reformed, in which the prosperity gospel spread, promising the believer the achievement of material prosperity as a reward for faith and observance of the commandments. The Pentecostal movement is mosaic, decentralized, and does not lend itself to clear categorization. Pastors, some of whom became dollar multimillionaires, were of great importance in the new type of churches. The spread of Pentecostalism promoted a departure from the communal system that hindered economic development, increased the role of women in the church and family, and helped first-generation city dwellers and people with addictions adjust to the new life. Predictions that Pentecostalism would contribute to economic growth in African countries did not materialize.

Keywords: Africa, Pentecostalism, Charismatic movement, politics, missionaryism, traditional religions

For citation: Myazin N.A. (Kaluga). Pentecostalism and Social and Political Changes in Sub-Saharan Africa. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 59–65. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750024812-5

ВВЕДЕНИЕ

Целью статьи является исследования влияния пятидесятничества на общество постколониальной Африки, а именно: изучение влияния пятидесятничества на экономическое развитие, модернизацию общественных отношений, а также участие пятидесятнических церквей в политической жизни.

Африканское пятидесятничество подробно рассмотрено в работах Алана Андерсона, который обращает основное внимание на изменение духовного мира [1; 2]. Т.А.Захаров и Н.А.Уланова уделяют внимание росту влияния пятидесятничества на общественно-политическую жизнь африканских стран [3]. Н.В.Воронина и Т.А.Силич рассматривают участие пятидесятнических церквей в общественно-политической жизни в ЮАР [4; 5].

Среди протестантских деноминаций Африки наиболее широкое распространение получило молодое христианское направление – пятидесятничество. Особенностью пятидесятничества является наличие особого духовного опыта – крещения Святым Духом, которое, как правило, происходит после покаяния в грехах предшествующей жизни. Пятидесятники считают, что верующие могут получить духовные дары: дар говорения на иных языках (глоссолалии), исцеления и пророчества. Особую роль играют эсхатологические настроения – вера в то, что они живут в последние времена и скоро должно произойти второе пришествие Христа [6, p. 480].

Вскоре после возникновения пятидесятничества – пробуждения на Азуза-стрит в 1906 г. – в Африку направились первые проповедники. По данным метаисследования Дэвиса Брауна и Джеймса Патрика, к 2015 г. число пятидесятников в Африке выросло до 86 млн. человек, что составляло 7,5% населения Африки, наибольшее число пятидесятников проживали в Нигерии – 20,5 млн. (11% населения), Кении – 13,7 млн. (29% населения) и Демократической республике Конго – 11,1 млн. (15,5% населения) [7]. По оценкам И.А. Захарова, за последние 15 лет рост числа пятидесятников замедлился, доля пятидесятников среди протестантов практически не увеличилась [8, с. 80]. По числу пятидесятников Африка занимает первое место в мире, по доле пятидесятников – второе, уступая Латинской Америке.

В качестве пятидесятников рассматриваются в том числе и приверженцы харизматических протестантских церквей, которые практикуют те же духовные дары, что и пятидесятники, но появились на 60 лет позднее. Они предпочли не присоединяться к международному пятидесятническому движению и определяют себя как независимые харизматические церкви¹. Харизматические церкви создаются вокруг своего основателя и имеют горизонтальную организационную структуру, более простую в сравнении с пятидесятническими церквями, нередко религиозные организации могут иметь черты и пятидесятников, и харизматов одновременно [4, p. 67].

Независимые афро-христианские церкви не рассматриваются в качестве пятидесятнических, так как, несмотря на применение схожих духовных практик, существенно отличаются от них, поскольку считают Христа Мессией белых и ожидают прихода своего, африканского Мессии. Афро-христианские церкви основывают свою теологию, прежде всего, на Ветхом Завете [9, с. 129–134].

ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВО И ОБЩЕСТВО

В 1960 г. пятидесятники составляли менее 1% населения Африки. Вследствие урбанизации ослабели традиционные для африканского общества патронатно-клиентские отношения, когда люди прибегали к помощи традиционного этнического лидера – «большого человека». Христианские церкви помогали горожанам в первом поколении адаптироваться к новой жизни, заменой деревенской общине нередко становилась община религиозная [10, p. 9–11]. Особенно активно действовали пятидесятнические церкви, за десятилетие доля пятидесятников в населении Африки выросла в три раза [7].

В 1970-е гг. среди пятидесятнических церквей стало распространяться евангелие процветания – учение, которое гласило, что Святой Дух должен обеспечить успех, здоровье и материальное благополучие праведному христианину. Пятидесятническое движение можно разделить на консервативное и реформистское (в зарубежной историографии оно также называется неопятидесятничеством). Консерваторы строго разделяли церковное и мирское. Реформисты продвигались в мирские сферы жизни: бизнес, образование, политику, масс-медиа. Они подчеркивали влияние Святого Духа на мирские стороны обычной жизни [11, p. 43–47]. Пятидесятничество очень мозаично. Консервативные церкви могут принимать новые элементы, реформированные – использовать более консервативные формы служения, многие церкви соединяют консервативные и реформаторские элементы, и их не получится отнести к тому или иному «полюсу». Пятидесятничество оказалось ближе к сознанию многих африканцев, чем рационали-

¹ Харизматическое движение в 1960-е гг. возникло и внутри католической церкви, католикам-харизматам разрешили остаться внутри католической церкви, и к настоящему времени это движение практически угасло (*прим. авт.*).

стическое понимание христианства, отделявшее светское от духовного, характерное для традиционного протестантизма, или духовный изоляционизм, присущий ранним пятидесятникам. Евангелие процветания было особенно востребовано в условиях, когда большинство африканских государств не могли обеспечить уверенность в завтрашнем дне своим гражданам [12, р. 181].

В 1990 г. Дэвид Мартин провел аналогии между теорией Макса Вебера о большой роли кальвинизма в развитии протестантской трудовой этики и формировании капитализма и распространением пятидесятничества [13, р. 205–206]. Эта теория стала популярной, предполагалось, что распространение пятидесятничества будет способствовать распространению протестантской трудовой этики и развитию глобального юга. Вместе с тем пятидесятники оказались не похожи на пуритан XVII в. В основе кальвинизма лежали труд и мирской аскетизм. По мнению Макса Вебера, кальвинисту вменялось в обязанность считать себя избранником Божиим. В качестве средства для обретения внутренней уверенности в спасении рассматривалась неумолимая работа по своей профессии [14, с. 86–87]. В основе евангелия процветания лежало потребление [15, р. 143–144]. Новые пятидесятники считали, что Святой Дух должен удовлетворять их потребности в здоровье, семейном благополучии и материальном успехе в обмен на искреннюю молитву, соблюдение заповедей и пожертвование десятины в пользу церкви. В реформированном пятидесятничестве усилилась роль лидеров – многие церкви были сформированы вокруг личности пастора [16, р. 71–72]. Представляется обоснованным мнение Бенджамина Кирби о том, что пятидесятничество не обладало такой же способностью формировать практическое поведение, как пуританизм в эпоху Нового времени, к тому же практика духовных даров, используемая пятидесятниками, далека от рационализма пуритан [17, р. 577–579].

В условиях нищеты значительной части африканского населения проповедники, которые уделяли большое внимание материальному благополучию, выглядели современно и привлекательно. Такие пасторы обращались к массовой аудитории в мегацерквях и активно использовали средства массовой информации. Под церкви перепрофилировали магазины, склады, рестораны и ночные клубы. Многие церкви стали вкладывать значительные средства в развитие церковной инфраструктуры. Возводились грандиозные молитвенные сооружения, школы, гостевые дома, общежития, виллы для VIP-гостей [18, р. 1–2]. Наряду с созданием мегацерквей, собирающих на воскресное служение десятки тысяч верующих, реформированные пятидесятники проводили масштабные уличные богослужения и шествия («крестовые походы»).

Женщины чаще, чем мужчины, становились пятидесятниками. Хотя пятидесятничество и поддерживало модель патриархальной семьи, власть мужчины ограничивалась необходимостью соблюдения заповедей [19, р. 132]. Мужчины в сложной жизненной ситуации чаще не шли в церковь, а прибегали к помощи целителей и колдунов [20, р. 689–694], что могло быть следствием преобладания коллективной религиозности у женщин и индивидуальной религиозности у мужчин.

Некоторые пасторы крупных пятидесятнических церквей стали мультимиллионерами. Самым богатым считается епископ нигерийской «Международной церкви живой веры» Дэвид Ойедепо. По данным журнала *Forbes*, его состояние в 2011 г. составляло \$150 млн². Дэвид Ойедепо – епископ самой большой африканской мегацеркви, его церковь в столице Нигерии Лагосе регулярно посещают 275 тыс. человек, имеются дочерние церкви в других странах Африки. Из 12 руководителей крупнейших мегацерквей Африки 5 – мультимиллионеры^{3,4}. Выдвигались и обвинения в отношении тех пасторов, которые быстро разбогатели. В соответствии с традиционным мировоззрением они чаще обвинялись не в коррупции, а в колдовстве, используя которое они обогатились [21, р. 460].

Обещание процветания обеспечивало не только привлекательность пятидесятничества, но и оказалось его слабой стороной. Большинство верующих африканцев не смогли добиться успеха, который был им обещан [22, р. 460]. В настоящее время многие церкви отказались от идей евангелия процветания.

В сельской местности пятидесятничество оказывало позитивное влияние на экономическое развитие тем, что новообращенные могли избежать участия в дорогостоящих распределительных ритуалах (когда один или несколько человек оплачивали многодневный праздник всей деревне). Это помогало фермерам сохранять свои средства и инвестировать их в дальнейшее развитие [23, р. 11–13].

² Nsehe M. The Five Richest Pastors in Nigeria. *Forbes*. 07.06.2011. <https://www.forbes.com/sites/mfonobongnsehe/2011/06/07/the-five-richest-pastors-in-nigeria/?sh=6c59ab036031> (accessed 04.03.2023)

³ Top 15 Richest Pastors In Africa – 2022 Review. *Dailygistgh.com*. <https://dailygistgh.com/about-us/> (accessed 04.03.2023)

⁴ Erin J. Top 20 Richest Pastors in the World 2022. *Forbes*. <https://ecocnn.com/richest-pastors-world-forbes/> (accessed 04.03.2023)

Доля представителей традиционных религий неуклонно снижается: (1980 г. – 26%, 2000 г. – 17%, 2015 г. – 13%) [7], вместе с тем старые верования не исчезли бесследно. Л.А. Андреева отмечает, что для христианства постколониальной эпохи было характерно слияние некоторых элементов местных религий с христианством [24, с. 22]. Приверженцы данного мировоззрения являются христианами, но для решения повседневных вопросов, связанных со здоровьем и материальным благополучием, они обращаются к целителям и шаманам, которые, помимо духовных практик, используют средства народной медицины [25, р. 646].

Распространение магических практик чрезвычайно широко – амулеты используются для успеха в бизнесе и личной жизни, для защиты от пуль преступниками и полицией, знахарями и пасторами для достижения профессионального успеха. Специальные колдовские ритуалы проводятся даже для успеха при совершении мошеннических действий на сайтах интернет-знакомств [26, р. 690–691]. Пятидесятники признают реальность духовного мира, но считают колдовство и общение с предками делом рук дьявола, важная часть христианских ритуалов состоит в избавлении от сатаны [1]. При этом демоны нередко воспринимаются не как падшие ангелы, а как традиционные африканские божества [2, р. 122].

Благодаря распространению пятидесятничества и исламского фундаментализма значение двоеверия в жизни африканцев несколько снизилось [27, р. 24]. Вероятно, традиционные религии обречены исчезнуть, двоеверие сохранится, при этом наиболее открытые проявления в виде жертвоприношения животных будут постепенно идти на спад.

УЧАСТИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

После обретения странами Африки независимости для многих африканцев религия стала основой идентичности, во многих случаях более значимой, чем национальная принадлежность [28, р. 87]. По данным социологического исследования *Afrobarometer*, прошедшего в 34 странах, религиозные лидеры пользовались самым большим доверием в обществе – большим, чем армия и правительство [29, р. 9].

Политические элиты африканских стран использовали религиозные общины для мобилизации избирателей, не избежали этого и пятидесятнические церкви. В странах с активной политической конкуренцией начиная с 1990-х гг. власти нередко поддерживали распространение пятидесятничества, которое (особенно в виде евангелия процветания) оправдывало неравенство и представляло политическую элиту как избранных Богом руководителей [30, р. 23]. Многие лидеры пятидесятников стремились получить моральную и материальную поддержку правительства, поскольку они не имели такого исторического опыта, как Римско-католическая и традиционные протестантские церкви, который мог бы предостеречь их от «заигрывания» с политиками. Поддержка пятидесятнических церквей получила распространение в Бенине, Бурунди, Гане, Замбии, Кении и Кот-Д'Ивуаре [30, р. 46]. Правители Ганы и Бенина в борьбе с колониальным наследием в 1970-е гг. поддерживали традиционные верования, которые тем не менее продолжали терять популярность. Вынужденные в начале 1990-х гг. восстановить многопартийность, они прекратили поддерживать традиционные верования, поскольку это не приносило политических дивидендов, вместо этого стали уделять внимание пятидесятникам [31, р. 140–143; 32, р. 93].

Поддержка пятидесятничества, как правило, не была связана с личными религиозными убеждениями правителей. В странах без политической конкуренции распространение пятидесятничества могло встречать противодействие власти [32, р. 66–71]. В отдельных случаях пятидесятники занимали высшие государственные должности. Пятидесятничество исповедовал президент Замбии (1991–2002 гг.) Фредерик Чилуба [33, р. 509], пятидесятником является премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед Али⁵, который в 2019 г. получил Нобелевскую премию мира за решение пограничного конфликта с Эритреей.

Пятидесятническое движение не было единым, политические предпочтения отдельных церквей (а также прихожан этих церквей) существенно различались [34, р. 93]. В ЮАР харизматическую церковь «Рема» неоднократно посещали президент страны, представители политического истеблишмента и деловых кругов [5, с. 7], в свою очередь, другая церковь – «Миссия ассамблеи веры» – критиковала власть за коррупцию и нарушение христианской морали [4, с. 69]. Во время подготовки референдума об изменении Конституции Кении в 2005 г. большинство пятидесятников (но не все) так же, как католики и

⁵ God Wants Ethiopians to Prosper. The Economist. 24.11.2018. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2018/11/24/god-wants-ethiopians-to-prosper> (accessed 11.03.2023)

большинство протестантов, выступили против проекта Конституции Кении, предусматривавшего в том числе создание шариатских судов, которые действовали бы только в отношении мусульман⁶.

В Нигерии во время правления президента-мусульманина Сани Абача, пришедшего к власти в результате военного переворота, лидеры католиков и основных протестантских церквей выступали против него. Католическая церковь создала комиссию, которая координировала деятельность по защите прав человека. Пятидесятнические церкви не присоединились к этой борьбе. Они характеризовали свою работу как духовное наступление, направленное не на угнетающую общественно-политическую систему, а на дьявола и другие злонамеренные «силы и княжества», с которыми нужно бороться посредством молитв.

Пятидесятники были больше заинтересованы в социальной работе – в школах, детских домах и учреждениях здравоохранения; реабилитации наркозависимых и ВИЧ-инфицированных, чем в политической деятельности. В тоже время в странах с серьезным межконфессиональным напряжением между христианами и мусульманами, пятидесятники выступали на стороне своих единоверцев⁷.

По мнению И.А.Захарова и Н.А.Улановой, наиболее реалистичный сценарий участия пятидесятников в политической жизни – конфронтация пятидесятнических церквей, критикующих властные структуры во имя социальной справедливости, и государства [3, с. 173]. Политическое влияние пятидесятников постепенно растет, но они не являются самостоятельными игроками, а поддерживают те или иные политические силы, которые заявляют о защите христианских ценностей. По мнению автора, более реалистичным представляется повторение латиноамериканского сценария, когда влияние пятидесятников на электоральный выбор прихожан останется довольно ограниченным, поскольку религиозная принадлежность является только одним из основных факторов при определении электорального выбора. Можно обратиться к опыту крупнейшей страны Латинской Америки – Бразилии – со значительной долей пятидесятников (более 15%) и большим по сравнению со странами Тропической Африки периодом независимости. Крупнейшие пятидесятнические церкви Бразилии сотрудничают с «дружественными» партиями, представленными в парламенте. Вместе с тем только пятая часть протестантов голосовали за тех кандидатов, которых им указали в церкви. Этому способствовали как участие отдельных депутатов в коррупционных скандалах, так и подписанная основными церквями декларация о том, что политические воззрения руководителей церкви являются их частным делом и не отражают позиции церкви. Более типично совместное голосование депутатов пятидесятнического вероисповедания из разных партий по социальным вопросам и вопросам морали [35]. Вероятно, участие пятидесятников в политической жизни в Африке будет развиваться по похожему сценарию. В Латинской Америке в конце 2010-х гг. пятидесятники играли консолидирующую роль в христианском движении за защиту традиционных ценностей и против легализации однополых браков [36, р. 101–102], в настоящее время данный вопрос не актуален для большинства африканских стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За столетие существования в Африке пятидесятничество прошло путь от отдельных иностранных миссионеров и их последователей до самой крупной протестантской деноминации континента, по доле пятидесятников в населении (7,5%) Африка уступает только Латинской Америке (10,3%) [7]. Период основного роста пятидесятнических церквей пришелся на время после обретения независимости, в 2000-е гг. рост замедлился.

Изначально пятидесятничество было сосредоточено на духовных изменениях и изолировало себя от мирского. Начиная с 1970-х гг. широкое распространение получило евангелие процветания, обещавшее верующему достижение материального благополучия. В церквях нового типа большое значение имели пасторы, некоторые из них стали долларовыми мультимиллионерами. Эти пасторы охотнее поддерживали действующую власть по сравнению с Римско-католической и традиционными протестантскими церквями.

⁶ Historical Overview of Pentecostalism in Kenya Origins and Growth. Pew Research Center. 05.08.2010. <https://pewforum.org/2010/08/05/historical-overview-of-pentecostalism-in-kenya/> (accessed 11.03.2023)

⁷ Overview: Pentecostalism in Africa. Pew Forum. 05.10.2006. <https://www.pewforum.org/2006/10/05/overview-pentecostalism-in-africa/> (accessed 11.03.2023)

Пятидесятничество помогало отказаться от общинного строя, тормозившего экономическое развитие общества. Повысилась роль женщин как в церкви, так и в семье. Социальные проекты пятидесятников помогли многим людям избавиться от зависимостей, христианская мораль способствовала укреплению семей, что улучшало качество жизни. Распространение пятидесятничества способствовало снижению социальной напряженности в обществе, особенно среди горожан в первом поколении. Пятидесятничество способствовало позитивным изменениям в жизни отдельных людей, но распространение новой деноминации не привело к существенным изменениям в обществе. Прогнозы, что пятидесятничество будет способствовать экономическому росту африканских стран, не сбылись. Вероятно, это невозможно в принципе – роль религии в жизни общества уменьшилась, а для развития экономики необходимо, прежде всего, не изменение трудовой этики, а доступ к современным технологиям, капиталу и рынкам сбыта.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Anderson A. The African Spirit World and Pentecostalism. Research Seminar, University of Roehampton. 20.03.2018. https://www.academia.edu/36874686/The_African_Spirit_World_and_Pentecostalism (accessed 10.03.2023)
2. Anderson A. 2006. Exorcism and Conversion to African Pentecostalism. *Exchange*. Vol. 35. № 1. Pp. 116–133.
3. Захаров И.А., Уланова Н.А. Мобилизационный потенциал пятидесятничества в современной Африке. *Восток (Oriens)*. 2022. № 2. С. 165–176.
Zakharov I.A., Ulanova N.S. 2022. Mobilization Potential of Pentecostalism in Modern Africa. *Vostok (Oriens)*. № 2. Pp. 165–176.
4. Воронина Н.В. «Миссия апостольской веры ЮАР» и вызовы современности. *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 1. С. 66–70.
Voronina N.V. 2015. “Apostolic Faith Mission of South Africa” and the challenges of modernity. *Asia and Africa today*. № 1. Pp. 66–70.
5. Силич Т.А., Воронина Н.А. Взаимоотношения церкви и политики (на примере ЮАР в XX–XXI вв.). *Либерально-демократические ценности*. 2017. № 3.
Silich T.A., Voronina N.A. 2017. Church Relations and Politics (on the example of South Africa in the XX–XXI centuries). *Journal of liberal-democratic values*. № 3.
6. Johnson T.M. The Global Demographics of the Pentecostal and Charismatic Renewal. *Society*. 2009. Vol. 46. Pp. 479–483.
7. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. Center for Open Science. <https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage> (accessed 17.02.2023)
8. Захаров И.А. Распространение пятидесятничества в Африке. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 12. С. 77–84. DOI: 10.31857/S032150750023566-4.
Zaharov A.I. 2022. The Expansion of Pentecostalism in Africa. *Asia and Africa today*. № 12. Pp. 77–84. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750023566-4.
9. Мосейко А.Н., Харитонов Е.В. Афро-христианское самосознание и афро-христианская идентичность в Африке и США. *Человек*. 2018. № 3. С. 129–134.
Mosejko A.N., Haritonova E.V. 2018. African-Christian Identity and African-Christian Identity in Africa and the United States. *The Human*. № 3. Pp. 124–144. (In Russ.)
10. McCauley J. 2012. Africa’s New Big Man Rule? Pentecostalism and Patronage in Ghana. *African Affairs*. Vol. 112. Pp. 1–21.
11. Comaroff J. 2012. Pentecostalism, Populism and the New Politics of Affect. Ed. Freeman D. Pentecostalism and Development. Churches, NGOs and Social Change in Africa. Palgrave Macmillan. Pp. 41–66.
12. Olupona J.K. 2012. The Changing Face of African Christianity: Reverse Mission in Transnational and Global Perspectives. Eds. Olúfúnké M., Vaughan O. Transnational Africa and Globalization. Palgrave Macmillan. New York. Pp. 179–194.
13. Martin D. 1990. Tongues of Fire: The Explosion of Protestantism in Latin America. Oxford: Blackwell. 368 p.
14. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. М., СПб. 2017. 656 с.
Weber M. 2017. Selected: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. М., SPb. 656 p. (In Russ.)
15. Adeboye O. Pentecostal Challenges in Africa and Latin America: a Comparative Focus on Nigeria and Brazil. *Afrika Zamani*. 2003–2004. № 11–12. Pp. 136–159.
16. Hasu P. 2012. Prosperity Gospels and Enchanted Worldviews: Two Responses to Socio-economic Transformation in Tanzanian Pentecostal Christianity. Ed. Freeman D. Pentecostalism and Development. Churches, NGOs and Social Change in Africa. Palgrave Macmillan. Pp. 67–86.
17. Kirby B. 2019. Pentecostalism, Economics, Capitalism: Putting the Protestant Ethic to Work. *Religion*. Vol. 49. № 4. Pp. 571–591.

18. Kgatle M. 2017. The Unusual Practices within some Neo-Pentecostal Churches in South Africa: Reflections and Recommendations. *HTS Theological Studies*. Vol. 73. № 3. Pp. 1–8. <https://repository.up.ac.za/handle/2263/63331> (accessed 01.03.2023)
19. Robbins J. 2004. The globalization of Pentecostal and Charismatic Christianity. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 33. P. 117–143.
20. Pfeiffer J., Gimbel-Sherr K., Joaquim O.A. 2007. The Holy Spirit in the Household: Pentecostalism, Gender, and Neoliberalism in Mozambique. *American Anthropologist*. Vol. 109. № 4. Pp. 688–700.
21. Meyer B. 2004. Christianity in Africa: From African Independent to Pentecostal-Charismatic Churches. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 33. Pp. 447–474.
22. Meyer B. 2007. Pentecostalism and Neo-Liberal Capitalism: Faith, Prosperity and Vision in African Pentecostal-Charismatic Churches. *Journal for the Study of Religion*. Vol. 20. № 2. Pp. 5–28.
23. Freeman D. 2015. Pentecostalism and Economic Development in Sub-Saharan Africa. Ed. Emma T. The Routledge Handbook of Religions and Global Development. Routledge. Pp. 1–19.
24. Андреева Л.А. Афрохристианская и афроисламская цивилизационные идентичности в Тропической Африке. *Социальные исследования*. 2016. № 2. С. 19–31.
Andreeva L.A. 2016. Afro-Christian and Afro-Islamic Civilizational Identity in sub-Saharan Africa. *Social Researchers*. № 2. Pp. 19–31.
25. Kleinhempel U.R. 2017. Covert Syncretism: the Reception of South Africa's Sangoma Practise and Spirituality by "Double Faith" in the Contexts of Christianity and of Esotericism. *Open Theology*. № 3. Pp. 642–661.
26. Tade O. 2013. A Spiritual Dimension to Cybercrime in Nigeria: the "Yahoo Plus" Phenomenon. *Human Affairs*. Vol. 23. № 4. Pp. 689–705.
27. Rio K., MacCarthy M., Blanes R. 2017. Introduction to Pentecostal Witchcraft and Spiritual Politics in Africa and Melanesia. Eds. Rio K., Blanes R., MacCarthy M. Pentecostalism and Witchcraft. Contemporary Anthropology of Religion. Pp. 1–36.
28. Abbink J. 2014. Religion and Politics in Africa: The Future of "The Secular". *Africa Spectrum*. Vol. 49. № 3. Pp. 83–106.
29. Howard B. 2020. Religion in Africa: Tolerance and Trust in Leaders are High, but Many would Allow Regulation of Religious Speech. *Afrobarometer Dispatch*. № 339. Pp. 1–19.
30. Sperber E. 2017. Deus ex Machina? New Religious Movements in African Politics. Columbia University. 175 p.
31. Witte M. 2004. Afrika's Dilemma: Reframing African Authenticity in a Christian Public Sphere. *Etnofoor*. Vol. 17. № 1–2. Pp. 133–155.
32. Peel J.D.Y. 2016. Christianity, Islam, and Orisa-Religion. Three Traditions in Comparison and Interaction. University of California. 310 p.
33. Zalanga S. 2010. Religion, Economic Development and Cultural Change: the Contradictory Role of Pentecostal Christianity in Sub-Saharan Africa. *Journal of Third World Studies*. Vol. 27. № 1. Pp. 43–62.
34. Gifford P. 2015. The Developmental and Political Role of Africa's Pentecostal Churches. *International Reports of the Konrad-Adenauer-Stiftung*. № 10. Pp. 81–94.
35. Мязин Н.А. Пятидесятничество и социально-политические изменения в странах Латинской Америки. *Латинская Америка*. 2023. № 4. С. 66–78.
Miazin N.A. 2023. Pentecostalism and socio-political changes in Latin America. *Latin America*. № 3. Pp. 66–78.
36. Pérez Guadalupe J.L. 2019. Evangelicals and Political Power in Latin America. Lima: Instituto de Estudios Sociales Cristianos. 192 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мязин Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия.

Nikolay A. Myazin, PhD (History), Associate Professor, Tsiolkovski Kaluga State University, Kaluga, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.06.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 01.07.2023

Принята к публикации
(Accepted) 16.08.2023

Реализация возможностей как драйвер африканской экономической миграции в Европу

© Андреева Л.А.^а, 2023

^а Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-6418-5775; larchen1969@gmail.com

Резюме. В статье на основании данных социологических исследований предпринимается попытка дать комплексную характеристику роли реализации возможностей как драйвера африканской экономической миграции в Европу. Установлено, что особое значение имеет то, что подавляющее большинство экономических мигрантов являются городскими жителями. Опыт быстрой урбанизации на континенте служит фоном для нелегальной африканской миграции в Европу. Около половины мигрантов имели родственников, которые ранее переехали в другие африканские страны или ЕС.

Идея личной мобильности является одним из движущих факторов влияния на принятие решения о миграции. Мигранты во многих случаях образованнее, чем их сверстники в их родных странах. Это говорит о том, что повышение уровня образования значительно расширило горизонты и амбиции человека. Были сделаны выводы, что экономические мотивы, тесно связанные с самореализацией, сыграли основополагающую роль в стимулировании миграции из Африки в Европу.

Социологический портрет молодежи Африки, зафиксировавший доминирование в мировоззрении личных и предпринимательских амбиций, и уверенность в своем личном будущем показывает, что стремление реализовать свои возможности, которое невозможно удовлетворить на Африканском континенте, является одним из долгосрочных драйверов потенциальной готовности к экономической миграции.

Ключевые слова: миграция, молодежь, Африка, Европа, реализация возможностей

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (№ 22-18-00123).

Для цитирования: Андреева Л.А. Реализация возможностей как драйвер африканской экономической миграции в Европу. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 66–73. DOI: 10.31857/S032150750028105-7

Realization of Opportunities as a Driver of African Economic Migration to Europe

© Andreeva L.A.^а, 2023

^а Institute for African Studies, Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-6418-5775; larchen1969@gmail.com

Abstract. Based on sociological research data, the article attempts to provide a comprehensive description of the role of the realization of opportunities as a driver of African economic migration to Europe. It has been found that it is of particular importance that the vast majority of economic migrants are urban residents.

The continent's experience of rapid urbanization serves as a backdrop for irregular African migration to Europe. About half of the migrants had relatives who had previously moved to other African countries or the EU. The idea of personal mobility is one of the driving factors influencing the decision to migrate. Migrants are in many cases better educated than their peers in their home countries, suggesting that increased levels of education have significantly expanded a person's horizons and ambitions. It was concluded that economic motives, closely related to self-realization, played a fundamental role in stimulating migration from Africa to Europe.

A sociological portrait of African youth, which documents the dominance of personal and entrepreneurial ambitions in their worldview and confidence in their personal future, shows that the motive for realizing opportunities and the impossibility of satisfying it within the African continent is one of the long-term drivers of potential readiness for economic migration.

Keywords: migration, youth, Africa, Europe, realization of opportunities

For citation: Andreeva L.A. Realization of Opportunities as a Driver of African Economic Migration to Europe. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 66–73. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028105-7

ВВЕДЕНИЕ

Африка обоснованно считается континентом миграции, и с учетом транснациональных миграционных потоков прогнозируется, что в ближайшие десятилетия число международных мигрантов из Африки увеличится, отчасти из-за роста населения континента¹, и африканские мигранты будут составлять большинство в миграционном потоке в Европу. В эпоху глобализации вопрос миграции приобрел актуальное общественно-политическое и научное значение.

Среди научных работ посвященных тем или иным аспектам миграции можно выделить работы ученых: И.О.Абрамовой, А.М.Васильева, Т.Л.Дейч, Г.М.Сидоровой (все – ИАФР РАН) [5; 6; 7; 10], А.Л.Емельяновой (МГИМО) [8], В.М.Татаринцева (Дипломатическая академия МИД России) [11], В.В.Наумкина (ИВ РАН) [9], П.Т.Зелеза (Международный университет США в Африке – *USIU Africa*, Кения) [4], Д.Конерт (Институт африканских исследований немецкого института глобальных и региональных исследований, ФРГ) [2], Л.Шелли (Университет Джорджа Мейсона, США) [3], Е.Дикенсон (Университет западного Орегона, США) [1].

Африканская миграция обусловлена различной комбинацией факторов для каждой страны. Основными выталкивающими факторами являются конфликты, репрессивное управление и ограниченные экономические возможности. 9 из 15 основных африканских стран происхождения мигрантов находятся в состоянии конфликта. Большая часть африканских мигрантов остается на континенте, что является давно установившимся трендом. Африканская миграция в течение последних двух десятилетий находится на устойчивой восходящей траектории. Количество африканских мигрантов достигло рекордного уровня – более 40 млн чел. (2020 г.), это на 30% больше, чем в 2010 г. Учитывая сохраняющиеся сильные стимулирующие факторы, можно ожидать, что эта тенденция сохранится и в 2023 г.²

Около 80% африканской миграции обусловлено поиском лучших экономических перспектив и реализацией экзистенциальных возможностей. Только 7,2% африканских мигрантов в странах ЕС являются беженцами. Хотя регулярные каналы миграции в Европу остаются ограниченными, из-за чего многие мигранты совершают небезопасные путешествия через Средиземное море, большинство мигрантов по-прежнему прибывают обычными маршрутами. В 2019 г. Европейская служба пограничной и береговой охраны (*Frontex*) зарегистрировала около 40 000 незаконных пересечений границы в ЕС из Африки, что составляет менее 10% регулярных миграций из Африки в Европу в период с 2019 по 2020 г. Нерегулярные пересечения границы из Африки в Европу составляют тем не менее около трети всех незаконных пересечений границы в Европе в 2019 г.³ Таким образом, реализация возможностей делает Европу внешним фактором притяжения для африканской миграции.

ДВИЖУЩИЕ МОТИВЫ АФРИКАНСКОЙ МИГРАЦИИ В ЕВРОПУ

В октябре 2019 г. было опубликовано «Масштабное исследование: голоса нелегальных африканских мигрантов в Европе» (*The Scaling Fences: Voices of Irregular African Migrants to Europe*)⁴, проведенное в рамках программы развития ООН. Методологический подход исследования базируется на опросе 3069 взрослых африканских нелегальных мигрантов (старше 18 лет), которые прибыли из 43 африканских стран и были опрошены в 13 европейских странах. Процесс сортировки респондентов привел к созданию выборки из 1970 респондентов из 39 африканских стран, которые мигрировали не в поисках убежища или защиты.

Именно эта группа находилась в центре внимания исследования, давшего ответы на следующие вопросы:

¹ International migration from sub-Saharan Africa has grown dramatically since 2010. 28.02.2018. <https://pewresearch.org/fact-tank/2018/02/28/international-migration-from-sub-saharan-africa-has-grown-dramatically-since-2010> (accessed 10.02.2023)

² African Migration Trends to Watch in 2023. 09.01.2023. <https://africacenter.org/spotlight/african-migration-trends-to-watch-in-2023/#:~:text=African%20migration%20has%20been%20on,expected%20to%20continue%20in%202023> (accessed 11.03.2023)

³ Facts and Figures on African Migrations. https://www.friendsofeurope.org/wp/wp-content/uploads/2022/01/AEF_Summit_African-Migrations.pdf (accessed 14.03.2023)

⁴ The Scaling Fences: Voices of Irregular African Migrants to Europe. 21.10.2019. <https://undp.org/content/undp/en/home/library-page/democratic-governance/ScalingFences.html> (accessed 16.03.2023)

1. Кто приезжает в Европу из Африки?

Подавляющее большинство респондентов (85%) были городскими жителями. Опыт быстрой урбанизации на континенте служит фоном для нелегальной африканской миграции в Европу. Также у 43% были члены семьи, которые переехали либо в другую страну Африки, либо в Европу, либо в другие страны и Африки, и Европы, при этом 27% указали только Европу, а 28% – только внутриафриканскую миграцию.

Существенная часть из этих семейных мигрантов отправляли денежные переводы оставшимся дома членам семьи. 43% респондентов имеют родственников, мигрировавших в другие страны Африки или Европы и оказывающих финансовую поддержку оставшимся дома родственникам. Этот аспект может свидетельствовать о том, что идея личной мобильности, возможно, является одним из движущих факторов влияния на принятие решения о миграции опрошенных респондентов.

На момент поездки в Европу средний возраст опрошенных мигрантов был 24 года. Мигранты во многих случаях образованы лучше, чем их сверстники в родных странах. До переезда в Европу 58% опрошенных либо имели работу (49%), либо ходили в школу (9%) на своей родине. В среднем они обучались дома как минимум на 3 года дольше, чем их сверстники: женщины-мигранты ходили в школу на 5 лет дольше своих сверстниц. «Это говорит о том, что повышение уровня образования значительно расширило горизонты и амбиции человека», – говорится в отчете.

Большинство работающих получали «конкурентоспособную» заработную плату в стране происхождения. На момент отъезда 49% опрошенных зарабатывали в среднем на 63% больше, чем в среднем по стране их происхождения. Многие также сказали, что их работа была безопасной и регулярной. Тем не менее только 38% зарабатывали достаточно, чтобы сводить концы с концами; каждый второй считал, что зарабатывает слишком мало, и только 12% заявили, что могут сэкономить.

Вывод организаторов исследования: в Европу приезжают, в частности, те, кто зарабатывает лучше, чем в среднем население в их родных странах, и имеют более высокий уровень образования. Можно сделать вывод, что современные тенденции развития на макроуровне, такие как урбанизация, пространственные закономерности экономического роста, демографическое давление, а также история семейной миграции – ключевые элементы для понимания причин миграции из Африки в Европу.

2. По каким причинам люди покидают Африку?

Хотя многие имели работу в своей стране, но денег на жизнь не хватало. Для 60% опрошенных «отправка денег домой» была наиболее важным мотивом для миграции в Европу. В то же время, однако, только 1% назвал экономическую перспективу единственной мотивацией. Это свидетельствует, что причины миграции многогранны и не могут быть сведены к одной проблеме, такой как война или бедность, подчеркивают организаторы исследования. Второй по важности причиной миграции 18% респондентов назвали уже мигрировавших «родственников/друзей», затем следуют «образование» (8%) и «личные проблемы/свобода» (7%). Более 25% иммигрантов назвали управление или отсутствие безопасности в своих странах второстепенным мотивом.

Таким образом, миграция является отголоском прогресса в развитии по всей Африке, даже если прогресс распределяется неравномерно и не идет достаточно быстро, чтобы оправдать ожидания людей. Амбиции молодых людей превзошли местные возможности. Для двух третей опрошенных (66%) высокие заработки или перспектива более высоких заработков дома не были причиной для того, чтобы оставаться в своей стране и отказываться от миграции. Экономические мотивы, тесно связанные с самореализацией, сыграли основополагающую роль в стимулировании нелегальной миграции из Африки в Европу.

Исследование показывает, что миграция – это инвестиции в лучшее будущее, которые делают люди, чья траектория жизненного развития уже находится на подъеме, что позволяет осуществить радикальный отказ от сковывающих обстоятельств в пользу личной реализации и лучших экзистенциальных возможностей. Респонденты, а также во многих случаях их семьи делают выбор в пользу потенциальных преимуществ миграции в Европу в противовес перспективе «гнетущей летаргии без выбора» – так они воспринимают свое будущее дома. Даже столкнувшись с трудностями в Европе, респонденты считают этот выбор оправданным.

Единственное долгосрочное решение, которое вытекает из результатов исследования, заключается в ускорении прогресса в развитии в африканских странах. Молодое население должно иметь хорошие

возможности в своей стране или в соседних странах. Поэтому, по мнению организаторов исследования, следует пересмотреть текущую тактику и краткосрочные политические решения.

3. Что удерживало людей от миграции?

41% опрошенных заявили в исследовании, что «ничто» не могло помешать им мигрировать. Каждый четвертый сказал, что улучшение финансовых условий заставило бы их остаться, а около 15% сказали, что лучшее управление и благосостояние государства препятствовали бы миграции. Только около 2% заявили, что не рассматривали бы миграцию, если бы знали заранее, насколько опасным будет это путешествие. И это при том, что 93% опрошенных заявили, что во время поездки они попали в опасные ситуации. Чуть больше половины (56%) ожидали этого с самого начала.

Вывод исследования: страны ЕС и правительства африканских стран в настоящее время проводят кампании по информированию людей об опасностях нелегальной миграции, но цифры показывают, что, по крайней мере, такие информационные кампании вряд ли могут кого-то заставить изменить свои намерения.

Согласно отчету, большинство опрошенных берут на себя просчитанный риск, сравнивая преимущества и недостатки миграции с местными условиями. Таким образом, в данной группе респондентов преобладает стремление реализовать свои возможности, и оно является одним из движущих мотивов миграционной волны из африканских стран в Европу, наряду с мотивом поиска убежища от войн и конфликтов.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ МОЛОДЕЖИ АФРИКИ И МИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Население Африки увеличилось более чем вдвое с 1984 г., с 537 млн до 1,3 млрд чел. По прогнозам, к 2050 г. оно снова удвоится (до 2,5 млрд чел.). Фундаментальной характеристикой населения Африки является его молодость. 60% населения Африки в 2017 г. были моложе 25 лет (41% – моложе 15 лет), оно моложе, чем в любом другом регионе мира.

Согласно прогнозам, высокие показатели рождаемости в Африке (в среднем 4,9 ребенка на женщину в странах Африки к югу от Сахары) снизятся в течение следующего столетия. Но тот факт, что большая часть населения еще не достигла совершеннолетия, означает, что пройдут десятилетия, прежде чем в африканских странах произойдет стабилизация роста населения. Это будет иметь прямые последствия для перемещения населения в Африке⁵. К 2100 г. численность молодежи Африки может стать вдвое больше всего населения Европы⁶. Исходя из такой возрастной характеристики населения Африки, для определения мотива и потенциала миграции из Африки весьма важным источником оценки является мировоззренческий портрет молодежи Африки.

ОПРОС АФРИКАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ – 2022

Фонд семьи Ичиковитц (*Ichikowitz Family Foundation – IFF*) (ЮАР), поощряющий активную гражданскую позицию на континенте, спонсировал проведение опроса африканской молодежи⁷. Оператором опроса по поручению фонда выступила международная исследовательская компания *PSB Insights*, которая провела в 2022 г. две волны исследования среди молодежи.

Каждая волна состояла из личных интервью африканской молодежи в возрасте от 18 до 24 лет в 15 африканских странах – Анголе, Республике Конго, ДР Конго, Эфиопии, Габоне, Гане, Кении, Малави, Мозамбике, Нигерии, Руанде, ЮАР, Судане, Уганде и Замбии. В каждой стране было опрошено 300 молодых людей (выборка разделена в пропорции 50:50 мужчин и женщин), в каждой стране интервью проводились в трех разных местах, молодые люди были опрошены по 10 темам. Репрезентативность опроса делает его уникальным и позволяет перенести результаты исследования на всю генеральную совокупность, т.е. опрос является объективным эмпирическим инструментом, дающим представление о мировоззрении африканской молодежи.

⁵ Drivers of Displacement in Africa. <https://africacenter.org/publication/shifting-borders-drivers/> (accessed 25.03.2023)

⁶ Facts and Figures on African Migrations. https://www.friendsofeurope.org/wp/wp-content/uploads/2022/01/AEF_Summit_African-Migrations.pdf (accessed 20.03.2023)

⁷ African Youth Survey 2022. <https://ichikowitzfoundation.com/storage/ays/ays2022.pdf> (accessed 21.03.2023)

Всего в ходе исследования было проведено около 4,5 тыс. интервью. 44% опрошенных заявили, что имеют законченное среднее образование, 10% – высшее образование. Опрос предоставляет для анализа ценную обновленную информацию об «афрооптимизме» африканской молодежи, который был впервые зафиксирован в опросе 2020 г. Исследование 2022 г. выявило проблемы молодого поколения континента, сильно пострадавшего от эпидемии коронавируса, но показывает устойчивые жизненные амбиции африканской молодежи, несмотря на жизненные трудности.

Опрос зафиксировал снижение «афрооптимизма» по сравнению с аналогичным опросом африканской молодежи 2020 г. Африканская молодежь в настоящее время демонстрирует меньшую уверенность в будущем своего континента и своих стран.

Мнение молодежи о том, что Африка находится на правильном пути, снизилось с 40% по опросу 2020 г. до 31% по результатам опроса 2022 г. Чаще всего говорят, что Африка движется в правильном направлении, респонденты из Ганы – 57%, Мозамбика – 49% и Руанды – 45%. В Нигерии 75% считают, что Африка движется в неправильном направлении.

Африканская молодежь, по данным опроса 2022 г., менее оптимистична в отношении правильности направления развития своих стран: только каждый четвертый (27%) считает, что их страна сегодня находится на правильном пути; для сравнения – по данным опроса 2020 г., так считали 38%. В Кении (падение на 33%) и Руанде (падение на 34%) наблюдалось самое резкое снижение оптимизма молодежи в отношении направления развития их страны. Тем не менее Руанда (60%) и Гана (56%) по-прежнему являются странами, в которых молодежь чаще всего говорит, что страна находится на правильном пути.

Когда респондентов попросили описать, как они относятся к будущему своей страны, только каждый третий (32%) ответил, что чувствует себя оптимистично или воодушевлен, а 41% – что они обеспокоены или пессимистичны. Таким образом, число молодых людей, настроенных оптимистично или воодушевленных будущим своей страны, снизилось по сравнению с 43% в 2020 г.

Политическая нестабильность считается вторым по значимости после эпидемии *COVID-19* событием или обстоятельством для континента за последние 5 лет. Более двух из пяти (41%) молодых людей в Эфиопии говорят, что политическая нестабильность оказала наибольшее влияние за последние 5 лет; примерно каждый 5-й молодой человек в Нигерии (27%) и Судане (22%) говорит то же самое. Три четверти (75%) африканской молодежи обеспокоены политической нестабильностью, влияющей на континент, половина из которых (53%) очень обеспокоены. Это мнение является самым распространенным в Эфиопии, где 9 из 10 выражают обеспокоенность, за ней следуют Кения (84%), Гана (83%), Нигерия (82%), Замбия (82%) и Мозамбик (81%), где более 4 из 5 человек обеспокоены политической нестабильностью.

Исследование зафиксировало напряженность среди африканской молодежи и трудности, с которыми ей придется иметь дело в ближайшие годы. Опрос показал, что нехватка хорошо оплачиваемых рабочих мест вызывает наибольшее беспокойство у респондентов, которые вместе с тем в подавляющем большинстве выражали поддержку предпринимательству и предпринимательской инициативе.

Согласно опросу, 86% респондентов беспокоятся о том, смогут ли они получить хорошо оплачиваемую работу. Самые большие сомнения выразила молодежь в Кении и Замбии (94%) и Гане (93%). Около 69% недовольны усилиями своего правительства по созданию рабочих мест. Только 30% респондентов называют свой текущий уровень жизни «хорошим» (падение на 11 пунктов с 2019 г.), 77% ожидают, что это состояние улучшится в течение следующих 2 лет, 78% планируют начать собственный бизнес в ближайшие 5 лет.

В области коммуникаций опрос показывает, что 71% респондентов считают подключение к *Wi-Fi* одним из основных прав человека. Тем не менее каждый третий опрошенный в настоящее время не имеет доступа к Интернету вне работы, 62% считают, что мобильные и интернет-услуги слишком дороги, 23% сообщили, что вообще не могут позволить себе эти услуги, и только 13% могут позволить себе эти услуги в любое время.

В области демократии 74% респондентов предпочитают демократию любой из её альтернатив, более половины (53%) говорят, что её версия в западном стиле может не подходить для африканского контекста и что африканцы должны найти свои собственные решения, но только 18% заинтересованы в том, чтобы лично баллотироваться на выборах.

В области равенства почти половина респондентов (47%) заявили, что сталкивались с дискриминацией, а 83% считают, что их страна должна делать больше для защиты этнических меньшинств, 81% обеспокоены гендерным насилием.

Опрос продемонстрировал тенденцию, которая свидетельствует о том, что личные и предпринимательские амбиции молодежи остаются весьма большими, но при этом ухудшилось представление о том, что их страны находятся на правильном пути. В таких областях, как равенство прав, занятость и создание рабочих мест, услуги здравоохранения и поддержание политической стабильности, африканская молодежь выражает резкое недовольство усилиями своих правительств по решению этих проблем.

Тем не менее восприятие национальных лидеров поляризуется – они считаются респондентами главной движущей силой как позитивных, так и негативных изменений в своих странах, но только около 40% опрошенных доверяют национальным лидерам или местным чиновникам в национальной политике, считая, что они поступали или поступают правильно. Это мнение отчасти обусловлено мнением респондентов о том, что национальные лидеры преднамеренно вводят общественность в заблуждение, используя фейковые новости и дезинформацию, при этом три четверти молодежи признают, что фальшивые новости сегодня являются серьезной проблемой в их сообществах.

Среди африканской молодежи широко распространено мнение о влиянии иностранных держав и ожидание того, что иностранные лидеры окажут большее влияние на Африканский континент в течение следующих пяти лет.

Респонденты считают, что Китай оказывает наибольшее влияние на континент, особенно в области доступных продуктов, иностранных инвестиций и торговых отношений (54% респондентов заявили о большом влиянии и 23% – о некотором влиянии). При этом 35% респондентов считают, что Китай оказывает очень положительное влияние на их страну, 41% – в некоторой степени положительное. Соединенные Штаты, по мнению 41% респондентов, имеют большое влияние, и, по мнению 26%, – некоторое влияние; о некотором влиянии Африканского Союза высказались 64% респондентов, почти так же, как и о Европейском Союзе (62%).

Показательно, что 69% респондентов обеспокоены влиянием иностранных государств.

Опрос выявил также недоверие молодежи к иностранным компаниям: более 60% опрошенных заявляют, что иностранным предприятиям было разрешено использовать ресурсы их страны, не принося достаточной пользы местному населению. Неудивительно, что настроения среди молодежи в Африке явно направлены на то, чтобы вернуть себе контроль над природными ресурсами своей страны.

Благодаря усиленному вниманию к экологическим проблемам африканская молодежь осознает проблемы, стоящие перед континентом. Изменение климата является ключевой проблемой, и молодежь опасается того, как оно повлияет на них самих, их сообщества и будущие поколения. Многие действуют самостоятельно, беря на себя ответственность за защиту окружающей среды и участвуя в изменениях, которые они хотят видеть в борьбе с изменением климата. Тем не менее молодежь надеется, что их правительство эффективнее будет решать проблемы, связанные с изменением климата. Особое внимание уделяется доступу к воде: треть африканской молодежи ежедневно испытывает трудности с доступом к чистой воде. Молодые африканцы хотят, чтобы их правительства предприняли дальнейшие шаги для решения проблем экологии и изменения климата.

Большинство респондентов одобряет реакцию своей страны на пандемию *COVID-19*, удовлетворенность услугами здравоохранения в их стране остается низкой, преобладает нерешительность в отношении вакцин, а молодежь расходится во мнениях относительно того, чему должно уделяться основное внимание в их странах. Восстановление экономики рассматривается как более высокий приоритет, чем предотвращение распространения пандемии и доступность вакцины.

Иерархия приоритетов по данным опроса 2022 г. среди молодежи выглядит так:

- создание новых хорошо оплачиваемых рабочих мест – 28%;
- сокращение коррупции в правительстве – 22%;
- модернизация системы образования – 17%;
- достижение мира и стабильности в Африке – 14%;
- предоставление гражданам больших личных свобод – 10%;
- повышение транснациональной мобильности – 5%;
- предоставление всеобщего доступа к Интернету – 4%.

Исследование показывает, что, несмотря на снижение оптимизма в отношении будущего, африканская молодежь сосредоточена на своих личных и предпринимательских амбициях.

Несмотря на проблемы и неопределенность в отношении будущего своей страны и континента, африканская молодежь сохраняет сильное чувство оптимизма в отношении своего личного будущего. 77% считают, что их уровень жизни улучшится в течение следующих двух лет, а 67% – что их жизнь будет лучше, чем у их родителей. Однако в целом восприятие уровня жизни, по сравнению с опросом 2020 г., ухудшилось на 10%. Эти опасения по поводу долгосрочных перспектив могут быть движущей силой желания африканской молодежи мигрировать за границу. При этом более половины опрошенных рассматривают возможность миграции в другую страну в ближайшие три года, чтобы найти работу и получить образование.

Таким образом, стремление реализовать возможности при невозможности его удовлетворения на Африканском континенте является одним из долгосрочных драйверов потенциальной готовности к миграции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Африканская миграция в Европу находится на восходящем тренде. Подавляющее большинство африканских мигрантов в Европу движимы поиском лучших экономических перспектив и реализацией экзистенциальных возможностей. Экономические мотивы, тесно связанные с самореализацией, сыграли основополагающую роль в стимулировании миграции из Африки в Европу.

Миграция – это инвестиции в лучшее будущее, которые делают люди, чья траектория жизненного развития уже находится на подъеме, что позволяет осуществить радикальный отказ от сковывающих обстоятельств в пользу личной реализации и лучших экзистенциальных возможностей. Социологический портрет молодежи Африки, зафиксировавший доминирование в мировоззрении личных и предпринимательских амбиций, и уверенность в своем личном будущем показывают, что стремление реализовать возможности при невозможности его удовлетворения на Африканском континенте является одним из долгосрочных драйверов потенциальной готовности к миграции.

Таким образом, миграция – отголосок прогресса в развитии по всей Африке, даже если прогресс распределяется неравномерно и не происходит достаточно быстро, чтобы оправдать ожидания людей. Амбиции молодых людей превзошли местные возможности. Единственное долгосрочное решение для предотвращения экономической миграции в Европу – ускорение прогресса в развитии в африканских странах. Молодое население должно иметь хорошие возможности в своей стране или в соседних странах.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Dickinson E. 2016. *Globalization and Migration: A World in Motion*. Rowman and Littlefield. 196 p.
2. Kohnert D. 2007. African Migration to Europe: Obscured Responsibilities and Common Misconceptions. GIGA Research Programme. January 2007. *SSRN Electronic Journal*. DOI: 10.2139/ssrn.2124906.
3. Shelly L. 2010. *Human Trafficking: A Global Perspective*. Cambridge University Press. 365 p.
4. Zeleza P.T. 2010. Africa's Contemporary Global Migrations: Patterns, Perils, and Possibilities. *Journal of Global Initiatives: Policy, Pedagogy, Perspective*. Vol. 3. № 1. Pp. 33–56.
5. Абрамова И.О. Африканская миграция: опыт системного анализа. М., 2009. 354 с. ISBN 978-5-91298-053-4. Abramova I.O. 2009. African migration: experience of system analysis. Moscow. 354 p. (In Russ.). ISBN 978-5-91298-053-4.
6. Васильев А.М. Африка и вызовы XXI века. М., 2012. 374 с. ISBN 978-5-02-036501-8. Vasiliev A.M. 2012. Africa and the challenges of the XXI century. Moscow. 374 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-036501-8.
7. Дейч Т.Л., Корендясов Е.Н. Африканская миграция: влияние на международные отношения стран Африки. *Восток*. № 6, 2015. с. 174–180. Deich T.L., Korendyasov E.N. 2015. African migration: impact on international relations of African countries. *East*. № 6, 2015. p. 174–180.
8. Емельянов А.Л. Колониальная история Африки южнее Сахары. М., 2011. 431 с. ISBN 978-5-9228-0744-9. Emelyanov A.L. 2011. Colonial history of sub-Saharan Africa. Moscow, 431 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9228-0744-9.
9. Наумкин В.В. Этнополитические конфликты в современном мире. СПб, 2011. 96 с. ISBN: 978-5-7621-0609-2. Naumkin V.V. 2011. Ethnopolitical conflicts in the modern world. SPb, 96 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7621-0609-2.

10. Сидорова Г.М. Трансграничная миграция в Африке в условиях военно-политических конфликтов. *Геополитика и экогеодинамика регионов*. Т. 8 (18). Вып. 3. 2022. С. 60–67.
Sidorova G.M. 2022. Cross-border migration in Africa in the context of military-political conflicts. *Geopolitics and ecogeodynamics of regions*. Vol. 8 (18). Is. 3. 2022. P. 60–67.
11. Татаринцев В.М. Африка: настоящее и будущее. М., 2012. 392 с. ISBN 978-5-905971-30-3
Tatarintsev V.M. 2012. Africa: present and future. Moscow. 392 p. (In Russ.). ISBN 978-5-905971-30-3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андреева Лариса Анатольевна, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Larisa A. Andreeva, Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Leading Researcher, Centre for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 17.06.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 29.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 21.09.2023

DOI: 10.31857/S032150750028097-8

Эфиопские мусульмане

© Львова Э.С.^a, 2023^a МГУ им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

ORCID 0000-0001-7713-112X; eleonora.lvova39@yandex.ru

Рецензия на книгу: **Ефим Резван. Абиссинский калам** (материалы экспедиции Николая Гумилева по исламу и исламской книжности Восточной Африки). Книжная серия «Мой мир ислама», т. II. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Санкт-Петербургский музей исламской культуры. СПб, 2022. 424 с. ISBN 978-5-88431-413-9

Ключевые слова: Африка, Эфиопия, ислам, Абиссиния, Гумилев, Харар, Джимма, Каффа, народы юго-запада Эфиопии

Для цитирования: Львова Э.С. Эфиопские мусульмане. *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 74–77. DOI: 10.31857/S032150750028097-8

Ethiopian Muslims

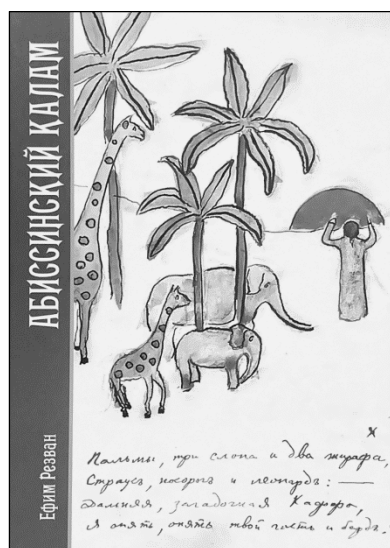
© Eleonora S. Lvova^a, 2023^a Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ORCID 0000-0001-7713-112X; eleonora.lvova39@yandex.ru

Review of the book: **Efim Resvan. The Abissinian Kalam** (materials of Nikolay Gumilyov's Expedition about Islam and Islamic bookishness of East Africa. Ser. "My world of Islam", vol. II, The Peter the Great Museum of the Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), SPb's Museum of the Islamic Culture. SPb, 2022. 424 p. (In Russ.))

Keywords: Africa, Ethiopia, Islam, Abissinia, Gumilev, Harar, Gimma, Kaffa, peoples of the Ethiopian South-West

For citation: Lvova E.S. Ethiopian Muslims. *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 74–77. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028097-8

Не так давно созданный Музей исламской культуры в Санкт-Петербурге силами Кунсткамеры выпустил 2-й том из книжной серии «Мой мир ислама» – **Е. Резван «Абиссинский калам»**. Это солидное издание, написанное по результатам экспедиции 2008 г. Тогда научная экспедиция из 8 человек (сотрудники Музея антропологии и этнографии из Санкт-Петербурга, фотограф и кинооператор) отправилась в Эфиопию по следам Н.С.Гумилева, который трижды побывал в этой стране в начале XX века.

Результатом этой экспедиции и стала книга Ефима Анатольевича Резвана. Жанр её определить нелегко.

Это отчет об экспедиции? Безусловно. Этнографические наблюдения в Эфиопии и некоторых других странах Восточной Африки? Конечно. Желание проверить, какие изменения произошли со времени путешествия Н.С.Гумилева? Или знакомство с неопубликованными гумилевскими фотографиями? Несомненно. Рассказ об интересном человеке – русском художнике Сенигове, прожившем много лет в этой стране? Возможно. Очерк об исламе и мусульманской книжной

культуре в Северо-Восточной и Восточной Африке? И это тоже. А, может быть, о музейных коллекциях и истории Кунсткамеры?

Рецензируемая книга обо всём этом, а еще и о путешественниках. К тому же это еще и библиография (в подстрочниках) по истории музейного дела, знакомства России с Эфиопией, жизни и творчества Н.С.Гумилева, истории книжников-мусульман этого региона. Она изобилует стихотворными строками разных поэтов (от средневековых улемов до И.Бродского).

А еще мы найдем воспроизведение материалов Н.С.Гумилева из фондов Кунсткамеры (25 привезенных им вещей и 56 фотографий); 322 фотографии 2008 и 2010 гг. (из которых 119 – самого автора); 57 публикаций музейных материалов; 12 карт; 7 картин Е.Сенигова. Помимо этого, в ней помещено более 20 видео в новой технологии – и стихи Гумилева, и интервью с шейхом, и жизнь народов реки Омо и многое другое. Предисловие биографического характера (рассказ о себе, друзьях и старых путешествиях) сменяется описаниями экспедиции и многого, связанного с ней или порожденного ею.

Книга состоит из 3 частей («Шейх-Хусейн», «Харар», «Каффа») – о 3 центрах эфиопского ислама, раздела «Вместо заключения», где речь идет о Гумилеве и его наследии, эфиопском кофе и собственном взгляде на путешествия.

Часть I – «Шейх-Хусейн» включает два раздела – «Золотая дверь» и «Эфиопская Мекка». В 1-м разделе очень подробно, в тесной связи с историей Ближнего Востока и Африканского Рога, рассказывает о возникновении этого большого мемориального комплекса и его роли в жизни современной Эфиопии. Свидетельства о жизни здесь мусульман относятся к XIII в.

Ислам принесли арабские торговцы и проповедники. С XVI в. это уже оплот ислама, вокруг которого объединились мусульманские владения и под началом Ахмеда Граня развязали войну против центральной власти, сумев занять значительную часть страны. Однако многолетняя война закончилась, как известно, их поражением, сам он погиб на поле боя. Но здесь остались священные могилы, пещеры, старинные молитвенные места, с которыми были связаны первые исламские «миссионеры».

В памяти местных жителей сохранилось несколько имен, и самым почитаемым стал Нур Хусейн, пришедший с берега Красного моря в XIII столетии. Заглохший как будто культ был восстановлен в 1790-х гг. и существует до сих пор. Местами молитв являются особые площадки по пути в эту горную местность, а поклонение с принесением даров происходит у могил самого Шейха Хусейна и его преемников.

Должность хранителя культа и молитвенного комплекса занимают потомки первых проповедников. Е.А.Резван дает большой очерк о шейхе Нур Хусейне, основанный на описаниях Гумилева и другой литературе и на личном интервью с Умаром Гаради, современным хранителем, которое можно прослушать в аудиоприложении. Текст сопровождается множеством фото Н.С.Гумилева, самого автора и Т.Федоровой. Это и сам хранитель, и паломники, и сооружения комплекса, и змеиные пещеры, в которых Шейх Хусейн своим взглядом обратил в камень змей и некую грешницу. И к ним, и к святому источнику, забившему здесь, и сегодня направляется множество паломников. Памяти Нур Хусейна посвящен вторник; в остальные дни почитают день рождения пророка и обращаются к святым.

2-й раздел носит название «Эфиопская Мекка». В представлении местных паломников это место сравнимо с Меккой и повторяет некоторые её черты. Змеиные пещеры олицетворяют пещеры Хиры и Саура, о которых рассказывается в Коране; есть особое место с каменным «барабаном», в который кидают камни, как в Мекке происходит побивание демонов в долине Мин. Паломничество завершается ритуальными песнопениями, жеванием ката, питьем кофе (амхарск. *буна*). Не всегда оно проходит мирно, т.к. здесь есть и суфийские ордена, и салафиты, нападающие на них.

Автор встретился с хранителем этого комплекса – шейхом, ознакомился с рукописями, сохранившимися там, опубликовал фото Н.Гумилева и свои фотографии. Рассказывает он и о некоторых местных обычаях, перешедших к современным мусульманам от дедов и отцов, исполнявших локальные традиционные культы. Нельзя не привести справедливые слова Е.А.Резвана об этой ситуации: «...Только “местный ислам”, впитавший всю палитру религиозных традиций и предпочтений, неразрывно связанный с историей “своего” народа, с его победами и трагедиями, способен дать адекватный ответ на духовные вопросы верующих. Только такой ислам, будучи частью великой мусульманской цивилизации, может стать важнейшим фактором стабильности в обществе» (с. 121).

Часть II носит название «Харар». Это город, известный со средневековья (письменные упоминания – с XIII в.) с множеством мечетей и *мазаров* («место, которое посещают» – прим. ред.), в котором хранится немало древних рукописей. Его описанию посвящен раздел «Город святых». В 2007 г. по

инициативе эфиопского миллиардера Мухамеда Хусейна Аль Амуди отметили его 1000-летие. Там множество мечетей, мавзолеев, мазаров и около 300 «куби» (могил менее значимых святых).

Важнейший из мавзолеев посвящен Абадиру Умару ар-Риде, пришедшему сюда 200 лет назад и до сих пор считающемуся покровителем города; есть и мазар его спутницы Ай Абиде. Поклонение 7 важнейшим святым связаны с днями недели; им посвящены платаны, другие деревья, скалы, животные, которые, по представлениям верующих, и сами могут творить чудеса. Е.Резван замечает – более образованные считают, что чудеса творят духи, живущие в этих предметах.

Расцвет Харара относится к XIV столетию. Тогда это был ремесленный, торговый и «книжный» город (рукописи хранятся и доныне при гробницах). Там, помимо местных уроженцев, жили и *ширази* (выходцы из Ирана – прим. ред.), и пришельцы из соседних Судана, Сомали, Египта. Получили широкую популярность суфийские ордена, особенно Кадирийя. Тогда он стал центром ислама для Северо-Восточной и Восточной Африки, запретным для неверных. «Город падет, если в него войдет хотя бы один христианин», – говорили местные улемы. Это правило сохранялось до начала XX в. Первый европеец проник в Харар в 1885 г. в обличье персидского купца.

Паломничество в Харар приравнивается к хаджу. Городская стена, как пишет Е.Резван, в 6666 локтей – по числу аятов в Коране; 5 ворот напоминают о 5 «столпах» ислама; 99 мечетей повторяют число имен Пророка. В 2003 г. Харар получил от ЮНЕСКО звание «Город мира», т.к. сохраняет конфессиональный мир; там есть и православные, и католические храмы, при постройке которых сохраняется старое правило – в 50–100 м от мечети.

Шейх Ибрагим Шариф в интервью автору сказал: «Объединяйтесь! Просто забудьте о религии... Человечество должно быть единым. Только когда мы сможем двигаться к процветающему миру. В противном случае, будучи разобщенными, мы никогда не достигнем успеха в нашей жизни». Е.Резван не только побеседовал с высшим духовенством, изложил историю города, но и сделал интересный этнографический очерк современного города. И, конечно, здесь, как и во всей книге, присутствует незримая тень Н.С.Гумилева, одного из первых наших соотечественников в Хараре. Автор считает, что именно этот город вдохновил того на строки:

*Города, озаренные солнцем,
Словно клады в зеленых трущобах,
И из них, как грозящие руки,
Минареты возносятся к небу.*

Знакомство с рукописями в Хараре подвигло автора на выделение особых страниц под общим названием «Калам и книги». Калам, пишет автор, – это «светоч ислама», «один из (его) двух языков». Он описывает рукописные книги – и хранящиеся сегодня в Хараре, и привезенные еще Гумилевым экспонаты Музея (Кунсткамеры), сравнивает с рукописями Восточной Африки письмо (*куфи*), переплеты, наборы для письма (чернильницы, пеналы, заготовки и т.п.); требования к каламам и их типы... Подчеркивает, что в этом «книжном» городе был особый квартал искусных переплетчиков, существовавший до конца XX в. (последний из них умер в 1980 г. в возрасте 92 лет).

В этом разделе Е. Резван описывает изготовление и использование амулетов, которые исполнялись с тем же искусством теми же мастерами, а также украшений для оружия, причесок, как и украшений, носимых на шее и играющих ту же оберегающую роль для своих владельцев, что и амулеты.

Часть III этого неординарного сочинения носит название «Каффа» – области и древнего раннегосударственного политического образования на юго-западе страны. Вся экспедиция была вдохновлена путешествиями Н.С.Гумилева. Однако, если доподлинно известно, что тот побывал и в Шейх-Хусейне, и в Хараре, то был ли он в Каффе, неясно до сих пор. Его «Африканский дневник» в полном виде пока не обнаружен, но Е.Резван полагает, что в 1911 г. Гумилев вполне мог там побывать. Возможно, у него такие намерения были, – по мнению автора, это следует из его поэзии:

*Пальмы, три слона и два жирафа,
Страус, носорог и леопард:
Дальняя загадочная Каффа,
Я опять, опять твой гость и бард!*

Эта часть, охватывающая юг Эфиопии и север Кении до озера Туркана – небольшой, но чрезвычайно интересный историко-этнографический очерк о народах *оромо*, *каффичо*, *борана*, *хамер* и других поселенцев на берегах реки Омо, *туркана* у одноименного озера. Текст перемежается вставками о Е.Сенигове, малоизвестном русском художнике, поселившемся в Эфиопии, его картинами и фото; работорговле; проникновении ислама в этот «первобытный» мир». И все пронизано памятью о Н.С.Гумилеве.

В самостоятельный раздел автор выделил рассказ о Джимме – мусульманском центре юго-западной Эфиопии. Здесь на основании работ А.К.Булатовича (автор приводит большие выдержки из его записок) и других путешественников XIX в. автор приводит краткую историю региона и появления там мусульман. К тому времени главой политического объединения вокруг Джиммы был Абу Джифар. Его помнят и чтут до наших дней. Восстановлен его дворец и создан интересный музей.

Завершает книгу **часть IV**, нумерованная и названная автором «*Вместо послесловия*». Она уводит нас из Эфиопии в Санкт-Петербург, в то же время оставляя на Востоке. Е.Резван рассказывает в ней о сказке в стихах (поэме) Н.С.Гумилева «Дитя Аллаха», посвященной средневековому поэту Хафизу (XIV в.) и написанных в 1916 г.; о жизни Николая Степановича в этот период; многолетних попытках поставить на сцене балет «Гафиз»; о последних днях поэта. Публикуется и либретто «Гафиза» в сопровождении эскизов к спектаклю, написанное самим автором рецензируемой книги.

Книга Е.Резвана многопланова. Она представляет собой новый серьезный вклад в африканистику, историю ислама, исламоведение и литературоведение, открывая новые страницы творчества Н.С.Гумилева и его личности. Написана она живым языком, ярко оформлена.

Книга прекрасно издана, очень красочна. Она изобилует иллюстрациями, среди которых музейные артефакты, много карт и фотографий. К тому же как знак века компьютерной оцифровки она содержит и немало QR-кодов, дающих возможность посмотреть разные по сюжету видеофильмы.

«Абиссинский калам» Е.А.Резвана не только обогащает читателя новыми знаниями, но и доставляет истинное удовольствие.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Львова Элеонора Сергеевна, д.и.н., профессор кафедры африканистики ИСАА МГУ, Москва, Россия.

Eleonora S. Lvova, Dr.Sc. (History), Professor, Department of African Studies, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 03.07.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 05.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 10.09.2023

«Французский язык – моя отчизна» (Габриэль Одицио). «Французский язык – моя чужбина» (Малек Хаддад)

© Крылова Н.Л.^a, 2023

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3788-0887; krylovanl@yandex.ru

Рецензия на книгу: *Прожогина С.В. Свой путь* (Магриб: к проблеме самоопределения во франкоязычной литературе). (М.: ИВ РАН, 2023). ISBN 978-5-907671-17-1. 660 с.

Ключевые слова: Африка, Магриб, франкоязычная литература, самоидентификация, колониализм, постколониализм

Для цитирования: Крылова Н.Л. «Французский язык – моя отчизна» (Габриэль Одицио). «Французский язык – моя чужбина» (Малек Хаддад). *Азия и Африка сегодня*. 2023. № 10. С. 78–81. DOI: 10.31857/S032150750028098-9

"The French language is my homeland" (Gabriel Audisio). "The French language is my foreign land" (Malek Haddad)

© Krylova N.L.^a, 2023

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3788-0887; krylovanl@yandex.ru

Review of the book: *Prozhogina S.V. Own Way* (Maghreb: Towards the Problem of Self-Determination in Francophone Literature). Moscow, 2023. ISBN 978-5-907671-17-1. 660 p.

Keywords: Africa, Maghreb, Francophone literature, self-identification, colonialism, postcolonialism

For citation: Krylova N.L. "The French language is my homeland" (Gabriel Audisio). "The French language is my foreign land" (Malek Haddad). *Asia and Africa today*. 2023. № 10. Pp. 78–81. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750028098-9

Новая (а лучше сказать, очередная) монография профессора С.В.Прожогиной «Свой путь (Магриб: к проблеме самоопределения во франкоязычной литературе)» – *культурологическое по своей сути и духу исследование*, или, как сама автор определяет, «размышления разных лет, в т.ч. и недавние, можно даже сказать, актуальные, о таком феномене в культуре арабских стран Магриба, где довелось мне и жить, и работать, как литературное франкоязычие» (с. 7). Предваряющий работу эпиграф – фраза Бернарда Шоу «Себя надо не найти, но создать» – словно дает старт этой очень нестандартной как по структуре, так и по содержанию работе.

Монография представляет собой два логически связанных раздела, **первый** из которых – «*Процессы*» (с. 13–372) – посвящен эволюции, точнее, болезненному, драматическому и очень неоднозначному пути литературы франкоязычных авторов Африки, творчество которых начало свой путь в эпоху формирования национального самосознания, ставшего своеобразным национальным «ответом» колониальной литературе. Пережив свой расцвет в постколониальную эпоху и вновь попав в 1970-е гг. под угрозу политики «арабизации», а позже под пресс «расправы» исламских интеграторов (1980-е – начало 1990-х гг.), она не просто выжила, но и перешагнула границы национальных государств Магриба и успешно развивается во Франции, в магрибинской иммиграционной среде. Наконец, литературное франкоязычие пополнилось и укрепилось новыми силами – активизировались женщины – писательницы, поэтессы, поведывая миру правду о судьбе мусульманки в новую эпоху (с. 291).

В эту часть монографии вошли как отраженные ранее в разных авторских трудах, так и обновленные и актуализированные новыми источниками «процессы», где запечатлены история и эволюция франкоязычной литературы магрибинцев. Здесь автор обоснованно доказывает, что «африканская литература на французском языке явила собой и безусловное свидетельство усвоения, и одновременно своеобразного преломления опыта мировой художественной культуры» (с. 11).

Представленная развернутой картиной историко-культурных процессов во франкоязычной литературе XX–XXI столетий, эта часть во многом полемична, что неизбежно при анализе большого числа различных взглядов, позиций и точек зрения на эти процессы. В том числе и потому, что в недрах академического востоковедного сообщества не столь давно был озвучен тезис: *«тот, кто не пишет по-арабски, тот не араб»*, который, по мнению С.В.Прохожиной, потребовал фундаментального и серьезно аргументированного «ответа» на него, выраженного или, по определению самого автора, выстраданного в данной книге, причем как в структуре, так и в её содержании.

Возможно, в этом и можно обнаружить недостатки, как можно найти их у каждого художника, ищущего свой стиль, а не уповающего на то, *как надо* писать. Читающие произведения С.В.Прохожиной знакомы с её индивидуальной манерой изложения материала, отличающейся ярко окрашенной полемической интонацией, эмоциональным звучанием, передающим авторские настроения. Здесь автор демонстрирует еще и равнодушное отношение к изучаемому предмету, к процессу поиска «своего пути» в собственном самоопределении и науке об искусстве Слова (с. 10).

С самого начала художественное творчество франкоязычных магрибинцев, возникнув в среде автохтонной интеллигенции, формировалось в русле реализма, опираясь на французскую повествовательную традицию, но со временем всё более обрело социальную направленность, масштабность изображения действительности, что дало ему возможность уйти от зависимости от колониальной культуры. Не учитывать этот феномен в истории новейшей литературы Магриба означает, по мнению С.В.Прохожиной (*и это главный теоретический авторский посыл*), игнорировать истинную реальность состояния общественного сознания в арабских странах новейшего времени.

Отличительная черта рецензируемой книги – её оригинальность в том, что она в значительной мере написана «от первого лица»: автор много лет не только занималась и продолжает заниматься изучением собственно образцов литературного творчества магрибинских писателей, но и широко использует в книге большой объем имеющихся у неё материалов «полевой» работы, связанной с личными встречами, уникальными интервью, наблюдениями за описываемыми процессами на местах. Именно этот многолетний опыт познания магрибинского литературного мира в соединении с блестящим знанием мировой и европейской литературы позволили С.В.Прохожиной не только искать, находить и преподносить читателю новые взгляды на литературный процесс в странах Магриба, но и оживлять его образами его непосредственных участников.

Наверное, эту работу можно было бы определить, как авторское литературоведение, динамичный творческий процесс, основанный на огромном материале, не только прочитанном, но и пережитом.

«Процессы» – это не отвлеченное высказывание, а глубоко прочувствованное восприятие творческих исканий представителей франкоязычной литературы Африки второй половины прошлого – начала нового века, живое, личное соприкосновение с ними. Все повествования и даже свои уже ставшие фундаментальным достоянием востоковедов и арабистов прежние работы автор «обновила», придав им новое звучание. Вместе с новыми и новейшими материалами корпуса магрибинской франкоязычной литературы, представленными в исследовании, они звучат гармонично, аргументировано и убедительно, и все подчинены общему лейтмотиву книги – анализу историко-культурного процесса XX–XXI столетий в арабо-берберских странах Магриба, преломленному в литературном франкоязычии.

Постоянный участник конференций и автор многих публикаций Группы гендерных исследований ИАФР РАН, Светлана Викторовна не могла обойти вниманием женскую тематику в магрибинской литературе. Ею выделен самостоятельный раздел, освещающий образцы женской литературы. Ссылаясь в своем анализе на примеры творчества Лейлы Дебеш, Ассии Джебар, Хафсии Джелилы, других новеллистов, С.В.Прохожина напоминает, что «гендерные аспекты» в художественной литературе Магриба существовали всегда: и потому, что писатели-женщины присутствовали полноценно и наряду с писателями-мужчинами в литературном процессе, и потому, что именно её, Женщину, магрибинские писатели-мужчины часто изображали в своих произведениях как символ страны, её истории, соединяли в образе женщины всю боль общественных противоречий и конфликтов. И образ Женщины как нельзя луч-

ше соответствовал лику родины, поднимавшейся на битву за независимость. Или образу обреченного обществом на страдание человека, испытывавшего гнет патриархальных устоев и религиозных догм и жаждущего духовного и физического раскрепощения (с. 278).

Второй раздел – «*Портреты*» (с. 373–628) – своего рода презентация магрибинской и берберской литературы «в лицах», своеобразная галерея литературных «доказательств», как уже известных по предыдущим трудам С.В.Прохожиной (замечу, представленных в блестящем авторском переводе), так и абсолютно новых образцов литературного творчества магрибинских писателей, иллюстрирующих яркими живыми текстами постулаты и тезисы, прописанные в первой части монографии.

«*Портреты*» – это собрание художников Слова, представителей франкоязычия Магриба и тех их произведений, которые именно сегодня, по мнению автора, «особенно актуальны, “созвучны” даже и нашему нелегкому времени, и пути нового нашего “самоопределения” в пространстве мира, нас окружающего» (с. 9).

Это череда веских, убедительных художественных доказательств способности арабских писателей, прошедших «школу европейского письма», рассказать на французском языке, показать соотечественникам и мировой художественной общественности специфику постколониальной реальности Магриба во всей совокупности её социально-культурного бытия, нарисовать картины новых драматических поисков, нравственных и физических страданий, социальных противоречий, внутрисполитических конфликтов, этноконфессиональных разногласий, картины нового социального и конфессионального угнетения мира.

Здесь дан развернутый анализ творчества различных магрибинских авторов разных поколений: И.Эберхардт, А.Греки, Абдельхамида Байтара, Малека Хаддада, Башира Хадж Али, Мулуда Маммери, Мухаммеда Дибба, Азуза Бегага, Хишама Тахира и мн. др. Несмотря на большой временной разброс в творчестве представленных писателей, психологические зарисовки, помещаемые автором в этой части книги, свежи и актуальны. Они изобилуют мельчайшими деталями, нюансами и фактами, демонстрирующими авторскую эрудированность, глубокое знание материала, тактичное с ним обращение.

Эта часть открывается рассказом о художественном наследии «русской алжирки». Русская по происхождению, европейка по воспитанию, мусульманка по призванию души, Изабелла Эберхардт (1877–1904) одна из первых среди европейцев в Алжире взывала в своих произведениях к «Братству» и взаимопониманию разных народов. К борцам за истинную Справедливость и Равенство. И сегодня во Франции, где снова обострилось отношение к североафриканцам, есть те, в ком живет дух Изабеллы Эберхардт «с мечтой о Братстве» всех народов, которые жили на земле Алжира (с. 380).

«Будущее придет завтра. Будущее придет скоро». Это строчки стихотворения Коlette Грегуар (более известной по псевдону Анна Греки) – молодой и отважной женщины, француженки, выросшей среди берберов, отсидевшей в тюрьме Барберус, исторически знаменитой своими мрачными застенками, где в эпоху господства колониализма томились и погибали борцы за независимость родной страны. Француженка Анна Греки по-своему, поэтически, отстаивала свое право войти в ансамбль имен тех алжирцев, которые не только боролись за независимость, но и верили в возможность Наступления Рассвета (как Свободы) после «колониальной ночи» (с. 414).

Абдельхамид Байтар – еще один представитель литературного процесса в прозаике магрибинцев колониальной эпохи. Его небольшая (всего 50 страниц) книга – настоящее собрание героических примеров, имен мучеников, погибших или выживших в битве с колонизаторами. Особо трепетно повествует автор этой книги о женщинах-алжирках, которые, несмотря на религиозные запреты, уходили в горы помогать партизанам, работали связными, санитарками, кухарками, преодолевая неведомые никогда ранее опасности, да просто жертвовали собой во имя спасения родной земли, отстаивая «её честь», порой забыв о своей – той, которую завещали свято хранить предки... Эту маленькую, но пронзительную на своему настроению книгу С.В.Прохожина определяет и как документ эпохи, и как пример, который надолго останется в исторической памяти своего народа, называет образцом для других, так или иначе решающих проблему самоопределения (с. 433).

В галерее «*Портретов*» особое место занимает творчество «франкоязычного бербера из Алжира, художника Слова – Мулуда Маммери, о котором автор книги ведет рассказ от первого лица. Этого берберского художника Слова она выделяет как писателя, которому удалось не только воссоздать картины жизни прошлого и настоящего родины, но и предвидеть будущее своей страны, избравшей сложный и неоднозначный путь самостоятельности и независимости (с. 498).

Поднимая чрезвычайно важную для магрибинского литературного франкоязычия проблему порубежности, дебатов о культурной метисации, С.В.Прохогина приводит в пример творчество еще одного представителя «драмы культурной порубежности» – Малек Хаддада, одного из строителей Слова, пытавшихся соединить берега разных культур, одного из отряда тех, для кого французский язык стал «оружием, выхваченным из рук врага» (К.Ясин), чье творчество стало не только художественным самовыражением, но и возможностью самой литературы говорить от имени своего народа.

Искания этого большого, по мнению С.В.Прохогиной, художника оказались несовместимыми с главной необходимостью – оставаться, прежде всего, алжирцем, не отрывать от собственных корней, перейдя в пространство чужого языка, а значит, в известной степени – и чужой культуры. Его творчество осталось в истории литературы образцом объективных возможностей соединения национальной специфики и духовных ценностей европейской культуры на языке, заимствованном у неё (с. 444).

Классик алжирской литературы Мухаммед Диб, поклонявшийся русской классике (И.Тургенев, К.Паустовский), знавший и любивший русскую поэзию, определяется С.В.Прохогиной как автор с устойчивой эстетической позицией: показывать в своем творчестве только правду. «Лаэцца» – последняя книга М.Диб. В ней автор в «свидетельской» форме, в откровениях дневниковых записей и в реалистичных и беспощадных зарисовках собственного автопортрета не скрывает мыслей крупного писателя о «новых временах». И пусть, пишет С.В.Прохогина, это покажется кому-то странным, но свою лепту в это откровение внесла и русская поэзия, «наше всё» – А.С.Пушкин... (с. 537).

* * *

«Свой путь». Книга названа как итог очень индивидуализированного пути, пути, пройденного не только литературой, отстаивающей свою тунисскость, свою алжирскость, но и самим автором, новаторски исследовавшим литературу, автором, поклоняющимся искусству Слова. Не будь этой книги, русскоязычному читателю вряд ли бы представилась возможность ознакомиться с этой яркой плеядой поэтов и прозаиков и их художественными свидетельствами, этими неоднозначными оценками исторического феномена, именуемого франкоязычной литературой арабского мира. И выбор подобного способа изложения материала, где глубокий теоретический уровень исследования гармонично сочетается с яркими живыми литературными иллюстрациями, позволяет преподнести его во всем многообразии и художественном разноцветии огромного корпуса франкоязычной литературы Магриба.

Завершает свое произведение С.В.Прохогина подлинным гимном Тексту и Времени, подчеркивая, что именно литературоведу выпадает доля интерпретации, анализа и в конечном итоге донесения до читателя смысла творчества того или иного писателя, сущности высказанного художником Слова (с. 632).

Проявляя незаурядную эрудицию, С.В.Прохогина на образцах творений и высказываний Б.Пастернака и А.Толстого, О.Бальзака и К.Колони, Д.Менделеева и М.Бахтина, Д.Лихачева и С.Аверинцева, Ш.Бодлера и М.Лермонтова призывает с помощью литературы познавать, как разное человечество, сохраняясь как единое целое, охраняет свою самобытность и самосущность от попыток разрушения. И искусство Слова порой несоизмеримо мощнее, чем любой другой арсенал человечества (с. 639).

Написанная блестящим литературным языком монография С.В.Прохогиной стала значительным вкладом в литературоведение и историю франкоязычной магрибинской литературы и, несомненно, вызовет интерес не только научной аудитории, но и любителей-интеллектуалов, интересующихся культурной историей стран Магриба.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крылова Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра социологических и политологических исследований Института Африки РАН, Москва, Россия.

Natalia L. Krylova, Dr.Sc. (History), Principal Researcher, Centre for Sociological and Political Sciences Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 05.05.2023

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 12.09.2023